

В Перми произошла страшная трагедия, — ещё одна в нескончаемом ряду бедствий и катастроф, обрушившихся на страну в последние годы. Погибли более ста человек, находившихся в клубе «Хромая лошадь». Сгорели заживо, задохнулись в едком дыму. Чудо ещё, что огонь не перекинулся на жилые дома, среди которых располагался модный клуб. Жильцы домов, которым явно докучало соседство с этим увеселительным заведением, первыми пришли на помощь пострадавшим, выносили их из горящего здания, оказывали первую помощь.

Владелец клуба, «уважаемый бизнесмен» Анатолий Зак, по слухам, близкий к руководству края, не особо думал о противопожарных нормах, прибыль от увеселительного заведения волновала его куда больше. А материалы, использованные для отделки здания, хоть и радовали взор, были изготовлены из легковоспламеняющейся и высокотоксичной пластмассы.

Подобные «евроизыски» можно увидеть почти повсеместно в местах массового скопления людей, — а это не только клубы, но и госучреждения, школы, суды, медучреждения. При горении пластиковые панели выделяют высокотоксичный газ, не оставляющий людям, вдохнувшим его, шансов на спасение.

Неужели нет других, пусть и не таких эффективных с виду, но более безопасных материалов? Например, в Беларуси научились делать блоки из прессованной соломы, которые после обработки специальным составом практически не горят, из них уже возводятся экологически чистые и безопасные дома. Наверняка подобные разработки по уменьшению риска возгорания есть и у нас, но они, к сожалению, не находят практического применения.

Вообще, пожар в Перми ярким факелом высветил целый ряд проблем, которые копились давно и которые стали особенно очевидны сейчас. Медицинские службы города оказались явно не готовы к такому массовому при-

ГОСПОДА, МЫ ГОРИМ!

току пострадавших, не было даже достаточного количества реанимационных автомобилей. Так же, как и во время крушения «Невского экспресса», многих жертв можно было бы избежать, будь людям вовремя оказана помощь. Но если к «Невскому экспрессу» машины скорой помощи просто не могли проехать по сельскому бездорожью (вот он, зримый пример состояния российских дорог!), то в Перми у медиков просто не было возможности помочь обожжённым людям, и их пришлось срочно перебрасывать в ожоговые центры Москвы и Санкт-Петербурга. Если уж в краевом центре медицина находится в столь плачевном состоянии, что уж говорить о более мелких населённых пунктах, где допотопное медицинское оборудование уже давно выработало свой ресурс, а о новом можно и не мечтать.

После принятия бюджета на 2010 год, где расходы на социальную сферу, включая медицину, ещё более урезаны, отечественное здравоохранение придёт в ещё больший упадок. И это при этом, что специалисты прогнозируют лавинообразный рост техногенных катастроф и стихийных бедствий в ближайшем будущем.

Ресурс отпущенного времени стремительно тает. В любой момент все эти «шоу» вместо реальной политики могут спровоцировать пожар, в сравнении с которым померкнет даже пермская трагедия. И бравурное восклицание конференсье в объёме пламени клуба: «Господа, мы горим!» очень скоро может стать рефреном всей нашей жизни.

У объявленного по случаю очередной масштабной катастрофы траура, как ни кощунственно это прозвучит, есть положительный момент, — телевидение в такие дни не изводит нас омерзительной рекламой и пошлейшими юмористическими программами. Не слишком ли высока цена за право смотреть нормальные передачи?

Елена БАДЯКИНА

МИР СЕВЕРА

№ 6 (69), 2009

Этнополитический и литературно-художественный журнал

Учредитель:
редакция газеты «Литературная Россия»

Главный редактор
Вячеслав ОГРЫЗКО

Заместитель главного редактора
Виктор КАШЛЕВ

Редакционный совет:
Еремей АЙПИН (Ханты-Мансийск),
Михаил АНДРЕЕВ (Томск),
Андрей БОРИСОВ (Якутск),
Александр ВАЩЕНКО (Москва),
Людмила ЕФРЕМОВА (Надым),
Николай КУРИЛОВ (Якутск),
Пётр МЕРКЕР (Анадырь),
Надежда МИРОШНИЧЕНКО (Сыктывкар),
Татьяна МОЛДАНОВА (Ханты-Мансийск)

Компьютерный набор
Татьяна ЕГОРОВА

Вёрстка
Алексей СЕМУШИН

Корректор
Светлана ШИШАГИНА

Подписано в печать 15 декабря 2009 года.

Журнал зарегистрирован в Комитете РФ
по печати. Свидетельство о регистрации
№ 015849 от 14 марта 1997 года.

Тираж 4800 экз.

Адрес редакции:
127051, Москва,
Цветной бульвар, 32, строение 3.

Телефоны: 694-23-24, 694-03-65,
Факс: 694-50-10

E-mail: litrossia@litrossia.ru

Отпечатано в ОАО «Щербинская типография»
117623, Москва, ул. Типографская, д. 10.

Тел.: 659-23-27
Заказ

СОДЕРЖАНИЕ

Открывая номер

1

Елена БАДЯКИНА
Господа, мы горим!

Время, вперёд!

4

Валерий ЮДИН
Чей Север? Наш Север!

Встречь солнцу

11

Яков СОЛОДКИН
Сколько было «ермаковых казаков»?

Путешествия наших дней

13

Виктор ПРОНИН
Десант Нижнего буфета на берега реки Обь

Первым делом самолёты

22

Андрей ФИЛАТОВ
Восемь с половиной

Ительменская экспедиция

26

Александр ВОЛОДИН
Восхождение на Эльвелик

- 46 **Евгений ОВСЯНКИН**
Плата за снимок

- 48 **Андрей ПОПОВ**
Нет покоя в родном просторе

- 51 **Александр ЛАТКИН**
Путь между севером и западом

- 58 **Андрей ВЕТЕР**
Право на жизнь

- 62 **Валерий ПОВОЛЯЕВ**
Откуда у чукчей русские фамилии?

- 67 **Вячеслав ОГРЫЗКО**
В споре с лингвистами

- 73 **Елена ПЕРЕХВАЛЬСКАЯ**
У последней черты

Совет попечителей:

Николай ДУДОВ,
губернатор Магаданской области;

Виктор ИШАЕВ,
полномочный представитель Президента
Российской Федерации в Дальневосточном
федеральном округе;

Сергей КАТАНАНДОВ,
глава Республики Карелия;

Виктор КРЕСС,
губернатор Томской области;

Юрий НЕЁЛОВ,
губернатор Ямало-Ненецкого
автономного округа;

Михаил НИКОЛАЕВ,
заместитель председателя
Совета Федерации;

Владимир ТОРЛОПОВ,
глава Республики Коми;

Александр ФИЛИПЕНКО,
губернатор Ханты-Мансийского
автономного округа

ЧЕЙ СЕВЕР?

Пару недель назад автор публикации провёл на одной из московских улиц «социологическое исследование»: в течение получаса останавливал мальчишек и девочек, спрашивал у них, кто такие ульчи, ороки, кереки. В лучшем случае, подростки «вспоминали» лишь североамериканских индейцев, чьи воинственные приключения увлекательно описывал Фенимор Купер.

Валерий ЮДИН,
кандидат
политических наук

Да и вы, уважаемые читатели журнала, думаем, мало что слышали об этих людях или, например, о негидальцах, чуванцах, юкагирах. А они ведь, так же как и все мы, являются обладателями паспортов Российской Федерации. И проживают эти малочисленные народы на Севере, в Сибири, Дальнем Востоке. В РФ тех же керек, к примеру, всего... около ста человек, энцев — нет и двухсот. Зато ненцев — несколько десятков тысяч.

Народы российского Севера заселяют территорию, занимающую более 10 млн. кв. километров (64% общей площади России). Фактически после развала СССР наша страна стала, в основном, северной, но можно смело констатировать, что знания большей части россиян об этих далёких от центра регионах ограничиваются лишь сведениями природно-климатического характера: «Там холодно...».

А если у жителя Сочи или, например, Волгограда поинтересоваться социально-экономическими и этническими

особенностями северных территорий, то коренные южане, скорее всего, продемонстрируют свою осведомлённость в том, что некоторый период холодной Чукоткой правил олигарх Роман Абрамович. Практически каждый взрослый гражданин России знает немало о лауреатах Нобелевской премии, но спроси его о международной премии имени Витуса Беринга, и в ответ — лишь удивлённый взгляд. Россияне уверенно с любой трибуны и в любой компании рассуждают о тонкостях многочисленных деклараций ООН по урегулированию арабо-израильских отношений, но проявляют полную неосведомлённость о международных документах, касающихся прав коренных народов российского Севера.

Автору сегодняшнего текста, отдавшему немало лет развитию находящегося у самого полярного круга коми города Усинска, было крайне обидно, когда в апреле нынешнего года российские СМИ уделили лишь эпизодическое внимание проведению в Москве ше-

стого съезда малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. А ведь на этом представительном собрании делегаты съезда вдумчиво рассмотрели практику реализации в регионах РФ блока законов, которые должны обеспечивать и гарантии, и конституционные права всех малочисленных народов Севера.

Увы, практика эта оптимизма не вызывает, ибо за истекшие два десятилетия из нашего законодательства буквально исчезли некоторые юридические нормы, которые ранее гарантировали северянам заслуженные ими права. Взять хотя бы Федеральный закон «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации». Из него чья-то, не побоимся этого словосочетания, вредливая рука вычеркнула нормы о совместном регулировании правового режима владения, пользования и распоряжения землями традиционного природопользования. Та же рука существенно «подкорректировала» Закон «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока», из которого «испарились» нормы о налоговых льготах. А сколько возмущения у северян вызвало изъятие из Земельного, Лесного и Водного кодексов положений о бесплатном использовании земли представителями коренных народов?!

Не только нами отмечено, что в некоторых действующих законах отсутствует чёткий механизм реальной защиты исконной среды обитания и традиционного образа жизни малочисленных северных народов. Как тут не согласиться с коллегами С.Намса-

НАШ СЕВЕР!

раевой и А.Тармахановым, которые в одной из своих публикаций констатируют фактическую отмену «обязательств публичной власти по отношению к коренным народам»?

Думаю, читатели согласятся и с нашими выводами о том, что северные народы, проживающие на территориях, где добывается почти 100% российского газа, 75% нашей нефти, откуда вывозится почти 40% российской древесины, достойны более завидной участи. Нельзя забывать и о том, что без Севера национальный доход РФ уменьшился бы на 20%.

Понятно и то, что в принципе необходимое для страны промышленное освоение Севера, к сожалению, всегда сопровождалось в нашем государстве (и при советской власти, и ныне) неумышленным разрушением среды обитания народов. В северных реках и водах Ледовитого океана концентрация вредных веществ значительно превышает допустимые нормы. Мы до сих пор не можем забыть печальные события 1994 года, когда в Усинском районе Республики Коми в результате техногенной аварии, произошедшей в одном из подразделений объединения «Коминнефть», на рельеф были вылиты десятки тысяч тонн нефти. Из-за таких катастроф, других видов производственных ЧП происходят масштабные загрязнения почвы, выводятся на Севере из оборота миллионы гектаров оленьих пастбищ. Потому вопрос выживания малочисленных северных народов ныне далеко не праздный, и, на наш взгляд, это, слава богу, начали понимать и в Кремле. Во всяком случае, участники упомянутого нами

На Колыме обнаружена ещё одна семья кереков

выше шестого съезда с удовольствием заслушали приветственную телеграмму Президента РФ Д.Медведева, подчеркнувшего, что «...уникальные обычаи, хозяйственный уклад и духовные ценности коренных малочисленных народов – это неотъемлемая часть многонациональной российской культуры. Бережное отношение к ним является одним из условий гармоничного развития нашей страны, дальнейшего освоения её обширных территорий и природных богатств».

В то же время позволим себе не согласиться с утверждением Дмитрия Анатольевича о том, что сегодня государство «делает всё необходимое для сохранения традиционного образа жизни малочисленных народов, для решения стоящих в этой сфере социально-экономических задач».

Поясним. Экстремальные климатические и географические условия, отсутствие должной транспортной обеспеченности и связанные с этими факторами повышен-

ные издержки производства недостаточно, по нашему мнению, учитываются в экономической политике России. А это и приводит к тому, что уровень жизни на Севере невелик. Не будем забивать головы читателей нудной промышленной и экономической статистикой, показатели которой в северных регионах, кстати, очень даже неплохие. Суть ведь не в цифрах. Дело в том, что за бравурным урчанием сырья в нефтяных и газовых трубах, за высокими показателями средних зарплат и объёма поступлений сборов и налогов все мы как-то подзабыли, что главным объектом воздействия промышленного освоения Севера на его природную систему был и остаётся Его Величество коренной северянин. Согласитесь, уважаемые читатели, экономический подход – дело, конечно, наиважнейшее, но могут ли радовать радужные статистические показатели, если налицо экологические, социальные проблемы, нерешённость которых

препятствует устойчивому развитию северного российского сообщества? Наше же правительство пока об этом задумывается недостаточно, видимо, полагая, что материальная составляющая превагирует у северных народов над их тягой к сохранению своих этноэкологических традиций и обычаев. В отличие от нас, урбанизированных персон, коренные народы российского Севера особо не стремятся к пересмотру своих стародавних моральных ценностей и своего специфического режима хозяйственной деятельности. Эти позиции учитывали члены Комитета Совета Федерации РФ по делам Севера и малочисленных народов при разработке более пяти десятков проектов федеральных законов, регулирующих правовой режим и использование континентального шельфа, другие важные вопросы жизни северных народов. Но, увы, отсутствие целостности в политике государства по решению проблем Севера привело к тому, что большинство этих законопроектов не было поддержано правительством России и нижней палатой парламента...

По мнению нынешнего председателя Комитета Совета Федерации РФ по делам Севера и малочисленных народов Г.Олейника, минувшие полтора десятилетия явились для северных земель России очень сложным, непростым периодом, во временных рамках которого перекрещивались различные позиции. Доходило до того, что на самых высоких уровнях государственной вертикали бытовало мнение о том, что России нет необходимости развивать северные территории: этот процесс, мол, бесперспективен, и следует ликвидировать в районах Севера города и посёлки. А для добычи полезных ископаемых, различных видов сырья целесообразно использовать лишь вахтовый метод работы. Сенатор Г.Олейник с болью отмечал,

Ульчи на Амуре

что «...фактически из Севера хотели сделать сырьевой придаток остальной части России, забывая при этом и о том, что в северных районах живут и трудятся более 10 млн. человек, в том числе и уникальный этнос – коренные малочисленные народы».

Дополним парламентария: 10 млн. российских граждан проживают в районах Крайнего Севера и приравненных к нему местностях, а всего в северных субъектах РФ проживает почти 18% населения нашей страны, или – 25,2 млн. человек. Аналитики одной из структур Федерального Собрания отмечают, что в прошлом году в северных регионах более быстрыми темпами, чем в целом по РФ, росло промышленное производство, привлечено более 28% всех инвестиций в основной капитал по стране и 17,7% поступлений иностранных инвестиций. Более 23% сальдированной прибыли предприятий и организаций России приходится на северные регионы. В 2008 году из северных субъектов РФ поступило 33,2% всех собранных в России налогов и сборов в бюджетную систему страны и 46,7% – в федеральный бюджет. В то же время налицо и тревожный факт: в прошлом году финансовое положение организаций и предприятий северных районов продолжало оставаться проблемным; к концу года, к тому же, ситуацию осложнил кризис, дав-

ший рост доле убыточных предприятий. Естественно, растёт и безработица. В этой связи вызывает большое сомнение целесообразность использования в трудовых процессах иностранцев. Например, трудно понять логику, на которую опиралось руководство Минздравсоцразвития, издав год назад приказ №777н «О распределении по субъектам Российской Федерации утверждённой Правительством РФ на 2009 год квоты на выдачу иностранным гражданам разрешений на работу». Почти полмиллиона не жителей России, которым было разрешено трудиться в северных областях нашей страны, значительно усложнили положение россиян, лишённых работы. Думается, такие действия ряда структур федеральной власти вряд ли усиливают роль государства в регулировании экономики и социальной сферы Севера. Ещё раз подчеркнём, что для полномасштабного развития малочисленных северных народов существенную роль играет сохранение традиционных видов экономики. Нельзя забывать, что немаловажной отраслью хозяйства ненцев, чукчей, коряков, саамов, других северных народов издревле являлся зверобойный промысел, а пушнина всегда приносила России солидные валютные средства. Сейчас на этот промысел введены существенные ограничения. А оледневодство?! Какой смельчак

ныне сможет утверждать, что поголовье дающих мех, мясо, тёплую одежду оленей увеличивается?

Безусловно, экспорт углеводородов, извлекаемых из нефтегазоместорождений в российской тундре, приносит стране огромную прибыль. Её колоссальный объём несопоставим с размером материальной выгоды от развития оленеводства, пушного промысла. Но ведь интенсивное промышленное освоение территорий, как правило, влечёт за собой (об этом практически никогда не упоминается...) и насильственное вытеснение малочисленных народов с земель их исконного обитания. К примеру, народность орочи за истекшие полвека «переселяли» пять раз! Так стоит ли удивляться тому, что орочей осталось всего несколько сот человек? А сколько нанайцев, эвенков, ульчей, юкагиров проживают ныне далеко за пределами родных им территорий?

...Не хотим, чтобы у читателей создавалось мнение, что по рассматриваемым проблемам всё беспросветно и безнадежно. Конечно же, это не так. Нынешнее руководство России понимает, насколько важны для страны сохранение и развитие традиционного уклада коренных малочисленных народов Севера. Суровые природно-климатические условия, уязвимость традиционного образа жизни и малочисленность каждого из северных народов обусловили необходимость выработки и принятия государственной политики, направленной на сохранение самобытной культуры и среды обитания этих народов.

4 февраля 2009 года правительство РФ утвердило «Концепцию устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» (далее – Концепция). Она направлена, прежде всего, на установление правового режима охраны территорий традицион-

ного природопользования с обеспечением доступа малочисленных народов Севера к управлению этими территориями, обеспечение приоритетного доступа малочисленных народов к рыбопромысловым участкам, охотничьим угодьям и биологическим ресурсам.

Реализацию Концепции предполагается осуществить в 2009–2025 годах в три этапа. На первом этапе (2009–2011 годы) будет принят комплекс первоочередных мер, направленных на совершенствование нормативной правовой базы в области защиты прав малочисленных народов Севера, обеспечение приоритетного доступа малочисленных народов к рыбопромысловым участкам и охотничьим угодьям, водным биологическим ресурсам и охотничьим животным, безвозмездное срочное пользование земельными участками для традиционного природопользования. В рамках государственной поддержки планируется создать новые кочевые школы, фактории, объекты социальной и инженерной инфраструктуры, развивать инновационные формы дистанционного образования, мобильные формы оказания медицинской помощи и телемедицины.

Планируется внести изменения в Федеральный закон «О территориях традиционного природопользования коренных и малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» для организации в местах традиционного проживания хозяйственной деятельности малочисленных народов, модельных территорий традиционного природопользования федерального значения.

На втором этапе (2012–2015 годы) будет продолжен курс на осуществление мероприятий по созданию условий для устойчивого развития малочисленных народов Севера. Ожидается, что

на втором этапе произойдут существенные изменения уровня качества жизни малочисленных народов, их занятости в традиционных видах хозяйственной деятельности. Снизится зависимость мест традиционного проживания и традиционной деятельности от завоза топлива и нефтепродуктов в связи с использованием местных (в том числе альтернативных) источников теплоэнергосбережения, будет обеспечен доступ малочисленных народов Севера к медицинским услугам, сети Интернет и мобильной связи.

Кроме того, в результате реализаций мероприятий второго этапа предполагается достижение положительных демографических тенденций среди большинства малочисленных народов Севера, включая увеличение показателя ожидаемой продолжительности жизни в 1,3 раза по сравнению с 2007 годом, снижение смертности детей первого года жизни в 1,5 раза по сравнению с 2007 годом.

На третьем этапе (2016–2025 годы) будут сформированы условия для устойчивого развития малочисленных народов Севера, в том числе включающие эффективные механизмы сохранения исконной среды обитания и традиционного образа жизни, завершения модернизации традиционной хозяйственной деятельности и всей социальной сферы. Предполагается к 2025 году достигнуть среднероссийских показателей жизни малочисленных народов Севера.

Реализация Концепции позволит повысить роль не только коренных малочисленных народов в экологических и социальных процессах в местах традиционного проживания, но и способствовать оживлению экономических, торговых и финансовых связей.

Более того, миграционные процессы и пристальное внимание к северным территориям России со стороны политиков и бизнесменов со-

предельных пограничных стран требуют пристального экологического и социального присутствия на огромной территории Севера, Сибири и Дальнего Востока.

Целью Концепции, реализацию которой предусматривается осуществить в 2009–2025 годах, является создание в России условий для формирования устойчивого развития малочисленных народов Севера на основе укрепления их социально-экономического потенциала при сохранении исконной среды обитания, традиционного образа жизни и культурных ценностей этих народов. Если правительство реализует намеченное, то к 2025 году будут достигнуты среднероссийские показатели качества жизни малочисленных народов Севера, а также снижена смертность детей первого года жизни не менее чем в 2 раза по сравнению с 2007 годом.

Почему правительство в нынешние непростые времена посчитало необходимым принять документ об устойчивом развитии этих народов, требующий немалых финансовых вложений? Прежде всего, из-за особой уязвимости традиционного образа жизни коренных малочисленных народов и относительной неприспособленности их к современным рыночным условиям. Кризисное состояние традиционных видов хозяйственной деятельности, говорится в Концепции, привело к обострению социальных проблем. Уровень жизни значительной части граждан из числа малочисленных народов Севера, проживающих в сельской местности или ведущих кочевой образ жизни, ниже среднероссийского. Уровень безработицы в районах Севера, где проживают малочисленные народы Севера, в 1,5–2 раза превышает средний по Российской Федерации.

Напомню, что к группе коренных малочисленных народов относятся 160 народов

общей численностью около 240 тыс. человек.

В конце 80-х годов XX века об этих народах стали говорить как об исчезающих. Но перепись 2002 года показала позитивные изменения. По отношению к 1989 году естественный прирост этих народов составил около 17 процентов. Как полагают в Минрегионе, отчасти это вызвано ростом самосознания, но не только. На федеральном и региональном уровнях немало было сделано для сохранения этносов как в правовой, так и в социально-культурной сферах. Выросла численность хантов, манси, кетов, ительменов, ороков, тофаларов и энцев. Эту тенденцию и должна поддерживать Концепция устойчивого развития. Главное ее значение в том, что она обобщает российские подходы и наработки в

сфере защиты прав малочисленных народов Севера. Её цель состоит в создании условий и стимулов для формирования внутренних факторов устойчивого развития этих народов.

Показателен и следующий факт. В октябре 2009 года в нашей стране побывал спецдокладчик Совета ООН в области прав человека и основных свобод коренных народов Джеймс Анайя, по словам которого в России, как и везде в мире, коренные народы сталкиваются с рядом проблем, вызванных во многом необходимостью развития экономики и разработки природных ресурсов, с одной стороны, и их желанием продолжать вести традиционный образ жизни – с другой. Коренные народы во многих местах продолжают страдать от бедности, безработицы и схожих социальных болезней, также они сталкиваются с другими проблемами в отношении доступа к традиционным видам хозяйствования и эффективного участия в принятии решений, оказывающих влияние на эти сферы.

Вместе с тем Дж.Анайя отметил, что российские власти как на федеральном, так и на региональном уровнях эти проблемы не скрывают и не игнорируют, а стараются во взаимодействии с коренными народами найти их взаимоприемлемое решение. Он особо подчеркнул, что опыт некоторых регионов России по защите интересов коренных народов должен использоваться не только в России, но и в мире (выделено мною – В.Ю.).

Спецдокладчик отметил, что Концепция устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, принятая правительством в феврале с.г., способствует продвижению прав коренных народов и преодолению их неблагоприятного положения в соци-

Орок

альной и экономической сферах.

Дж.Анаия позитивно оценил российское законодательство, которое касается проблем коренных народов, включая право на землю и природные ресурсы и на сохранение и развитие их самобытных культур. В то же время Дж.Анаия посетовал на его неисполнение и противоречия с другими федеральными законами и политикой, направленной на коммерческое использование природных ресурсов.

Дж.Анаия также изучил ряд примеров успешного сотрудничества российских добывающих корпораций и коренных народов и призвал на законодательном уровне закрепить необходимость такого взаимодействия.

В целом Дж.Анаия рекомендовал российским властям во взаимодействии с организациями коренных народов продолжить совершенствование законодательства по вопросам коренных малочисленных народов, укреплять уже существующие и создавать новые механизмы взаимодействия властей и коренных народов.

Кроме того, он призвал Россию официально поддержать Декларацию ООН о правах коренных народов. По его словам, в России, воздержавшейся при голосовании по Декларации, практически все её положения уже осуществляются на практике, а для защиты прав коренных народов сделано гораздо больше, чем во многих странах, подержавших данный документ. Официальное признание необходимо для укрепления авторитета Декларации.

Ожидается, что доклад о своём визите в Российскую Федерацию Дж.Анаия представит в сентябре 2010 г. на очередной сессии Совета ООН по правам человека.

Руководство РФ стремится, с одной стороны, сохранить традиционный уклад и деятельность, с другой, – под-

нять уровень жизни до среднероссийского показателя. Необходимо помочь этим народам крепко встать на ноги в экономическом отношении, модернизироваться без ущерба для самобытности, найти ниши, где они могут быть конкурентоспособными. Для этого необходимо решить ряд задач, главные из которых – развитие традиционных занятий, содействие самоорганизации, повышение уровня доступа к образованию и другим социальным услугам, снижение детской смертности.

Безусловно, в жизни малочисленных народов одобренная правительством России Концепция сыграет огромную роль, поскольку её основные направления затронут практически все сферы жизни малочисленных народов – от образования и культуры, строительства жилья до экономических вопросов – создания условий для малого предпринимательства, перерабатывающей отрасли, поддержки традиционных отраслей Севера.

Конечно, раньше и даже в постсоветское время принимались решения, постановления, но данная Концепция в таком виде принимается первый раз.

То, что отличает новую Концепцию от предыдущих подобных документов, так это предполагаемая организация системы государственного статистического мониторинга состояния малочисленных народов Севера. Будет правильно, если мониторинг уровня жизни коренных народов станет критерием эффективности государственной политики в этой сфере. Главное, чтобы эта работа проводилась ежегодно.

Такая, по сути, глобальная Концепция, рассчитанная не на один год, несёт определённые финансовые нагрузки. Если до прошлого года действовали целевые федеральные программы, то с этого года субъектам выделяются субсидии.

Сегодня изменилась схема государственной поддержки коренных малочисленных народов России. 10 марта 2009 года Правительство Российской Федерации утвердило правила распределения и предоставления из федерального бюджета субсидий бюджетам субъектов Российской Федерации на поддержку экономического и социального развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Причём суммы субсидий, выделяемых регионам для развития малочисленных народов Севера, возрастают. В 2008 году было выделено 209 миллионов рублей, в 2009-м – свыше 600 млн. рублей и дальше по нарастающей.

Целесообразно было бы, чтобы поступающие субсидии расходовались по согласованию с объединениями, ассоциациями малочисленных народов. В своё время, когда существовал Госкомитет по Северу, вопросы финансирования, например строительства жилья, утверждались только после подписания соответствующего документа ассоциацией, объединением народов Севера. Лишь в этом случае мы будем знать, как и на что тратятся средства выделяемой субсидии. Следовало бы восстановить данный механизм для финансовой прозрачности, установления общественного контроля.

Самое главное – народы Севера не должны ждать, что правительство или министерство придёт к ним и предложит готовый план действий. Концепция, планы будут действовать только в том случае, если сами малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока, общественные объединения в лице ассоциаций проявят свою активность, принципиальность в отстаивании позиции и предложений.

Отмечу, что Концепция представляет собой принципиально новый подход в отношении коренных малочисленных народов Севера, Си-

бири и Дальнего Востока России. Подразумевается, что совместными усилиями органов государственной власти, местного самоуправления, общественных объединений, национальных и этнических ассоциаций реально сдвинуть с мёртвой точки проблемы существования, выживания малых народностей Севера. Вряд ли является секретом факт того, что на протяжении последних десятилетий эти люди оставались всего лишь этнографическим фоном индустриального освоения северных широт.

Как известно, статус коренных малочисленных народов определён Конституцией России, Федеральным законом «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации», рядом других актов. Именно из-за особой уязвимости традиционного образа жизни этих народов и относительной неприспособленности их к современным рыночным условиям этой категории россиян уделяется особое внимание правительства. Государство считает своим долгом оказывать им поддержку, помогать в сохранении культуры и традиционного уклада. План мероприятий, подписанный главой правительства, предусматривает разработку проекта нормативного правового акта о возмещении убытков, причинённых коренным малочисленным народам Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации в результате нанесения хозяйственной деятельностью ущерба их исконной среде обитания. Кроме того, будет подготовлен проект федерального закона о внесении в отдельные законодательные акты изменений в части обеспечения приоритетного доступа аборигенов, их общин и иных объединений к охотничьим угодьям в местах их традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности.

В проекте мероприятий значатся и предложения по

внесению в Лесной, Земельный, Водный кодексы РФ изменений – в части приоритетного доступа коренных малочисленных народов к возобновляемым природным ресурсам.

Будут внесены изменения в отдельные законодательные акты РФ в части привлечения представителей коренных малочисленных народов к охране объектов животного мира, водных биологических ресурсов в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности этих народов. Документ предполагает создание модельных территорий традиционного природопользования федерального значения, а также развитие системы переработки продукции оленеводства, рыболовства, охоты, других традиционных промыслов и её сбыта. Будет разработана и внедрена система показателей качества жизни этих народов. Кроме того, согласно плану, предусмотрены мероприятия по развитию оленеводства, повышению качества и доступности услуг связи, транспортных услуг, оптимизации локальной энергетики в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов.

Необходимо решить ряд проблем, решение которых может значительно повысить уровень и качество жизни коренных малочисленных народов Севера. Это регулирование экономических отношений между недропользователями и коренным населением, социальная защита и адаптация коренных малочисленных народов к рыночным условиям, организация рыбной ловли. Это и состояние здоровья, невысокие денежные доходы, недостаточное пенсионное обеспечение малых народов. Неконкурентоспособны традиционные художественные промыслы, ремёсла. Планируется разработать документ о порядке

отнесения граждан РФ к коренным малочисленным народам, утверждён перечень территорий традиционного проживания и хозяйственной деятельности, традиционного природопользования федерального значения, порядок регистрации родовых, семейных общин и перечень видов их традиционной хозяйственной деятельности. Многие факторы жизни коренных народов обуславливают риски смертности в трудоспособном и молодом возрасте. Особенно тревожны данные о росте суицидов и младенческой смертности, которая намного выше среднероссийских показателей. Уровень материнской смертности в районах Крайнего Севера в два-три раза превышает среднероссийский показатель. Продолжительность жизни народов Севера на 18–20 лет ниже, чем в среднем по России, и на 30 лет – чем у аборигенов Аляски и Севера Канады.

Увы, до сих пор происходит разрушение хозяйственной деятельности, утрата культурной преемственности, языковая ассимиляция, отчуждение от управления и ощущение невозможности адаптироваться к новой агрессивной социальной среде, резкое снижение физического и духовного здоровья.

Безусловно, концепция – это фактическая декларация о намерениях, и хотелось бы услышать, как правительству удалось воплотить в реальность хотя бы одно из предыдущих своих постановлений, направленных на улучшение жизни северян. Помимо всего прочего, было бы очень полезно, если северяне, которые на протяжении десятков лет остро переживают состояние своего несовершенно миропорядка, наконец-то воочию увидели сокращение разрыва между словами и делами руководителей России по преодолению отсталости её северных земель...

МОСКВА

В начале 1580-х годов казачья «дружина» разгромила «Кучумово царство», ставшее вскоре частью Российской державы. Сколько воинов повёл с собой за «Камень» «ратоборный атаман» Ермак, не знали в точности уже младшие современники «Сибирского взятия»; спорят об этом и историки последних десятилетий.

В 1620 году, в начале патриаршества Филарета – отца царя Михаила Фёдоровича, была учреждена тобольская архиепископия. По этому случаю, видимо, в Москве сочинили «Краткое описание о Сибирстей земли и о походе атамана Ермака», вскоре использованное в официальном «Новом летописце». В этих произведениях утверждается, будто «старейшина» Ермак и многие другие «атаманы» донских и волжских казаков явились в Прикамье, на Чусовую, «по присылке Максима Строганова» (то есть по его приглашению) и, взяв здесь 50 «тутошних людей», двинулись к границам Сибирского ханства. Возможно, в «Кратком описании ...» запечатлелись устные рассказы ермаковцев, приехавших в «царствующий град» с неожиданной для Ивана Грозного вестью о завоевании казачьим «товарством» целого татарского «юрта».

В первый день осени 1636 года, по свидетельству её автора, была завершена «Повесть о Сибири и о сибирском взятии» владычного дьяка Саввы Есипова – первая из дошедших до наших дней сибирских летописей. Не раз подчёркивая малочисленность казачьего отряда, сумевшего одолеть Кучума, его племянника Маметкула и их «воев», дьяк трёх кряду тобольских архиепископов указывает, что под началом Ермака находились 540 человек. Эта цифра повторена во всех более поздних летописях сибирского происхождения, включая Погодинскую, где приведены зачастую уникальные сведения (скорее всего документальные) о количестве ермаковцев, ездив-

ших в Москву с войсковой «отпиской» о «взятии» татарского «царства», казаков, и вернувшихся на Русь после гибели своего «наставника», и служилых людей, отправленных в Сибирь Иваном Грозным, а затем его «освятованным» наследником Фёдором во главе с воеводами Семеном Болховским и Иваном Мансуровым.

Благодаря Румянцевскому летописцу, где сочинение Есипова дополнено по нескольким другим летописям, мы узнаем, что 540 казаков подчинялись 9 атаманам.

Не исключено, что дьяку Софийского дома о численности казаков, «сбивших с куреня» сибирского «салтана», поведали те из них, кто доживал свой век в «стольном» Тобольске – либо в «старой сотне» гарнизона, либо уже в богадельне – в 1620-х – середине 1630-х годов. Но появление «есиповской» цифры можно объяснить и иначе. Вслед за синодиком (поминальным списком) «ермаковых казаков», составленным по распоряжению первого тобольского владыки Киприана, «архиепископль» дьяк указывает, что в стане вероломного Карачи – ранее приближенного Кучума – были перебиты 40 казаков атама-

на Ивана Кольца. Прежде же в изображении Есипова – теперь уже вразрез с синодиком (даже тем, которым тобольский «слогатель» заключил свою летопись) – «единомысленная дружина» не несла потерь. Выходит, что Ермак непосредственно предводительствовал пятью сотнями казаков, а в то время это была самостоятельная военная единица.

Почти одновременно с Есиповым, но в Приуралье, скорее всего в Соли Вычегодской, возникла Строгановская летопись. Её безвестный автор, стремившийся прославить заслуги своих заказчиков – широко известных купцов и промышленников Строгановых – в подготовке «Сибирского взятия», уверяет, что помимо 540 «ермаковых казаков» за «Камень» двинулись и 300 немцев и литовцев, ранее служивших «именитым людям» Прикамья. (В одной Сольвычегодской летописи XVII века, зависящей от Строгановской, быть может, из-за ошибки переписчика говорится о 330 таких иноземцах). В немцах и литовцах, которых Строгановы могли отрядить в помощь Ермаку, чаще всего видят пленных, захваченных русскими в период

многолетней Ливонской войны и выкупленных богатыми солепромышленниками у московских властей. Это вполне вероятно, учитывая, что в конце царствования Ивана Васильевича десятки выходцев из Западной Европы и Великого княжества Литовского числились в гарнизонах Нижнего Новгорода и Казани. Однако ни в сибирских летописях, начиная с Есиповской, ни в документах (а их количество растёт!), отражающих события «зауральской эпопеи», иностранцы не включаются в число участников завоевания Кучумова «юрта». Так, об этом умалчивается в давно изданной «опальной» грамоте царя Ивана Строгановым (1582 год). Двое из них – Максим и Никита – обвинялись в том, что отпустили «волжских воров» Ермака, других атаманов и казаков «воевати» «сибирцов» и их соседей. (Известный новосибирский историк Д.Я. Резун объявил предводителем строгановских «охочих казаков» Ивана или Черкаса Александрова, но безо всяких оснований.)

В Кунгурском летописце, который нередко признаётся памятником казачьего фольклора второй половины XVII века, численность «скопа» Ермака, промышлявшего разбоями на Каспийском море, определяется в 7000; из этой вольницы 5000, как дважды сообщается в летописце, из строгановских владений отправились в неведомые сибирские «землицы».

Традиционное название за этим сочинением закрепилось потому, что оно, по мнению большинства учёных, было найдено в уральском городе Кунгуре знаменитым тоболяком Семёном Ремезовым – историком, писателем, географом, картографом, зодчим, художником петровского времени. Ремезов, многие десятилетия собиравший предания о Кучуме и Ермаке и включивший 20 листов Кунгурского летописца в текст собственной «Истории Сибирской», определил количество «православных воев», «низложивших пре-

гордого» сибирского «царя», в 3000; во время «хождения Ермакова» эта цифра якобы последовательно сократилась до 1636, 1060 и даже 45 – скорее, как думалось академику Г.Ф. Миллеру, сославшемуся на показание Есипова, 545, тем более что следом Ремезов пишет о гибели 20 казаков на рыбалке под Абалаком и 40 (атамана Ивана Кольца) в «улусе» Карачи, посылке казачьим «старейшиной» 64 «искусных юнных мужей», дабы пленить царевича Маметкула – племянника Кучума, 50 «ратных», участвовавших в походе, ставшем для их «наставника» последним, возвращении 150 казаков «в Русь на свои жилища». (Предпочтительнее известие Погодинской летописи о 90 уцелевших казаках, «взявших» «за саблю» татарское ханство в «полунощной стране».)

Г.Ф. Миллер, снискавший заслуженную славу «отца сибирской истории», признавал наиболее достоверными сообщения Кунгурского летописца и ремезовской «Истории», которые и нашёл, хотя полагал, что «Ермаково войско» вначале насчитывало 6000 человек. Замечательный учёный считал невероятной возможность разгрома огромного ханства силами всего нескольких сот казаков. На решение Г.Ф. Миллера могло повлиять и то обстоятельство, что, как он выяснил, в экспедиции в Среднее Прииртышье, завершившейся основанием города Тары (1594 год), должно было принять участие свыше 1500 служилых людей, а в походе в Барабинскую степь год спустя – 483. Основоположник научного сибиреведения, очевидно, не забыл и про свидетельство Есипова (повторённое в Ремезовской летописи), что накануне решающей битвы на Чувашевом мысу близ ханской столицы кучумлян было в 10, если не в 20 раз больше, нежели ермаковцев.

Г.Ф. Миллер знал и то, что Строгановы в «прибавку» к отряду, приведённому Ермаком, выделили атаману до 40 проводников-зырян и «охочих»

казаков, иначе говоря, решивших отправиться в Сибирь по своей воле. Источник этого известия, отголоски которого слышатся в Кунгурском, Пинежском и Бузуновском летописцах, остаётся загадочным.

Выдающемуся историку прошлого века А.А. Зимину представлялось (вероятно, на основании «Нового летописца»), что в Сибирь из строгановских вотчин выступили не свыше 600 воинов, которые ранее «казаковали» на Дону и Волге, Яике и Тереке. Некоторые современные учёные (к примеру, Ю.С. Худяков) находят, что храбрый «смлада» атаман, бросивший вызов Кучуму, располагал 5000-й ратью. Однако большинство исследователей полагает, что «русский полк», сокрушивший без какого-то правительственного участия «бусурманское царство» в «Закаменской стране», не превышал 840 (такого мнения держался ещё Н.М. Карамзин) или 540 казаков (недавно, например, об этом писали Н.И. Никитин, А.Т. Шашков, В.А. Могильников). Последняя цифра, если вспомнить о её происхождении, кажется наиболее правдоподобной. Хотя «велеумный» (по определению строгановского летописца) Ермак располагал лишь пятью-шестью сотнями казаков, их мужество, боевой опыт, превосходство в вооружении и организации оказались достаточными для победы над многочисленными отрядами Кучума, ханство которого, как сразу обнаружилось, не обладало внутренней прочностью. Тем не менее тяжёлые потери, понесённые казаками, вынудили их после гибели предводителя оставить Сибирь, и её включение в состав Московского царства затем стало осуществляться государевыми служилыми людьми, среди которых на первых порах было и немало сподвижников обретшего бессмертие Ермака Тимофеевича.

Яков СОЛОДКИН

г. НИЖНЕВАРТОВСК

ДЕСАНТ НИЖНЕГО БУФЕТА

Насколько я помню, за круглыми зелёными столиками Нижнего буфета ЦДЛ постоянно составляются отчаянные планы покорения дальних городов, стран, а то и материков. Но каждый раз что-то мешает осуществлению этих дерзких замыслов. Чаще всего не хватает денег. Но это ложное объяснение, для простачков и непосвящённых. На самом деле не хватает решимости, отчаянности, а если одним словом – молодости не хватает, молодость кончилась у старожилов Нижнего буфета. Сказал ведь классик – я себя имею в виду: «В Нижнем буфете можно легко провести всю жизнь, но как же невыносимо тягостно здесь тянется вечер!»

И вот свершилось – писатель Леонид Бабанин, проживающий в невообразимо далёких просторах Западной

Сибири, в маленьком посёлке Берёзово, где когда-то маялся в ссылке со своими красавицами-дочками генералиссимус Меньшиков, однажды позвонил и сказал:

– Ребята! Я вас не понимаю! В Берёзово золотая осень, можете назвать её Бабьим летом... Катер, заправленный и горючим, и горячительным, покачивается в волнах у самого берега, две каюты убраны и приготовлены к приёму гостей, я готов взять на себя обязанности капитана, штурмана, механика и кока... Обь как никогда прекрасна и полноводна, а поскольку хозяйственная деятельность на её берегах давно замерла, то рыбы в ней расплодилось видимо-невидимо! Лосось, муксун, налим, таймень, стерлядь... Клюёт, не дожидаясь, пока крючок коснётся поверхности воды... Вам только добратъся,

остальное беру на себя. Мне продолжать?

Ну что сказать, были сборы недолги. Не устояли ребята... А кто устоит? И про возраст забыли, про болезни и недомогания, про финансовые затруднения... Да что там финансы – преданных жён, не колеблясь, оставили зарёванными на перроне Ярославского вокзала. Не дрогнули перед предстоящими испытаниями поэт и знаток лесной нечисти Юрий Куксов, потрясающий фотохудожник Владимир Мартынюк, ваш покорный слуга «ворошиловский стрелок» Виктор Пронин, представитель дружественной Украины журналист Валерий Пронин и примкнувший к нам в последний день известный критик, пожелавший остаться неизвестным.

Возраст? Большинству за семьдесят. Почти двое суток

поездом, несколько часов «метеором» по диким рекам Западной Сибири, опять поездом и, наконец, Берёзово. Прибыли ночью. На дощатом причале в свете хилого фонаря нас приветствует торжественный и щеголеватый в зауженном пальто Леонид Бабанин.

– Завтра отплытие на катере, – сказал он вместо приветствия.

А ровно через две недели, ступив на перрон Ярославского вокзала, мы с лёгким изумлением одновременно выдохнули:

– Слава тебе Господи... Неужели выжили?!

Главное достижение – вернулись все. Заросшие, помолодевшие и что-то в себе и друг в друге открывшие. Другими словами – избавились от привычных иллюзий и заблуждений относительно самих себя и своей роли в этом «прекрасном и яростном мире». Хотя как знать, как знать... Может быть, некоторые в этих своих глупых и смешных иллюзиях-заблуждениях и окрепли. Ну что ж, дай им Бог здоровья.

Сразу скажу – эти записки не есть наш коллективный отчёт о проделанной работе. Это есть мои скромные заметки, сделанные наспех, на клочках бумажек, перемазанных пеплом костров, рыбьей чешуей, с прилипшими перьями после утиной охоты, на обрывках, пропитанных моими слезами, высеченными из глаз ветром – свежим и злым ветром, зародившимся тысячи лет назад над бескрайними водными просторами Оби-реки, ветром, до сих пор беснующимся здесь с каким-то бандитским присвистом.

Предупреждаю – связного повествования не будет, будет нечто обрывочное и бестолковое, как и мои мятые бумажки на дне сумки. Но за искренность и правдивость отвечаю.

Пужинали в доме нашего хозяина Лёни Бабанина, про-

изнесли по такому случаю то-сты – никого не забыли, каждому пожелали доброго здоровья, творческих успехов и, как это у меня водится, побед на всех фронтах – и на Первом Белорусском, и на Втором Украинском, и на Третьем Грузинском... В полном соответствии с нынешней международной обстановкой и нашими патриотическими чувствами. Хотя, честно говоря, отсюда, из центра Западной Сибири, из посёлка Берёзово, эти фронты казались так далеко, так далеко... Как на Марсе. А отсюда всё, что происходило на Земле без нас, – как на Марсе.

Расположились на диванах, кушетках, креслах, какие только нашлись в доме Бабанина. После нескольких суток вагонной тряски всё это показалось нам пуховыми перинами.

Поделюсь недобрым наблюдением: вроде бы все равны, вроде бы все простодушны и нелукавы, но каждый раз – здесь ли, на кухне у Бабанина, в железных каютах катера, в вагоне поезда, на берегу у костра – все неизменно располагались в полном соответствии с собственным пониманием о самом себе и о той роли, которую данный субъект играет в отечественной литературе. И с той же неизменностью каждый раз самое неудобное, скромное место доставалось Юре Куксову.

Менталитет, блин!

Спасибо, Юра! Своим простодушием ты умирал гордыню других. Потому-то и стихи у тебя получаются искреннее, трепетнее и, прости за грубое слово, талантливее.

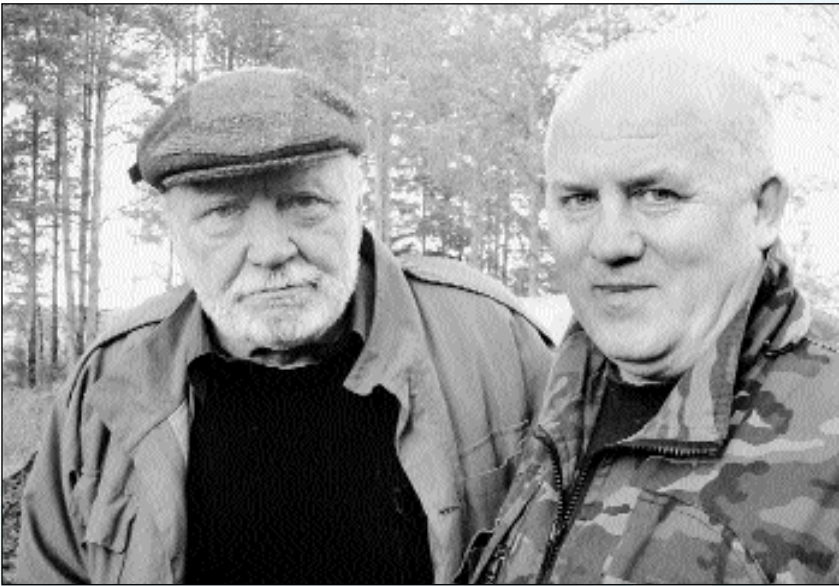
Наш капитан Леонид Бабанин стоит за штурвалом. Он непривычно суров, сосредоточен и даже, кажется, недоволен той бестолковой суетой на катере, которую мы устроили по случаю отплытия. Володя Мартынюк носит по палубе с фотоаппаратом, Куксов стоит на носу, и

его вдохновенные седые локоны развеивает свежий ветер, мой брат Валера сосредоточенно разливает водку по маленьким пластмассовым стаканчикам. Больше всего он озабочен тем, чтобы эти стаканчики не унесло ветром в Обь. С водкой уже не унесёт, водка придаёт стаканчикам вес. Некоторым из нас водка тоже придаёт вес, несвойственный человеку в обычном его состоянии.

Так мы отпраздновали начало нашего путешествия. Идём по течению, скорость около пятнадцати километров в час, возвращаться будем со скоростью пешехода – шесть-восемь километров в час. Пока нас это радует – чем меньше скорость у нашей посудины, тем дольше мы пробудем на Оби.

Вернёмся на несколько дней назад – до того как мы попали в Берёзово в объятия нашего друга Лёни Бабанина, нас перехватил в городе Серове Владимир Черня – многолетний тренер знаменитого боксёра Кости Дзю. Он взял под свою опеку девятилетнего мальчишку и за тринадцать лет вывел его в мировые чемпионы, обладателя всех мыслимых и немыслимых боксёрских поясов. Об этих годах Владимир Черня написал прекрасную книгу, в которой рассказал, чего ему стоили эти чемпионские звания, чего они стоили самому Косте. Книга называется «В углу». Изданная небольшим тиражом в Серове, в скромном полиграфическом исполнении, она разлетелась в мано-вление ока!

Ну что, издатели? Что скажете, вершители книжных судеб? Издать бы книгу надо, а? Достойно, красиво, соблазнительно для многомиллионного читателя, а? А какие фотографии показывал нам Владимир Черня, какие плакаты, напечатанные едва ли не во всех столицах мира, плакаты, посвящённые победам Кости! Думайте, ребята, думайте!

Рядом со мной – Владимир Черня – многолетний тренер Кости Дзю

Встретились мы с Владимиром Черня на его таёжной даче, у чугунного котла, в котором томился плов, в окружении его близких друзей, но самое главное – в день 40-летнего юбилея Кости Дзю, 19 сентября. А 20 сентября, на следующий день, мы в том же составе отметили и мой скромный день рождения, не столь торжественно, но тем не менее... Тоже вокруг чугунного котла. Мои попутчики по Оби скинулись и подарили мне громадную морковку, вырванную с грядки Владимира Черня. Не спешите улыбаться – морковка оказалась невообразимо изысканных и срамных форм. На фоне этой красной красавицы все мы сфотографировались – краснея и пряча глаза от её бесстыдства.

– Ну что, Володя, – спросил я Владимира Черня, – вернётся Костя на ринг?

– Вряд ли... Пятый десяток мужику пошёл... Это для шахматистов молодость, но не для боксёров. К тому же он сейчас телевизионными шоу увлёкся... Но и дело делает – создаёт детские спортивные школы. С боксёрским уклоном, естественно. Думаю, мы о нём ещё услышим.

Возвращаемся на катер Леонида Бабанина. Латан-

ный-перелатанный, с мятыми бортами, косо приваренными стойками, с провисшими тросами, он тем не менее мужественно вспарывал обскую волну, унося нас всё дальше на север, в сторону Ледовитого океана. А по берегам полыхала золотая осень. В хорошее время мы приехали, главное – ни комаров, ни мошкар. Да, зябко было по ночам в железных каютах, да, тесноваты лежаки, но всё окупал ясный солнечный день, Бабы лето и само понимание – по Оби дуем, ребята! Впереди Ледовитый океан! Мы не добрались до него, да и намерения такого не было, не успевали до морозов вернуться.

Я не видел реки более пустынной и безжизненной. Ни единой лодки, катера, баржи, не говоря уже о чём-то пассажирском, ни единой завалившей избушки по берегам. Со счастливыми переменами на Руси замерла здесь жизнь. Но и польза от всего этого случилась – рыбы расплодилось... По спинкам можно на другой берег перейти.

И вот идём мы, идём вдоль песчаных берегов, отмахали не то сто, не то двести километров, и вдруг – о, радость! На берегу стоит чум – сведённые вместе десяток жердин,

накрытые оленьими шкурами. Причалили. По доске с перекладинами спустились на берег. Поднялись к чуму. Обнаружились признаки жизни – добродушная собака, коза, куры. Из-за кучи дров выглядывают любопытные детские мордашки.

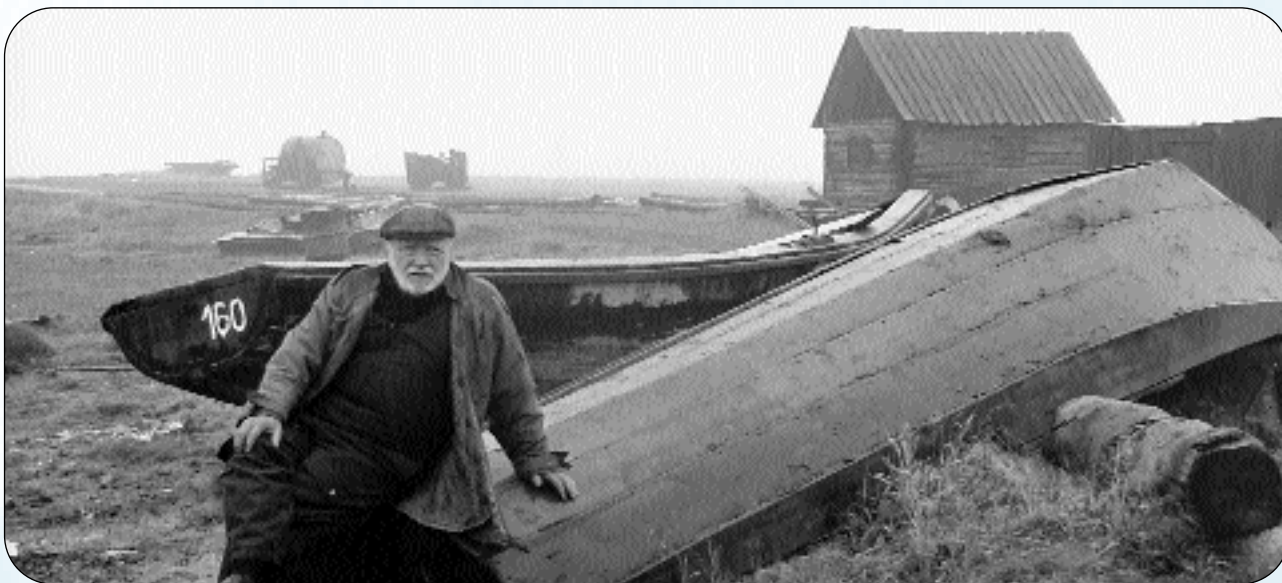
Наконец, откинув в сторону шкуру, из чума вышла женщина. Ханга. Улыбается. Приглашает в чум. Входим. На полу неструганные доски, в углу холодная печка-буржуйка. А на печке лежит потрёпанная книжка. Подхожу, беру, пытаюсь в полумраке чума прочесть название. И с трудом удерживаюсь, чтобы не упасть – книжка-то моя! «Будет что вспомнить...» называется, из детективной серии.

Хозяйка чума немедленно у меня эту книжку изъяла, боялась, что с собой унесу – она у неё единственная, на всю зиму чтение, она и всю прошлую зиму читала её, говорит, плакала. Она, бедолага, не знала, что есть у писателей такой лукавый приём – вымысел. Всё принимала за истину.

Как тут не порадоваться простодушию и искренности, как не распить бутылку, предусмотрительно захваченную с катера, как не смотреть на катер и не принести в подарок ещё полдюжины своих книг! Я уже готов был эту растрёпанную книжечку на чугунной буржуйке, в покосившемся чуме в сотне километров от ближайшей живой души признать высшей моей литературной наградой. А женщина оказалась гостеприимной и доверчивой.

– А что, Витя, – сказала она после второй рюмки, – оставайся. Жильё у нас есть – она провела рукой по оленьим шкурам, висящим на жердинах. – Рыбу я беру на себя, дети тоже на мне, и живность... А ты только книги пиши.

– А мужа куда денем?! Вернётся – а тут я? – Муж в это время со стадами оленей был в тундре.

– Да ладно, – она беззаботно махнула чёрной шершавой ладошкой. – Разберёмся с мужем. Он у меня не злой.

В общем, познакомились с условиями жизни в чуме. Кстати, армейский брезент в большом почёте у хантов, он гораздо практичнее оленьих шкур – не размокает под дождями, под снегом, не коробится на солнце, да и размер позволяет без стыков накрыть весь чум.

Похожая случилась встреча в Казам-мысе – маленьком посёлке на высоком обском берегу в полутора сотнях километров от Берёзово. Здесь не то два, не то три десятка жителей – мужчины, женщины, дети. И рождаемость здесь вполне приличная для такого количества родителей.

Поднялись мы по крутой дорожке в посёлок, побродили, людей посмотрели, себя показали с вполне приличной стороны. И понадобился нам магазин – не буду говорить для чего, чтобы уж совсем не пасть в глазах простодушного и нравственного читателя. Магазин оказался заперт. Хорошо так заперт, надёжно, может быть, даже на всю предстоящую зиму. Проходящая мимо женщина с чрезвычайно узкими хантыскими глазками, увидев нашу растерянность перед запертой дверью магазина, сказала:

– Она щас будет, – имея в виду продавца. И рванула напрямик через пустырь к ближайшему дому. А теперь представьте – едва ли не всё население Казам-мыса носится от дома к дому в поисках продавца, отлучившегося на зиму. «Покупатели пришли!» – передавалось из уст в уста.

Нашли продавщицу, доставили к магазину, помогли открыть застоявшуюся дверь. Это была весёлая разговорчивая женщина, тоже с узкими хантыскими глазками. Она сразу поняла, что нам нужно, и не осудила, нет, так же весело улыбаясь, сходила в подсобку за товаром. Ладно, скажу – три бутылки водки нашлось на весь магазин. Пока расплачивались, ещё народ подошёл, пришла бабуля преклонных лет со строгим взглядом, но не за покупками пришла – пообщаться. Фотографировать себя запретила, сглазу опасалась. А имя ей – Марксина, от слова Маркс. Такие вот имена сохранились на этом берегу.

Пока продавщица выпытывала у нас, кто мы есть, чем занимаемся, как нас зовут-величают, куда путь держим, Марксина молча слушала, не сводя с нас строгого своего взгляда. А когда мы уже собрались уходить, остановила меня, ухватив цепкими пальцами за полу куртки.

– А между прочим, Виктор Алексеевич, ваш Пафнутьев в

третьей «Банде» ведёт себя с точки зрения закона неправильно!

Рядом стояла табуретка, и вот на эту табуретку я так сразу и сел.

– Вы читали третью «Банду»? – в беспамятстве пробормотал я.

– И остальные «Банды» тоже. Мне девяносто лет, и читаю я, между прочим, без очков. А вообще-то ваш Пафнутьев ничего мужик, мне нравится.

– Где же вы взяли все эти «Банды»?!

– Живёт тут у нас один добрый человек, у него в доме много чего есть, – неопределённо ответила Марксина.

Такие дела, ребята... Нам не дано предугадать, где слово наше отзовется. Надеюсь, Тютчев Фёдор Иванович простит меня за лёгкую правку.

А Куксов Юра с Мартынюком Володей неплохо провели ночь на высоком обском берегу. Пригласил их к себе местный житель, Лёней зовут, невысокого такого роста, но чрезвычайно доброжелательный и гостеприимный. И дочка у него есть, юная красавица, Наденька, разговорчивая и смешливая. Домишко, правда, у них уж очень скромный – кроме печки в нём ничего и нет, но это обстоятельство ничуть не помешало всей компании ночь проговорить о жизни.

О жизни – это значит о рыбалке, охоте, зиме, реке... А из чего ещё складывается жизнь? О чём ещё можно говорить всю ночь? Больше и не о чем.

Вернулись наши путешественники на катер уже под утро, усталые, но счастливые. А Куксов к тому же выглядел растерянным, и взгляд его не мог остановиться ни на одном предмете. И слова обронил, чудные слова, странные – они нам даже показались...

– А я бы остался здесь до весны... Лёня предлагал... И Наденька не возражала.

– А что мешает? – спросил я.

– В чём помеха?

– Жизнь, – печально выдохнул Куксов.

Ещё на подходе к Казам-мысу что-то сломалось в нашем катере – мотор барахлил, масло их него брызгало во все стороны, и в результате катер передвигался без прежней уверенности, и обские волны он рассекал уже не столь решительно, как в начале плавания. Бабанин сделался ещё более суровым и уж совсем немногословным. Я поинтересовался было – что случилось, но ответа не получил, да и какой может быть разговор на корабле у капитана с пассажирами? Только о погоде, только о красавицах, только... И это всё.

Мы причалили к берегу, собрали гору сушняка, разожгли костёр и притихшие расположились вокруг. Мой брат Валерка привычно раздал всем маленькие пластмассовые стаканчики, и мы убедились, что местная водка ничуть не уступает московской ни по вкусовым качествам, ни по результативности. И опять пошёл разговор о жизни – о завтрашней рыбалке, об утиной охоте, которую пообещал Бабанин, о зиме, которая приближалась к нам, подкрадывалась всё ближе, особенно по ночам.

И наступила ночь.

Более крошечной темноты я никогда не видел. Несмотря на потрясающе звёздное небо, на земле стояла такая темень, что невозможно было увидеть собственную руку перед глазами. И вот в эту ночь Бабанин собрался на алюминиевой лодке с мощным японским мотором рвануть за какой-то деталью для мотора в Казам-мыс, который на то время был ещё в десятке километров. И предложил мне место в этой лодке. Отказаться я не посмел и покорно поплёлся от костра. Володя Мартынюк, Юра Куксов, Валерка проводили меня взглядами печально-сочувствующими.

И мы рванули. В полную темноту. Не было видно ни

воды, ни берега, на бакенов. Ревел мотор на корме, и мы неслись, похоже, даже не касаясь воды. По каким признакам Бабанин определял направление, понятия не имею. Разве что по звёздам. Большую Медведицу, Полярную звезду я нашёл быстро, я уже знал, где Север, где Юг, но где Казам-мыс... Состояние было откровенно жутковатое. Нам достаточно было напороться на плавающее бревно, ствол дерева, даже на ветку – мы бы опрокинулись мгновенно и навсегда. Спасения не было никакого. Мощное течение Оби не позволило бы нам продержаться и несколько минут.

Но добрались.

Мелькнул красный огонёк на радио-мачте Казам-мыса, и стало немного легче. Нашли нужного человека, пообщались, договорились.

Обратная дорога была ничуть не легче. Так же ревела на корме японская «ямаха», так же неслась лодка, изредка касаясь волн алюминиевым своим днищем. Как Бабанин нашёл в этом мраке наш катер до сих пор остаётся для меня полной загадкой. Костёр, к тому времени погас, и тлеющие ветки я увидел, когда до берега оставалось уже метров двадцать. Нас встретили, будто мы вернулись из кругосветного путешествия.

Это ещё не Обь, это только приток

И Валеркин пластмассовый стаканчик как никогда был уместным и желанным.

Настало время сказать о причине столь непривычной суровости нашего капитана, о его неразговорчивости и неприступности. Дело в том, что сразу после нашего возвращения в Берёзово там должен был состояться суд. Над Бабаниным. Был подан иск, и наш друг Леонид Леонидович Бабанин должен заплатить миллион рублей за оскорбление чести и достоинства неких должностных лиц посёлка Игрим Берёзовского района Тюменской области. Такие дела, дорогие товарищи.

Что же натворил наш капитан?

Он сам рассказал нам о своих злоключениях как-то в трепетную минуту после удачной рыбалки...

Есть в посёлке Игрим нечто вроде колледжа, в котором живут, питаются, учатся неустроенные по жизни дети – сироты, брошенные, оставшиеся без родительского попечительства. Всё бы хорошо, если бы было хорошо... Неустроенность оборачивается не только жизненными проблемами, но и дурными наклонностями – за последний год против 17 учащихся колледжа возбуждены уголовные дела по различным статьям, 75 учащихся привлекалось к административной ответственности.

Но эти цифры говорят не только о самих учащихся, но и об их воспитателях, об образе жизни, который эти воспитатели устроили в колледже, об их ответственности и профессиональной пригодности. Обращаю внимание – директорша этого колледжа Грудю Тамара Александровна получила высшую награду, орден имени Макаренко, от министра образования как лучший воспитатель страны. Видимо, и министр наш все-российский того же пошиба?

Девочек из этого колледжа отпускали на всевозможные гульки местной элиты часто

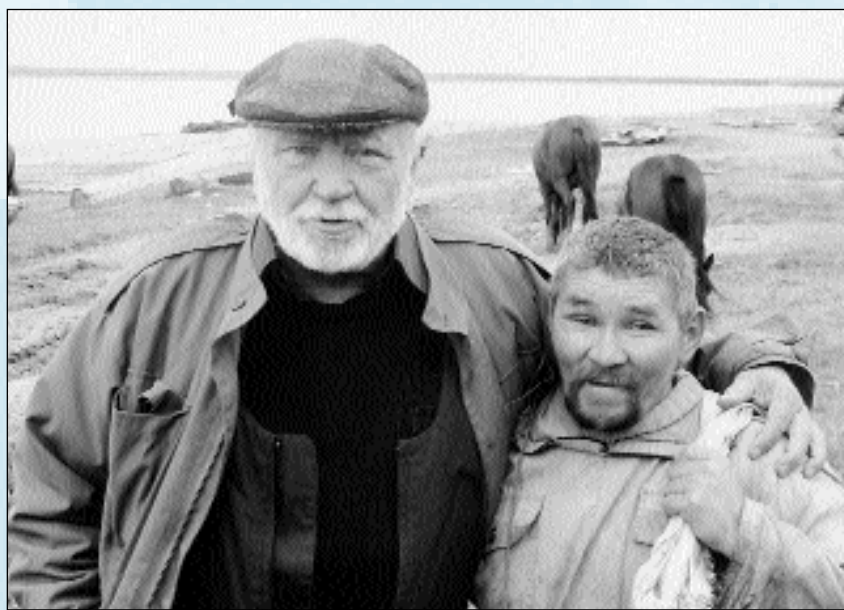
и охотно – надо же мужикам развлечься, застоялись они, видимо, в своём Игриме. Охотой и рыбалкой эстетические позывы своих мужских организмов они не могли ублажить. Даже с уроков снимали девочек, а воспитатели, директорша, та самая, на которую министр не нарадуется, охотно их с уроков отпускали. На гульки. К уважаемым людям посёлка Игрим.

И гром грянул. Две девочки семнадцати лет сгорели в половине третьего ночи на втором этаже одного из гаражей. Второй этаж и был приспособлен для таких вот романтических встреч. По пьянке вспыхнул разлитый бензин, пожар, удалые мужики, а их было около десятка, кто в чём попрыгали в окна. Про девочек забыли. Подумаешь, их в колледже ещё много осталось... Два обгорелых трупы нашли утром, девочки лежали, обнявшись, только друг на дружку они надеялись в последние минуты жизни.

Пришли служивые люди, среди них, говорят, были и участники ночной пьянки, ознакомились с обстановкой и составили протокол – несчастный случай. И всё. И говорить не о чем. И снова тишина воцарилась на обских берегах.

И нашёлся только один человек, который ударил в колокола, – это наш коллега, писатель Леонид Бабанин. Не найдя поддержки ни в одном служебном кабинете, он в ханты-мансийской газете рассказал о ночной трагедии в игримском гараже, о нравах в колледже, о той странной воспитательной работе, которую ведут там, отправляя девочек с уроков по вызову.

Милиция и прокуратура выполнили свои обязанности – назвали вещи своими именами, установили участников ночного веселья, положили на стол документы, раскрывающие суть трагедии. Но администрации Берёзово и Игрима не увидели в этом случае ничего для себя интересного. Совет депутатов Берёзово, Совет депутатов районной Думы пресекли все попытки даже обсудить случившееся, а своего коллегу депутата Леонида Бабанина резко осудили за злопыхательскую деятельность. Ещё дальше пошёл Департамент образования и науки Ханты-Мансийского округа, который назвал Леонида Бабанина клеветником, а факты, приведённые им в статье, не соответствующими действительности. Общую позицию всех этих официальных органов выразил

Это мой верный читатель Лёня. У него, как и у меня, три дочки-красавицы

игримский депутат Гордиенко Иван Геннадиевич: «Ничего описанного в статье Бабанина не было. Забудем. Жизнь продолжается».

О том, что жизнь действительно продолжается, говорят другие факты. Ведь только после всего случившегося Тамара Александровна Грудо получила орден от министра образования Российской Федерации, только после того, как похоронили обгорелые трупы двух девочек, районная Дума наградила Тамару Александровну званием Почётного жителя Берёзовского района, наделив её одновременно всеми финансовыми и прочими благами, сопровождающими это звание.

А сама Тамара Александровна в знак благодарности за признание её педагогических достижений подала в районный суд миллионный иск на Леонида Бабанина, оскорбившего её честь и достоинство. (Маленькая подробность – осуждённый всеми инстанциями края Леонид Бабанин написал свою статью в чрезвычайно деликатной форме, он не назвал ни одного имени, ни одной должности, но отклик был столь значителен и широк, что на всех ворах одновременно вспыхнули шапки.)

Опуская подробности, скажу – выиграл Бабанин суд. Но это промежуточная победа, до окончательной ещё далеко, и потому он не спешит торжествовать.

А тогда, на катере, Бабанин ещё не знал, что его ждёт даже эта маленькая победа, и потому казался нам необъяснимо суровым. Мы тебя простили, Лёня, и ты нас прости.

На щучьей рыбалке больше всего меня потряс не размер щук, достигавших метра в длину, не обские просторы и не роскошные кедровые леса, в которых утопает посёлок Казым-мыс, меня потрясло выражение лица Куксова Юрия Васильевича. Оно было не просто печальным или огорчённым, оно было обескура-

Собаки на Казам-мысе не только добродушны, но и хороши собой

женным и потерянным каким-то, горе, большое горе было на лице Куксова.

– Что случилось, Юра? – спросил я.

– Она ушла, – почти беззвучно выдохнул он.

– От кого ушла?

– От меня.

– Кто от тебя ушёл, Юра?! – вскричал я, не выдержав его угасающего взгляда.

– Щука, – прошептал он, и одинокая слезинка выкатилась из его глаза и упала, затерявшись в клочковатой бороде.

– Вернётся! – заверил я его. – Она сама ещё не понимает, что натворила!

– Думаешь, вернётся? – переспросил он, и я почувствовал, что жизнь потихоньку возвращается к нему. Куксов слабым ещё движением снова забросил блесну в Обь. Совсем недалеко от берега упала в воду блестящая металлическая рыбёшка, но леска тут же напряглась, спиннинг изогнулся в дугу, а во всей фигуре Куксова вдруг появились сила, задор, азарт настоящего рыбака, который с таким вот спиннингом обошёл весь европейский север России.

Щука, которую Юра выволок на песчаный берег, была, конечно, поменьше метра, но сантиметров восемьдесят в ней наверняка было. Щука щёлкала зубами, и синие ис-

кры летели от её острых, как бритва, клыков.

– Жизнь продолжается, туды её в качель! – радостно заорал Куксов слова из какого-то классического произведения.

Вдвоём мы с ним навалились на щуку, потом к нам на подмогу прибежали Валера с Мартынюком, и совместными усилиями, прижав зверюку к песку, мы сумели вырвать крючок из её пасти.

В общем, в тот день с рыбалки каждый из нас приволок на катер по три-четыре щуки. Остановились, поскольку даже представить себе не могли, что с ними делать.

Чем ещё хороши такие вот путешествия с давно знакомыми людьми, так это возможность узнать о человеке нечто совершенно для тебя неожиданное. Да и сам о себе ты вдруг узнаёшь нечто такое, о чём и не догадывался. Оказывается, ты можешь совершенно спокойно весь день ничего не есть, если ничего съестного за весь день тебе не подвернулось. И при этом ты не испытываешь голода, ты спокоен, лёгок в движениях и готов немедленно отправиться на утиную охоту, на щучью рыбалку, за сушняком для костра. Ты можешь, особенно не напрягаясь, есть сырое, розовое, полупрозрачное мясо муксуна, слегка присыпанное

солью, и даже получать от этого скромное удовольствие.

А ещё ты вдруг обнаруживаешь, что тот же Куксов не просто заводной обитатель Нижнего буфета и очень даже неплохой поэт, он ещё и надёжный человек, искренний любитель дальних походов, и ничто не может вывести его из радостно-восторженного состояния, в котором он пребывал все две недели наших походов. А на это способны далеко не все, даже те, кто гораздо сильнее его физически и здоровее здоровьем.

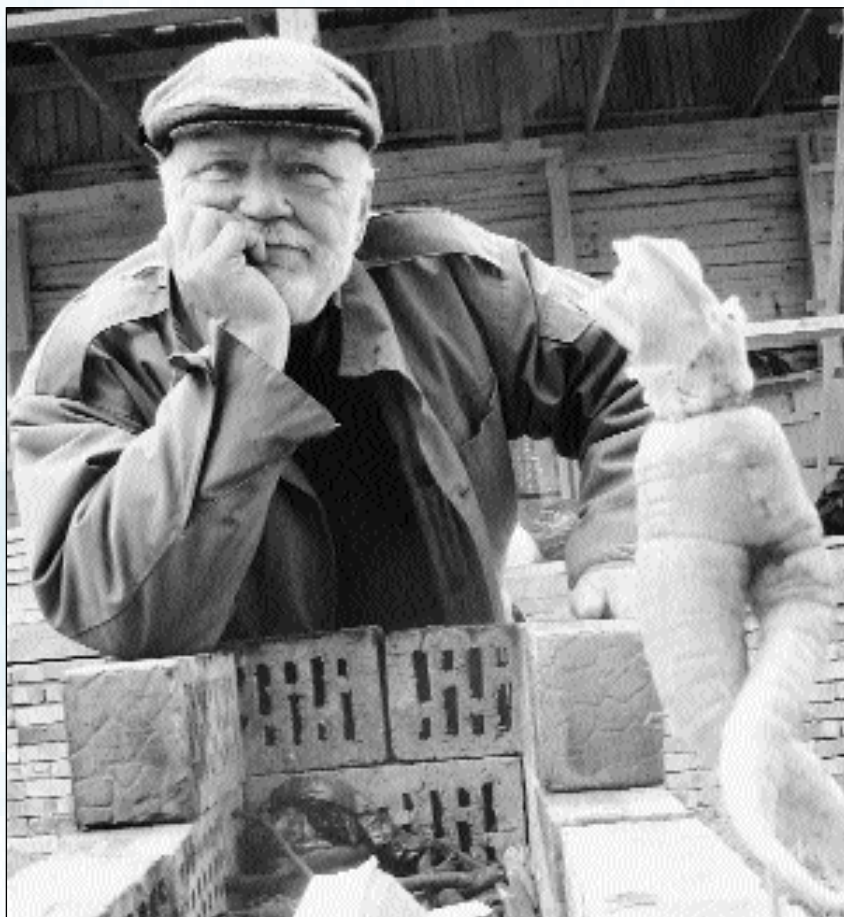
А ведь срывались ребята, на ровном месте срывались. И не трудности похода их выводили из себя, новизны обстановки не выдерживали. Оказывается, это мощный раздражитель для слабых душ – новизна обстановки. Прекрасно помню истерики наших братьев-писателей в солнечной Греции или в не менее солнечной Испании, где комфорт пребывания несопоставим с бабанинской посудиною, не в обиду ей будет сказано.

А ещё вдруг выясняется, что мой брат Валерка обладает не просто некоторой невозмутимостью, его невозмутимость в полном смысле слова непробиваемая. Вы думаете легко в такой вот разношёрстной компании разлить водку в пять стаканчиков? Кто-то свой стаканчик вообще может убрать со стола, второй настойчиво изо дня в день повторяет: «Мне поменьше, я столько не пью!». Вы, дескать, можете столько пить, а я не такой, я лучше, краше, достойнее. Но все мы мастера слова, сразу понимаем – гордыня из человека лезет. Это мягко выражаясь. А Валерка в столь сложной обстановке, готовой каждую секунду взорваться, невозмутимо всем наливает поровну, у всех стаканчики полнѐхоньки.

И все послушно выпивают до дна.

И снова у нас мир и дружба.

Ой, как хорошо всё-таки быть хорошим писателем, а

Мне на день рождения подарили вот эту бесстыдную морковку

если ещё и известность тебя посетит, то вообще полный отпад! Это я всё о себе любимом.

Ну вот, например... Прибыли мы на «метеоре» к какому-то причалу под названием «Приобье». Несколько часов неслись по приобским просторам. Сели на «метеор» ещё ночью, в пути встретили рассвет, в пути наблюдали, как этот рассвет превращался в туманный, сырой, промозглый день, потом этот день у нас на глазах сделался солнечным...

А прибыли мы в «Приобье» по той простой надобности, что здесь начинается железнодорожная ветка, которая заканчивается в Москве на Ярославском вокзале. А поезд, на который у нас уже есть билеты, должен подойти часа через три.

Ну что, брожу я вокруг этого вокзального домишки час, брожу второй. Куксов уже читает стихи местным красави-

цам, Валерка с Володей спят на своих сумках, молодые ребята – румяные и красивые – весело хохочут, потешая друг друга незамысловатыми историями... И вдруг я натываюсь на книжный киоск в виде небольшой будочки с дверью и даже с окошком. Вхожу. По привычке шарю голодным взглядом по полкам – себя ищу.

И вдруг – о, Боже!

Вижу свою книгу! «Брызги шампанского». А рядом ещё одна, ещё... Четыре своих книжки нашёл я на полках в этом киоске. И пришла мне в голову шальная мысль – вот бы Володя Мартынюк сфотографировал меня с этими книжками на фоне таблички «Приобье», вот бы Слава Огрызко поместил эту фотографию в своей газете «Литературная Россия», вот бы однажды случайно этот номер газеты увидела...

Всё, останавливаюсь.

Киоскёрша, милая, очень симпатичная, доброжела-

тельная и щедрая женщина (это я потом уже понял, что она обладает всеми этими качествами), соглашается дать мне на время эти книжки, чтобы я с ними сфотографировался. Володя тоже не возражал. Сказано – сделано. На нашу суету обратили внимание веселящиеся румяные ребята, и когда я снова направился к киоску, чтобы вернуть книги, они потянулись за мной. И тут же все эти книги купили, и ещё нашлись экземпляры... Короче – месячный план киоска мы выполнили минут за десять.

Киоскёрша наконец поняла, кто перед ней: да и как не понять – на обложке каждой книги мои портреты, на которых я не так плох, как в жизни. Но что она делает дальше – выпроводив всех из своего заведения, киоскёрша заперла дверь на ключ и куда-то ушла.

Минут через двадцать я снова подошёл к этому месту – дверь киоска была распахнута, и из его глубины киоскёрша рукой подавала мне призывные знаки. Я вошёл. Не говоря ни слова, эта прекрасная женщина поставила на прилавок громадную прозрачную пластмассовую канистру... С клюквой. Вот, оказывается, куда она бегала – за клюквой.

– Это вам, – сказала она. – Сама собирала.

Когда я заговорил о деньгах, она на меня не то чтобы обиделась, но посмотрела осуждающе. Я устыдился и канистру взял. А потом нашёл в своей сумке последний экземпляр «Божьей кары» в подарочном исполнении и вручил этой красавице, написав на титуле самые добрые слова, на которые был способен в тот момент.

Вот тогда-то, вернувшись к своим попутчикам, я поднял канистру с клюквой высоко над головой и впервые озвучил открывшуюся передо мною истину:

– Как хорошо быть хорошим писателем! А если ещё и известным, то даже выгодно!

А в заключение своих спешных записок расскажу о ложке дёгтя. Ничего в жизни не бывает без ложки дёгтя – ухаживаешь ли ты за красавицей, едешь ли на скрипучей телеге или издаёшь книгу. Вот и у нас всё вроде бы хорошо – путешествие по Оби закончилось, все живы, все веселы и хороши собой. Идём себе по залитой солнцем привокзальной площади города Екатеринбурга, весело смеёмся, вспоминаем забавные случаи, случившиеся с нами за последние две недели, в карманах у нас уже билеты на поезд, который отойдёт в сторону Москвы через два-три часа. Идём мы двумя группками на расстоянии нескольких метров друг от друга.

И вдруг как чёрная туча опустилась на наши головы. Откуда-то возникают два маленьких корявеньких милиционера, этак деловито отсекают от нас Валеру с Володей и уводят их в какое-то подземелье. Оказывается, это вход в метро, и там, где-то в извилинах вестибюля, отделение милиции.

Мы, оставшиеся на свободе, рванули было следом, но железная дверь перед нами захлопнулась, и кнопки кодового замка улыбались щербатым своим поганым рядом железных своих зубов. Выпустили наших узников через два часа, предварительно обшарив карманы и изъяв всю наличность – триста долларов припрятал Валера на обратную дорогу, ему-то ещё на Украину добираться, подарки из Москвы привезти внукам и внучкам. Выпустили с добрыми словами, похвалили за хорошее, смирное поведение, не то, дескать, до весны бы здесь задержались, и никакой Нургалиев вам бы не помог. Нургалиев – это ихний министр всероссийский.

Такие дела, ребята, такова доблестная милиция города Екатеринбурга. Произошло это около 10 утра 30 сентября на привокзальной площади

города Екатеринбурга. По этим данным наших маленьких корявеньких вычислить нетрудно – это на случай, если у какого-нибудь начальничка возникнет желание изъять у добытчиков часть похищенного. Хотя вряд ли – уже, наверно, сами поделились, в то же утро.

Деньги, ладно, переморгаем, не впервой. Есть кое-что похуже – на душе гадко. Противно как-то. Сколько я книг написал, воспевая этих доблестных, сколько дипломов получил от разных ихних министров... Гадко.

Но спас наше душевное здоровье и пошатнувшуюся веру в добро и справедливость всё тот же Валера. Едва вошли мы в вагон, едва расположились на плацкартных боковых полках, едва дёрнулся состав и начал набирать скорость, Валера – сосредоточенный и невозмутимый, правда, на этот раз он был ещё и хмур – так вот, покопался Валера в своей многострадальной сумке и вынул оттуда...

О, Боже! О, счастье!

Он вынул из сумки необыкновенной красоты и привлекательности гранёную бутылку. «Хлебный дар» – было на ней написано на фоне золотистых пшеничных зёрен. И самое главное – ёмкость у неё была 1,75. Знающий человек, а тем более обитатель Нижнего буфета Центрального Дома литераторов, понимает, что именно эти цифры означали и какую бурю восторга и благодарности к украинскому гостю Валерию Алексеевичу могут они вызвать в наших уставших и оскорблённых душах.

Докладываю – около тридцати часов дороги до Ярославского вокзала прошли легко и даже радостно. И вспоминалось только хорошее, хотя хватало всякого, и ожидалось от Москвы только хорошее, хотя ожидало всякое.

Добрались.

Слава тебе, Господи!

Виктор ПРОНИН

Этот заголовок не имеет ничего общего с киношедевром классика итальянского неореализма Федерико Феллини. Хотя кто знает: там и тут – жизнь. Восемь с половиной метров была длина турбобура, который оренбургским нефтяникам нужно было отправить в Красноярск своим сибирским коллегам. У тех что-то там такого вовремя под рукой не оказалось. А нужно было позарез. И срочно! Эта железяка, предназначение которой я так и не уяснил до сих пор, не умещалась ни в один багажник среднемагистральных самолётов, курсирующих в середине семидесятых годов XX столетия по этой «трансконтинентальной» (более трёх тысяч километров) трассе от Уральских гор в Восточную Сибирь и обратно. Ни Ан-24, ни Ту-134 справиться с турбобуром не смогли. Оставался один «курузник» Ан-2. Длина пассажирско-грузового салона

этого самолёта восемь метров. Но если открыть дверцу на пятнадцатом шпангоуте, ведущую, извините, в туалет, то недостающие полметра аккуратно упирались в унитаз. Это очень удобно в смысле крепления груза. Однако не гарантирует точного определения центровки. Но это к слову. Вот и решили отправить этот бесценный подарок сибирякам на нашем многоцелевом воздушном судне. Самым опытным командиром на этот раз оказался я. Но один недостаток – второй пилот... женщина. Кошмар! А перелёт-то чкаловский! Три дня, не меньше. Командир лётного отряда Портников предложил мне на выбор любого опытного правого лётчика мужского пола. Однако я (чтобы сохранить интригу) отстоял свою Татьяну. «Женщины-пилоты на улице не валяются. Да и коней на переправе не меняют...» – резонно, как мне показалось, объяснил

я своё решение. И скажу, забегаю вперёд, не пожалел! «Смешанный» экипаж начал готовиться к «чкаловскому перелёту». Карт, имеющихся в распоряжении нашего флаг-штурмана, хватило только до Омска. (Так далеко в глубь страны оренбургские Ан-2 ещё не забирались). И мы, накрутив их без того уже трёхметровый рулон, не умещающийся в планшет, отважились всё-таки лететь, в надежде выпросить в Омске недостающие до Красноярска листы.

Всё не слава богу! Ну что это за профессия, извините за выражение, – лётчик применения авиации в народном хозяйстве. Где романтика полёта и поэзия нашего комсомольского запевалы – «...были воздухоплаватели, шик и почёт; как шкатулки из платины, наперечёт...»? Какой шик, какой почёт?! Нет, наша песенка спета. Не катать нам в аэропорту Цюриха Клоттен по

мраморным плитам чёрных саков-чемоданчиков на колёсиках; не ходить под ручку с длинноногими стюардессами, сверкая четырьмя золотыми полосками на тёмно-синих форменных костюмчиках от Пьера Кардена; и, уж точно, никогда не пахнуть Кристианом Диором (фарехайт – 32, белым)! Лётчикам малой авиации выпала другая, честно признаюсь, не менее заманчивая судьба, хотя и приправленная далеко не благоухающим ароматом авиабензина Б-91/115. Тыфу, начитался мировых бестселлеров типа «Парфюмер»! Так вот, лично я «ни-за-что» (!) не променял бы тогда, готовясь везти загадочный турбобур в Красноярск, свой «кукурузник» на напичканный авионикой «боинг»! Не для того я после школы, вопреки уговорам близких и горьким слезам моей любимой московской тётки, мимо Шуйкинского театрального училища на

Арбате просквозил в Краснокутское лётное, затерявшееся в глуши (да-да!) Саратовской губернии! «Чем ты это мотивируешь?» – слышу извечный вопрос нашего оренбургского лётчика Флейшмана, «во-время» рванувшего на Запад, в родную ФРГ, где с успехом работает на какой-то птицеферме. («Курица не птица»!) Великий Леонардо (простите опять великодушно за такой сильный аргумент) – отвечу я ему – дал нам идею полёта «по образу и подобию» парящих в небе птиц. Всякие там крылья, закрылки, предкрылки, хвостовое оперение... – суть современные авиационные термины. Возникает чисто философский вопрос: что же такое – ощущение птичьего полёта и есть ли оно вообще? Что по-прежнему влечёт бесшабашных людей в аэроклубы и лётные училища? Что заставляет современных миллиардеров, да ещё в возрасте, тратить деньги и время на ув-

лечение легкомоторной авиацией?.. Ведь давно уже самолётами управляют компьютеры, и пилоты превратились в обыкновенных операторов, в поте лица отслеживающих быстро меняющуюся информацию, не отрывая глаз от дисплея. Какие тут ощущения!

«Итак, она звалась Татьяной». В 60-е годы прошлого столетия все девчонки-сверстницы Тани Путинцевой мечтали о чёлке «под Бриджит»... А её чёрт дёрнул натянуть на голову допотопный потрёпанный шлемофон и начать летать на лёгком пилотажном Як-18 в старейшем в России орском аэроклубе «Стрижи»! Ну женское ли это дело! Не война же, когда наравне со сталинскими соколами в бой шли «ночные ведьмы». Допустим, это блажь и выпендрёж. Но чтобы выбиться в профессиональные пилоты гражданской авиации, встать вровень с мужчинами в этом нелёгком повседневном труде, на это надо было иметь характер. И вот для таких «характерных» девчат, которых в середине 70-х набралось несколько сотен и остановить их в стремлении посвятить всю жизнь лётному делу уже не было никаких сил, было организовано два специальных выпуска Кременчутского лётного училища. Так попала ко мне на правое сиденье Татьяна. И, конечно, с характером!

Посмотреть, как мы взлетаем с турбобуром на борту, высыпал весь лётный состав Оренбургского авиаотряда спецприменения. Командир Портников, как легендарный авиаконструктор Туполев при первом полёте своего очередного детища, отмерил на глаз вероятную точку отрыва нашего Ан-2 и встал невдалеке от неё. «Чтобы ближе рассмотреть, как вы навернётесь», – признался мне он много лет спустя. Ведь центровку самолёта с турбобуром определяли тоже на глазок.

Глаз не подвёл, взлетели как по писаному. Впереди – трое суток полёта на восток. Как велика наша страна! Только на высоте и скорости альбатроса можно это рассмотреть и осмыслить. Пилотируя по очереди не по приборам, а визуально, методом «капот-горизонт», можно спокойно рассматривать красоту родной земли, наблюдая её удивительное превращение при движении в сторону утренных стран. Так казак Ермак Тимофеевич сотоварищи во времена Ивана Грозного, снаряжённый предприимчивым графом Строгановым, медленно, но уверенно раздвигал российские просторы!

– Танюш, – начинаю я свою вечную тему, – оклад второго пилота 85 рублей (как у провинциальной актрисы областного драмтеатра). Один лётный час у нас на транспортных полётах – рупь. Ну вылетаешь ты со скрипом саннорму – сто часов в месяц, все руки в мозолях... Что это за деньги для тебя, молодой и красивой?

– Ты, Андрюша, думай, как заправляться «под пробки» в Кустанае у казахов будешь, – пытается отвлечь меня от досужих разговоров второй пилот. Или пилотесса? (Потом они назовут свой Клуб женщин лётных специальностей России – «Авиатрисса».)

– В разгар химвработ у степняков на наш внереисовый топлива и на полбака не выступишь...

«Какой турбобур? Какой Красноярск? Триста литров до Петропавловска, чтобы только над душой тут не стояли!» – словами на чистом русском языке встретили нас на командном пункте «казахи». В пыльном Кустанае нас действительно не ждали. Как того народовольца с каторги на картине художника Ильи Репина. Как у приговорённого к смертной казни через повешение, у меня от растерянности замелькали совершенно посторонние мысли: «Почему, например, гениальное по-

лотно «Не ждали» у нас в трудную минуту называют «Приплыли»?.. Нам нужна была тонна бензина, чтобы засветло (без посадки) успеть в пункт первой ночёвки – Омск. В противном случае срывался весь график полёта: мы рассчитывали уложиться всё-таки в два дня! Вдруг неожиданно на передний план выдвинулась второй пилот Татьяна Яковлевна Путинцева.

– Сейчас в Москве проходит N-ская партийная конференция, – как на митинге, на высокой ноте взяла она тон, – на которой серьёзно ставится вопрос развития энергетики страны. Полным ходом идёт освоение новых месторождений нефти и газа Западной Сибири. Партия поручила нам срочно доставить ценный, единственный в своём роде, турбобур для буре-

писания на двадцать минут. Господи, сколько талантов загубила эта страсть к воздухоплаванию! Татьяна могла бы сделать карьеру по административной линии.

После Петропавловска-Казахского кончаются ковыльные степи, и мы незаметно оказываемся в озёрном крае Ишимской равнины. Могучий Ишим берёт круто на север, а перед нами, летящими дальше на восток, разбрасывает голубыми брызгами гряды крошечных озёр, сверкающих красным заревом уходящего солнца. Самое большое из них называется Иссыккуль – горячее озеро. Не его ли захватил с собой эпический киргизский герой Манас, возвращая свой народ на родину – в горы Тянь-Шаня! Но вот картина резко меняется, и на нас неумолимо надвигается огромная тёмно-зелёная туча. Пах-

ния в вечной мерзлоте. Соедините меня с Кунаевым!

В этой «роли» она напомнила мне великую Марецкую в фильме «Член правительства». Надеюсь, не надо объяснять, как действовало на умы в союзных республиках имя их партийных руководителей. Перепуганные заправщики даже перелили в наши баки, что выбило нас из рас-

нуло душистой хвоей. Леса, леса, леса закрывали собой весь горизонт. Вот она и Сибирь-матушка! Вот Иртыш вынырнул из толстой лесной гущи. Омск Закончился первый день нашего путешествия.

Я не случайно назвал наш спецрейс Оренбург–Красноярск «путешествием». Летая в начале 80-х по этой трассе на

реактивном Ту-134, я уже не заметил ни сверкающих лазурей озёр, ни шумящего и пахнущего свежей хвоей леса. Пугающая пустота пространства. Скоротечность приборного полёта на огромной высоте, схематичный просмотр местности по локатору, автоматическая бортовая система управления свели на нет ощущение парения в воздухе. Ушла та прелесть птичьего полёта, когда можно было слиться с Природой, ощутить всем телом порыв ветра и вручную побороться с ним, отстаивая своё место в пятом океане; как фантастическому Ихтиандру погнаться за стаей журавлей, ведомой гордым вожаком; разглядеть под крылом яркую палитру неповторимых красок туманного горного ущелья...

Дежурный штурман омского авиапредприятия широко открыл на меня глаза. Отсутствие полётных карт у без того уже залетевшего чёрт знает куда южноуральского «кукурузника» привело его в недогование.

— Туда у нас маршрут по союзной трассе, — начал он втолковывать мне, — и вам придётся занимать эшелон для самолётов большой авиации на высоте, в несколько раз превышающей потолок вашего драндулета! Да и карт вашего масштаба давно у нас и в помине нет. Поди по «трёхверстке» ещё летаешь, её сто метров понадобится!

В штурманскую вошла моя харизматическая авиатрисса.

— А вы, товарищ... старший штурман, — томно начала она, присаживаясь на краешек стула, — представьте, что мы бо-ольшой самолёт и у нас проблемы. Идём на одном двигателе, шасси не убиваются....

— Это ещё кто? — чуть не взвыл пожилой навигатор.

— Второй пилот этого терпящего бедствие воздушного судна, — скромно улыбнулась Татьяна, понутив глазки.

«Всё, конечно! Куда я дену проклятый турбобур?» — мысленно я представил картину на-

шего бесславного возвращения. Приплыли... (А, не до живописи!) Выматывающая душу тишина.

— Да вообще-то у меня в сейфе есть старые карты, по которым ещё при царе Горохе наши ребята «антоны» в Красноярск на ремонт гоняли, — как-то вдруг подобрел штурман, — может, подойдут? Ну а чтоб бабы, да ещё в такую даль без штурмана... это уж вообще не слыхано. Летите с богом на свой страх и риск. Только по проложенному маршруту для местных воздушных линий.

То ли ему понравился юмор Татьяны, то ли он действительно вошёл в наше безвыходное положение, не знаю. Однако мы завладели заветными листами, как одноглазые пираты картой Острова сокровищ, и помчались к своей четырёхкрылой бригантине. До Новосибирска — аэродрома последней дозаправки — добрались без приключений. Через фонарь кабины пригревало летнее сибирское солнышко; внизу поблёскивали стальные рельсы старинного Транссиба, несущего грузы на строительство новой Байкало-Амурской магистрали; справа вдали серебрились, разбегаясь в разные стороны, остроконечные макушки Горного Алтая. Сделав разворот над неожиданно вынырнувшим из голубого ельника красивым многоэтажным микрорайоном знаменитого академгородка, мы приземлились на грунтовую площадку вдали от специальных служб огромного аэропорта. Без проблем заправившись топливом, я запросил запуск. Оставался последний четырёхчасовой бросок. И времени, как всегда, в обрез. Получив разрешение, я нажал на стартёр. Нету! Сел аккумулятор. Наземное электропитание ввиду загруженности аэропорта пообещали дать часа через два-три. Ну не терять же день! Здесь я открою читателю (под большим секретом!) страшную тайну легендарного самолёта всех

времен и народов. Великий авиаконструктор предусмотрел и эту внештатную ситуацию. Да, у самолёта Ан-2 есть заводная ручка. Как у простого «Захар Силыча» ЗИС-5 и любого транспортного средства с двигателем внутреннего сгорания. У нас она называется ручкой «Дружбы». Её можно крутить вдвоём. И вот мы, два заправских воздухоплавателя, засучив рукава, начали крутить заводилку, расположенную на пятом шпангоуте, прямо за кабиной пилотов. Разогнав маховик и включив магнето, мы как ковбои прыгнули в седла. Вперёд!

«Что нас толкает в путь? Тех — ненависть к отчизне, тех — скука очага...» — запел я после взлёта. Заканчивался наш «чкаловский перелёт». Притихшая Татьяна рассматривала ободранные ручкой «Дружбы» наманикюренные пальцы; чугунный турбобур, как кость в горле, торчал за спиной; по курсу вставал величественный амфитеатр крупнейшей в Союзе Красноярской ГЭС. Конец.

— И всё-таки зачем тебе, Танюша, эта авиация? — затаил я опять свою волюнку.

В ответ, к моему великому изумлению, она продолжила ту странную песенку на стихи забытого французского поэта, которую затаил я в восторге после взлёта в Новосибирске:

*Но истые пловцы — те,
что плывут без цели:
Плывущие, чтоб плыть!
Глотатели шифрот,
Что каждую зарю
справляют новоселье
И даже в смертный час ещё
твердят — Вперёд!**

А что турбобур? С нетерпением дожидавшиеся его в Красноярске буровики обняли нас, взяли его, родного, на внешнюю подвеску вертолёт Ми-8 (так просто!) и улетели куда-то на север. Как предположила авиатрисса Татьяна Путинцева, бурить вечную мерзлоту.

Андрей ФИЛАТОВ

* Шарль Бодлер (1821–1867) «Плавание»

Этот текст написан в сентябре-октябре 1979 года в Кавране на Камчатке, где я находился по делам своей шестой лингвистической экспедиции. Её целью была проверка и пополнение Словаря ительменского языка. Всё написанное — истинная правда. Есть у меня манера, которая одним нравится, а другим нет — давать своим текстам девиз, мотто, эпиграф. Для данного случая, самый подходящий девиз такой:

*Подымусь я на Амбон,
Всех кавранских победу.
Ительменская народная песня**

Во-первых, как говорил Кролик (кто такой Кролик, знает всякий, кто читал «Винни-Пуха»), с названием этой горы происходит большая неясность. Настоящее, неискажённое её название — Elwelen, что по-ительменски значит «ухо». О мотивированности топонима говорить не будем: похожа ли гора на ухо (скажем, волка или медведя), трудно сказать — по-моему, совершенно не похожа; но ительменам, очевидно, было виднее. Однако даже если оставить в покое почтеннейших авторов из Академии

и де сиянс и Российского географического общества, чьи (авторов!) кресты и бриллианты давно утащены в ломбард — ну их, этих почтеннейших авторов, у них всегда разнотой, если только один не списывает у другого, — так вот, если обратиться прямо к первоисточнику наших гуманитарных знаний (вы, конечно, понимаете, что я имею в виду народ) — так вот, и в народе сейчас тоже нет единого мнения. Одни называют эту гору Эльвелик, в явной русской адаптации («в», разумеется, губно-губное, поэтому почтеннейшие авторы точности ради изображают на письме — Элюэлик), а другие, совсем уж на коряцкий манер, говорят Эльвэль или Эльвьль. Это уж совсем нехорошо. Каким названием пользоваться мне — затрудняюсь сказать. Предпочитаю я, конечно, первоисточник, т.е. форму Elwelen, но её, пожалуй, трудно будет склонять по-русски. Конечно, можно и не склонять; но если уж не удастся обойтись без этого — придётся пользоваться формой Эльвелик, но никак не манерным Элюэлик или коряцизированным Эльвьль — от этого избави Кутхе. Об этом всё. Вот так из ничего возникают (научные) проблемы. Я поступаю как всякий лингвист. Ведь что делает лингвист? Он ловит муху, вставляет ей в... (в общем, куда

найдёт) соломинку и надувает. Получается слон, то есть солидная научная гипотеза, не слишком смелая (последнее значит, что автор её далеко не дурак). И затем лингвист с чистой совестью (или нагло — в зависимости от нашей точки зрения на лингвиста) торгует сим воздушным слоном, и довольно удачно торгует — доторговывается до докторских степеней и академических званий.

Ещё во-первых, как говорил тот же Кролик. Об этой сопке Эльвелик я читал достаточно много. Патриарх и основоположник Степан Петрович Крашенинников, правда, о ней написал — что ему Эльвелик, если надо было назвать хотя бы главнейшие вулканы.

Зато Жан Лессепс, Адольф Эрман, Карл фон Дитмар (все — русские путешественники) писали о ней; а Владимир Николаевич Тюшов даже сопроводил описание собственноручным рисунком с натуры (свидетельствую — довольно точным, см. его «По западному берегу Камчатки», СПб., 1906, с. 191). Эту сопку видели В.Г. Богораз и В.И. Иохельсон — у них я о ней не читал, но видели они её несомненно, ибо они были в этих местах, а не увидеть её тут невозможно. Так вот: никто из научно-академической братии, прикасавшейся к ительменам, местам их обитания и этой, в частности, сопке — ни один из этих моих коллег (хм) — на ней не побывал. Над этим невольно задумаешься, когда находишься в Кавране, когда видишь её с любой (извините за выражение) улицы этого посёлка, когда, наконец, сидишь в своём апартаменте в здании сельсовета (отель «Под красным флагом»). Первое, что видишь из окна, поднимая глаза от письменного стола, — это (впрочем, сначала идёт один прелестный домик, принадлежащий совету, на академическом жаргоне он называется сральник-индивидуальник, потому что я почти один туда хожу), так вот, как если бы скобок (и всего, что в скобках) не было, то первое, что видишь из окна, это она, та chere montagne Elwelen. Далеко-далеко, за плоскими хребтами, торчит её исполинский конус, почти правильной формы, и замыкает дальний горизонт. Как Вы полагаете — а Вам не захотелось бы подняться на этот конус, тем более имея в виду всё сказанное выше? Захотелось бы, конечно. Ну вот и мне... То есть, Вы говорите, что Вам не захотелось бы? Вы говорите, что для такого вздора

*Её исполнял Григорий Гаврилович Запороцкий (Гриняч, «Гришенька»)

Ительмен в летней одежде

Вы слишком разумный и хладнокровный человек? Я и сам достаточно хладнокровный человек (я так полагаю, да и года мои не те — дрова пилить, то бишь мечтать о сопках), но должен признаться, что тут я Вас не понимаю.

Идея (как говорил тот же Кролик). Situ: дом учительницы-ительменки К.Н. Глухой, моё рабочее место в первую половину дня (а иногда и вечером — в моём отеле «Под красным флагом» я только сплю, по той прозаической причине, что там *veru khrenovo* топят, холодно там, проще сказать). Tempore*: 21 сентября. Сижу я и разрабатываю тётю Мотю (Матрёна дочь Иова, по фамилии Павлуцкая, 62 года), и тут же сидит Паша Глухов (старший сын хозяйки дома, 18 лет). Внезапно, уже не помню в какой связи, он говорит: де давно «с кем-нибудь из пацанов» собираюсь подняться на Эльвелик.

Ого.

Я тут немножко простыл, так, по мелочи, ознобчик, жарок, аспиринчик — но детонировал сразу. Я готов составить тебе компанию, говорю я ему, очевидно, с достаточным жаром и убеждением. Только дай немножко очухаюсь от своих недугов. Паша сдержанно проглотил

эту информацию (о сей ительменской сдержанности ещё будет повод поговорить). План похода мы составили тут же. Надо сказать, что Павел, как истый ительмен (это неважно, что он ни слова не говорит по-ительменски), терпеть не может сидеть дома, т.е. в деревне, да ещё и за столом. Он рвётся в тундру и почти постоянно пропадает там. Где-то хан'ск (т.е. выше по течению реки — далеко, в 35 км, по словам Глухой) у него есть балок, домик для охотников, там же привязаны ездовые собаки. Ружьё, сетка, резиновая лодка и балок — вот его жизнь. Павел сказал, что мы дойдём до балка, а оттуда и сбегает на Эльвелик — так будет гораздо ближе, чем от Каврана. (От Каврана и вправду не близко: ну, скажем, не два дня пути, но один полный — это с гарантией.) Договорились мы тогда же, что вот он «сбегает» в балок, вернётся — и дня через три-четыре пойдём. Тем временем недуги мои — ждать надо — совсем пройдут.

Во-вторых (Кролик знал ещё и не такие слова). Даниил Гранин (советский писатель) говорит где-то о странном чувстве,

с которым он смотрит по ТВ на зрителей хоккейного матча, результат коего он уже знает из радиопередачи. Несколько смешно ему смотреть на этих болельщиков, и скучно даже, кажется: из-за чего переживают, когда ему уже известен конец? Откровение, собственно, не Бог весть какое богатое. По структуре своей ситуация напоминает чтение книги, например, о гражданской войне: ведь всё равно же известно, что победили красные «и на Тихом океане свой закончили поход» — тогда для чего же и читать? А вот читают же, и с интересом читают. А почему читают? Потому что интересен не только результат, и даже, видимо, не столько результат — он известен, — сколько пути, приведшие к нему. Если я озаглавил этот свой текст «Восхождение на Эльвелик», то читающему уже отсюда, очевидно, ясно, что я туда взойшёл. Результат известен, так зачем же дальше и читать? Конечно, можно было бы дать другое заглавие или не давать никакого, а просто изобразить всё в виде дневниковых записей, в которых результат если и известен, то это результат только одного дня, а дальнейшее неизвестно никому, даже самому автору, ибо завтрашний день ещё не прожит. Собственно, дальше так и сделано. Так почему же я, никого не интригуя, сразу объявил результат? А вот и не знаю. Во время

* Это — Клавдия Николаевна Халоймова. situ «место», tempore «время» (лат.)

похода у меня был небольшой, в пол-ладони, блокнотик, куда я заносил кое-что по ходу дела. Порядочного дневника вести в этих условиях было невозможно. Эти записи помогут мне воссоздать колорит прожитых дней, а пишу-то я всё равно уже задним числом, так сказать, отчёт об итогах деятельности. Дальнейшее теперь зависит только от меня. Если читатель не бросит читать на этом месте, узнав результат, – значит, я сумел его заинтересовать. Пишешь ведь в конечном счёте затем, чтобы читателю было интересно. Это самое донце. Все остальные словеса: ах, зачем я пишу – выше дна, они плавают, в глубине или на поверхности, всё это – трепотня, мягко выражаясь. Только одно слово – интересно – лежит на дне, как металл.

Село Тигиль

Географическая справка. Сопка Эльвелик (или Конус) расположена между 57° северной широты и 157° восточной долготы. Высота её – 539,1 м. На подробных картах обозначена как «приметная». Ещё бы не «приметная» – окружающие её хребты имеют высоту 100–150 м, максимально высокие точки – до 180 м. (Один из моих информантов, Платон Иванович Данилов, утверждает даже, что Эльвелик видно сразу, как только самолёт поднимается из Паланы, а Палана отсюда – как-никак в четырёхстах километрах. Сам я такого не видал, хотя взлетать из Паланы мне доводилось.) Расстояние от Каврана до высшей точки Эльвелика – 22 км. Разумеется, это идеальная математическая прямая, отмеренная на карте. На бумаге-то всё гладко.

25.09.79. Вторник

По-русски здесь – «болото»,
По-ительменски – «кульх»,
Даваясь гнилой зевотой,
Тут шлялся старый Кутх.
Г.Ковалёв*

Мы вышли из Каврана в 8.40 по направлению «Балок». Мы – это вышеназванный Паша и я. Паша был экипирован как надо – ну, для него это дело привычное; я тоже был экипирован как надо, но моей экипировкой занималась вся глуховская семья. Прежде всего была нужна меховая куртка, которой у меня, понятно, не было (ибо моя дорогая семья ещё не удосужилась прислать её мне). Глухова отдала

*Это один из моих псевдонимов. Под этим именем цитированные стишки были даже опубликованы в тигильской газете «Из глубины камчатских тундр» (шучу, шучу – «Знамя Ленина») в 1966 г. Секретарь райкома, помнится, никак не мог взять в толк – положительные это стишки или отрицательные.

мне одну из Павлушкиных, made in Mongolia (сам он, неизвестно почему, отправился в на редкость старом и драном ватнике, хотя у него, кроме монгольской, есть ещё две куртки). Затем, непонятно для чего, нужна была зимняя меховая шапка. Этого не нашлось, и слава богу, – впопыхах напялили на меня лыжный вязаный колпачок, бело-розовый, с помпоном, совсем как у Буратино; этот головной убор оказался наилучшим в наших условиях. Ну её, меховую шапку, – она была бы чересчур тёплая. Затем нужны были сапоги резиновые, болотные, длиной «по сие место» – не знаю, у кого их достали. Павел дал мне свои запасные «чажи» – попросту говоря, грубейшие и толстейшие шерстяные носки, которые надевались второй парой. Портянок при такой «седловке» не нужно. Итак, я был одет. Но человеку нужно ещё где-то спать, т.е. человеку нужен кукуль. Раздобыли и его, превосходный, большой кукуль, настоящий оленин, с подкукульником, т.е. вещь в условиях камчатской природы незаменимую и хорошо мне знакомую. Уж знаю по опыту: в таком кукуле можно и на снегу спать, как в тёплой хате. Был у нас и бинокль, который любезно одолжил мне местный tnakol** (пред. сельсовета, ительмен, В.П. Краснаяров); я имел дурацкую идею рассмотреть с помощью этого бинокля красный флаг над моей отелью (сельсоветом то бишь) с вершины Эльвелика. Кроме кукуля и бинокля у меня в рюкзаке была ещё всякая всячина, кг на 15, по скромному подсчёту, а Паша пёр в своём рюкзаке, ко всему прочему, ещё сложенную резиновую лодку. Кроме того, у него, понятно, было ружьё.

Погода (ну конечно! – нет Бога, кроме погоды, когда Володин вылезает из-под крыши.

**Начальник (ительмен., переносн.)

Пардон, не только он один, но и Паша тоже был очень заинтересован в погоде – всё опасался, что дождь будет), итак, погода. Она была сначала довольно серая, потом проголубалось, и даже стало показываться солнце, по временам. Дождём нас по дороге не накрыло – ну вот о погоде пока и всё.

О маршруте я не имел никакого понятия. Просто мы шли в балок – и меня больше не интересовало ничто. Паша ведь знал дорогу, ну вот он меня и вёл. Уже по пути стало известно (из немногословных Пашиных пояснений), что мы сначала дойдём до Верхнего Каврана (места, где раньше был теперешний Кавран), и это будет полпути. Придём туда до 12 часов, значит, на самом месте будем часа в два. При том, что вышли мы без малого в девять, выходит пять часов. Где же тут 35 км, о которых говорила Глухова? На 35 км надо семь-восемь часов, хаживал по маршруту Напана – Тигиль и обратно, знаю.

Расчёты оправдались. В Верхнем Кавране мы были в 11 часов; там отдохнули в течение получаса, затем пошли дальше и с двумя или тремя краткими привалами пришли в балок в половине третьего. Так что расстояние, пройденное нами, равнялось примерно 25 км; может быть, их было 27, но никак не 35. Паша, кстати, мерит расстояния как истый камчадал – не по километражу, а по затраченному времени: «Сан Палч, сейчас будет мокрая тундрочка». «А большая?» «Минут на пять. А за ней вторая – минут на пятнадцать». Пашины воззрения свидетельствуют о несомненной связи времени и пространства.

*Первой осени терпкой приправа
Пахнет в рощах печально-остро,
В помертвевших сентябрьских травах
Птица-Ночь потеряла перо.*

Стишки эти давние, им больше двадцати лет, и пришли они в голову отнюдь не здесь, а в Карелии – далеко отсюда. Но вот – почему-то вспомнились по дороге.

Как вообще описывать дорогу? Что такое дорога, даже если пешая? Вышли – шли – пришли. Всё как будто бы? Фактов, пожалуй, больше никаких не было: передвигал ноги следом за Пашей, каждый час мы делали краткие привалы, я перекуривал – кажется, теперь-то уже выжато всё масло из этого тощего зерна. Всё ли? А мысли, вы забыли про мысли, которые возникают по дороге! Дорога, особенно пешая, очень способствует всяким мыслям. Мыслить надо на ходу. Вот ещё новый перипатетик выискался.

Нет, я ничего особенно выдающегося за дорогу не придумал – ни новой концепции императива, ни даже стишков никаких не выкинулось, кроме пришедших в голову старых. Запомнилась почему-то игра с ительменским словом *senl* (сеньль). Это значит – аконит, растение ядовитое и тайное. Но сеньль – это не-

что большее, чем просто ядовитый корешок. Сеньль есть в каждом человеке, и во мне тоже, наверное, есть. Интересно, а у Паши есть? Вот он идёт впереди меня, и у него заряженное ружьё. Кругом никого. Что его сдерживает? – взял бы и выпалил бы в меня в упор. Хотя бы дробью – в упор вполне можно убить человека. Разумеется, я ни минуты не думал, что он может сделать это – Паша человек молодой и простой, – но было интересно как-то: а вот почему он этого не делает?

Вот к каким праздным мыслям приводят лингвистические игры со словом «сеньль». Это явное свидетельство того, что шли мы по сравнительно хорошей дороге и что я ещё не устал.

Верхний Кавран. Строения: донельзя грязный и заплёванный балок, а также палатки, все в лохмотьях, ещё грязнее и безобразнее этого балка, в котором помещается кухня. Здесь живут «сенокосчики» (вот ещё прелестный был бы подарок деятелям областного словаря). Входим: исключительно ительмены, все молодые, около 30 лет. И хотя бы кто-нибудь из них сказал хотя бы слово по-ительменски! Я попробовал прямо навести их на эту мысль – вежливо отулыбались, а один прямо заявил: «Ну какие же мы ительмены! Мы только пишемся ительменами». Вот вам гибель языка, наблюдайте визуально. Хотя и глупо это, но жалко мне стало языка: я-то соберу его обломки, а он неизбежно будет мёртв. Он останется в моих книгах, а здесь, где ему самое место, – здесь он звучать не будет.

Пока я неторопливо и со вкусом хлебал чай из огромной литровой кружки (Пашуня, зайчик, сунул мне чью-то недопитую, но не один ли икс?), снаружи зарычал мотор. Пришёл трактор. О нём нам говорили ещё в Кавране: куда вы, сейчас трактор пойдёт, но мы не стали ждать и правильно сделали – пока эти паразиты ковырялись (т.е. попросту ждали открытия магазина), мы и без трактора сюда пришли. Ввалились двое русских и один ительмен. Последний поздоровался со мной, а эти русские свиньи посмотрели на меня, как на пустое место, и отвернулись. Кроме того, они заматерились с первой фразы, вот её точная редакция: «Тебя отсюда вывезут вертолёт на хуй» (продолжение какого-то разговора) – и в дальнейшем бессмысленные матюги не прерывались ни на миг. Матерные слова – кстати сказать, ничуть не хуже любых других, но с ними же надо уметь обращаться. Это неумение использовать данный тебе Богом и родителями словарный запас меня всегда злит. Глядя на бледнолицых братьев, и ительмены довольно робко (и ещё более неуклюже) заматерились тоже. Одним словом, общий счёт был далеко не в пользу великого русского народа.

Дальше дорога всё чаще начала перебиваться мягкой тундрой. Следовало бы добавить, что тундра была не только мягкая, но и мок-

рая, топкая. Давненько я с ней не встречался. Это та самая местность, по которой (на мой, конечно, вкус) идти куда хуже, чем по тропическим джунглям. Это я утверждал ещё 17 лет назад. Она осталась всё та же; но мне казалось, что и я, несмотря на прошедшие 17 лет, остался тот же. Разве вот теперь я знал немножко больше: например, что по-ительменски эта местность характеризуется словом *filk'lah*. До чего же точное – именно фонетически точное – слово. При каждом шаге она отчётливо говорит: *filk', filk'*, именно с абруптивным «k'». Поневоле пожалеешь, что язык, имеющий такие слова, скоро уйдёт в небытие.

Тундра на нашем пути было несколько, и поначалу я ещё мог ловить запахи тундры. Вообще-то слово «запах» не принадлежит к числу любимых мною, опять-таки чисто фонетически; в этом смысле куда лучше звучит финское слово *haju* – но что делать, в русском языке есть именно слово «запах», приходится иметь дело с ним. Запахи земли вообще прекрасны, даже в тундре, где примешивается лёгкий привкус болотного газа, он придаёт всему букету некоторую пикантность. Даже запахи разложения у земли очаровательны – пальый лист, умирающая трава – этим дышишь, как ароматом самой жизни, это не то что запахи животных (разумеется, и человека не в последнюю очередь). Белок – это жизнь, венцом которой является мозг; всё это отлично, но у белка есть огромный недостаток: запахи его безобразны.

Великие реалисты XX века почему-то очень любят запахи – они постоянно присутствуют в их описаниях, и это меня всегда раздражало. Ну хотя бы потому, что описать запах невозможно. Его можно только назвать. Подумаешь, сказал: запах моря и просмоленных канатов – тоже мне, художник слова! Вот, например, знаете ли вы, каков типично ительменский запах? Это запах нерпичьего жира, причём старого, прогорклого, *hamlx kkreknep*. Как его описать? Как дать понять о нём человеку, никогда его не нюхавшему? Ну, скажем, он горьковат и на свежий нос довольно мерзок – что-то от рыбы (тухлой), что-то от мяса (тухлого же), что-то от моря, но всё это неточные словеса. Вместе все эти компоненты составляют не простую сумму, а диалектическое единство (вот вам – упрекающим меня в буржуазном позитивизме!), которое и даёт собственный, именно ительменский, и ничей иной, колорит этим людям и их вещам. Сейчас в Кавране этот запах едва уловим (нерпы совсем «премало» стало, и за её убийство сдирают полутысячные и тысячные штрафы), но, уловив его – ибо в настоящих ительменских домах он всё же присутствует, – я обрадовался, я поймал себя на том, что обрадовался. Это значило, что я наконец-то попал на мою, настоящую, ительменскую Камчатку.

Пашин балок мы увидели издали – с возвышенного места он сверкнул на солнце стек-

лом окошка. Я был тут же разочарован. Мне столько наговорили о красотах места, где он стоит, что я так и представлял себе что-то вроде: «бурный поток, чаща лесов, голые скалы – мой приют». Ничего подобного! Потому-то он и виден издали, что стоит на совершенно пустом месте, кругом – ничего, кроме тундры, да ещё и мягкой, как оказалось при ближайшем рассмотрении. Последняя тундра, перед балком, была самая огромная и гадкая. Я отстал от Паши, сначала на 20 шагов, потом на 50, а потом, наверное, шагов на двести. Так и казалось, что этот чёртов балок стоит прямо посреди мягкой тундры. Паша уверял меня, что это не так, и в общем оказался прав – мягкая тундра кончилась буквально в десяти шагах от двери.

Честно говоря, меня всегда бесит, насколько бездарно ительмены ставят свои жилища – в смысле пейзажа. Тигиль – ещё туда-сюда, он стоит на высоком берегу, сделаешь два-три шага – и ты на великолепной сопке. Зато Напана стояла на абсолютно пустом месте, открытая всем ветрам, и не было в ней ни деревца, ни кустика, «простой крас», как выражается моя нынешняя информантка тётя Мотя (в русском переводе это означает «сплошная грязь»). Так же и современный Кавран. Пустое место, низкий берег, и тоже ни деревца; высокий берег реки превосходен – отличная скала и на ней березник и кедр, а дальше верхушки плоских хребтов, но всё это не в самом Кавране, а только видно из него. Из него и Elwelen тоже виден. Таковы северный и восточный горизонты Каврана. А на юг и запад – прямо-таки ничего нет – тундра, плоская и скучная. На западе – море, но его же не видно. Красоту и очарование даже этих плоскостей начинаешь чувствовать далеко не сразу.

Вот так же и Пашин балок. Чёрт знает какой идиот поставил его тут, где нет ни воды приличной, ни единой палки дров, где свободно гуляют только ветры. Правда, оказалось, что в этом «никто не виноват»: балок тащили трактором на железных салазках, его имели в виду поставить в более приличном месте, но салазки сломались именно здесь, и, уж конечно, домик так и остался тут, на салазках, как избушка на курьих ножках. Да, дрова приходится носить издали, и дрова-то паршивые – тальник; но ведь горят же, чайник вскипятить можно – ну и ладно. До реки здесь с полкилометра – подумаешь, расстояние! – и вода тоже есть, ручеек протекает шагах в ста, отличная там вода. Паша всем доволен – конечно, в 18 лет всё нетрудно и всё недалеко.

Теперь настало время поговорить и о красотах окружающего пейзажа. Он действительно красив, нет, мне не нагнали, он завораживающе красив, но это дальний пейзаж, горизонты; и в этом смысле даже хорошо, что балок стоит посреди пустой тундры, – во все стороны далеко видно. Вот когда пригодился красно-

Собачья упряжка и бродовщик, прокладывающий дорогу

яровский бинокль. Балок ориентирован днём на северо-запад; таким образом, если зайти слева от него – видишь невдалеке противоположный берег реки, отмеченный зарослями ветлы (могучие, высоchenные, прямоствольные деревья), а далее – низкие хребты, золотые от березника и тёмно-зелёные от кедрача; и на самом заднем плане вздымается гора Ируни, с отрогами, острым пиком и всем, что горе полагается. Если смотреть от правой стены – видишь за жёлто-бурым ковром тундры плоские золотые хребты («высокий березник», как сказал Паша), а за ними – возделенную тёмную вершину Эльвелика, почти ровный, слегка закруглённый конус, цель нашего похода. (Однако – даже на глаз, отсюда до него если и ближе, чем из Каврана, то, ей-ей, не намного.) Но это потом, завтра увидим – сколько там, а сейчас лучше всего повернуться направо и смотреть на северо-запад, где стоят высокие (потому что близкие) сопки на том берегу реки, и среди них, вся в кедраче, вершина Тылжика. Осенняя камчатская земля поразительно разнообразна по краскам, особенно вот в такую погоду, когда между землёй и солнцем несутся плотные облака, то задерживая свет, то вновь заставляя его вспыхивать то тут, то там. На дальние сопки ложатся тени облаков – и сопки синие, почти чёрные; и вдруг там, в прорыве, ярко загорается розовая – именно розовая полоска, в бинокль видно, что это дальний ягодник, и это розовое пятно само светится, как источник света. Или вдруг там же зеленовато-рыжим золотом вспыхивает под солнцем березник на сопке – оторваться от сочетания этих красок, яркого золота на свинцово-синем фоне тучи – просто невозможно. Впрочем, описывать краски – это почти то же, что описывать запахи. Запахи надо ощутить собственным носом, а краски – собственными глазами. Итак, вы признаётесь в

своей неспособности передать силой слова?.. А подите вы, гражданин, туда-то и туда-то – там и понюхайте своим носом. Я вообще не собирался ничего писать. Я вообще собирался пойти и отдохнуть от всяческой писанины. А то, что я пишу... но ведь это же я сейчас пишу, я сижу за столом, при свете электричества, да-с.

При свете свечи, в балке, я, впрочем, тоже писал – бегло записывал перед сном впечатления вечера. Вечер был таков: часов в пять мы с Пашей вышли из балки, имея целью проехаться по речке. Отчего бы и нет. Собственно, это я собирался прокатиться, а Паша-то имел в виду «погонять уток» – он не расставался с ружьём. Итак, мы пошли хан'ске, т.е.

вверх по течению, потому что по речке, как и по любой камчатской реке, плавать на вёслах можно только вниз – вверх ни за что не подымешься, течение не пустит. (Для справки: вверх ительмены ходили только на батах и только на шестах – только таким способом можно преодолеть течение – на длинной, узкой, долблённой из одного ствола лодке, и сильными толчками шеста о дно. Недаром же в ительменском значения «плыть вниз по течению» и «плыть вверх по течению» передаются двумя разнокоренными глаголами. А у нас был не бат, у нас была резиновая миска, которую Паша тащил в рюкзаке, и веслом нам должна была служить обыкновенная лопата, к которой Паша тут же приделал короткий черенок. В этой лоханке, без киля и руля, и даже, в сущности, без передка и зада, конечно, можно только «сплавляться» вниз.) Шли мы целый час (и всё больше по мягкой тундре, вот подлость), разумеется, напрямую, срезая бесчисленные извивы реки. Наконец дошли. Паша быстренько надул лодку и стащил её вниз. До воды было далеко – впрочем, больше низко, чем далеко – и всё через заросли тальника и всякой травяной растительности, которая на Камчатке скрывает человека с головой. Сесть в лодку на этой стороне оказалось просто невозможно, и мы решили перейти на ту сторону. Глубина – чуть выше колена, зато течение буквально сшибает с ног. На том берегу была галечная отмель, можно было сесть. И я сел, дурак, на дно и немедленно получил мокрые насквозь штаны. Да, но кто же знал, что будет революция? – ведь я впервые имел дело с этой миской Св. Иллариона (или Св. Мисаила, как кому угодно). Оказалось, что в ней можно находиться только стоя на коленях – в высоких сапогах это допустимо; и всё уладилось, но мокрые штаны от этого, увы, не стали сухими. Мокрые штаны (особенно сзади) – одно

из самых неприятных ощущений, особенно сентябрьским вечером на Камчатке. А когда попадаешь на перекат, камни так начинают колотить снизу, через мягкое днище, по коленям, что только держись. На левом явный синяк получил. В довершение всех радостей прогулки по воде – пошёл дождь. Монгольской куртки он не пробил, но при мокрых штанах я продрог порядочно. Мне уже стало не до пейзажей, которые стоили больших восторгов. Какие ветельники подступали к воде с обеих сторон! Высокие, прямоствольные, могучие: таких деревьев я никогда ещё в Ительмении не видал – ну не Камчатка, а Англия, только Робин Гуда не хватает. Но уж когда дождь, то он заливает очки, и тогда – захочешь, так ничего не увидишь. Совсем смеркло, но неутомный

Урочище «Кутховы баты»

Паша разглядел-таки в этом мраке уток, выпалил и убил одного крохалю. Причалили мы около восьми, вытащили лодку и побежали в балок – я уж совсем вслепую шагал за Пашей. В балок мы влезли почти на ощупь, зажгли свечу и печку и сразу же последовали завету В.И. Ленина на III съезде комсомола: «Сушиться, сушиться и сушиться». (Впрочем, возможно, и другой какой был завет, но нам сейчас подходил именно этот.) Для меня был разогрет суп из крохалю, который сварил кто-то из Пашиных друзей и оставил для нас; но я сказал «для меня», потому что Паша убитых уток в рот не берёт. Он весь день сидел на голом чаю, к которому присоединил два-три кусочка свиного сала. Диета, прямо скажем, не для человека, который целый день двигается, – на мой взгляд, конечно.

Отдохнув и согревшись, мы чувствовали себя отлично. Кажется, у меня начинался жарок, но я твёрдо решил не обращать на него внимания. Паша заряжал патроны при свечке, я тут же курил, и чёрт с ним, с дождём, который стучал по крыше балка. Сейчас мы не имели ничего против – пожалуйста, лишь бы не завтра. Назавтра Кутх нам должен подать погоду. Мы должны сбегать до сопки (и на сопку!) и назад, и всё это проделать до темноты. Нам казалось, что мы успеем всё это осуществить, если выйдем пораньше, часов в восемь, – тогда у нас будет двенадцать часов светлого времени. Обернёмся, несомненно.

Не даст Кутх погоды? Даст, старый бабник, как не дать. Обязан дать.

А до Эльвелика отсюда – видать по всему – семь вёрст, и всё тундрой. Это шутка. Ха, ха. Насчёт семи вёрст – это бабушка надвое и даже натрое сказала. А вот насчёт тундры – это

не шутка. Тундры не избежать, мон шер.

P.S. Павел так нажарил печку, что я не улежал в кукуле, вынужден был вылезти наверх и укрыться плащом. Это при том, что я был раздет – вот какую мы устроили баню.

26.09.79. Среда

Выйти в восемь утра? Это значит – встать как минимум в семь? Ну да. А вот сейчас 11 часов, и что же, перипатетики, мать ваша курица? Не дал вам Кутх погоды. На кого рассчитывали?

Дождь, низкая облачность, желанного Эльвелика не видно. Совсем не видно, напрочь, словно бы и нет его. Между нами говоря, такая погода может быть надолго. Не первый раз на Камчатке, и именно осенью, знаю, видал. Паша уже предлагал мне возвратиться (по речке, в резиновой миске) – я отклонил это предложение. Похоже, что решения здесь принимаю я, как мне ни несвойственно такое амплуа. Ну да, я же ему ровнёхонько в отцы гожусь.

А решение принято такое: ждать. Может быть, разойдётся к вечеру. Тогда пойдём туда с ночёвкой. Может быть, разойдётся к завтраму. Тогда сбегает туда без ночёвки. Один день я могу потратить без ущерба для моей полевой программы. Хватит, прошли те времена, когда я горькими слезами оплакивал *dies sine linea**. Сейчас мне была нужна гора, моя гора, мой Elwelen.

Да и недуги мои слегка взыграли ночью. Голова, правда, не заболела – и то хорошо. А ехать сейчас несколько часов под дождём в этой лоханке Св. Игнатия (Паша говорит, что

* день без строчки (лат.)

пять часов) – так ещё хуже недуги разыграют. Здесь, в балке, есть два преимущества: (1) сухо, (2) тепло. Это очень важно.

Но не это было главное, что удерживало меня здесь. Возвращаться не солоно хлебавши? Пять часов стучат зубами в резиновой миске, среди влаги земной и небесной, не получив горы? Повторяю: мне нужна была моя вершина, и про себя я был готов ждать её и два, и три дня.

Свинство, конечно. Ведь прекрасная в общем погода была вчера – выманила, заманила, и вот вам шиш. Камчатка, она такая.

Ну а раз она такая, значит – ждать. Ждём же мы самолёта на этой прокл... родимой Камчатке – и сейчас то же самое. Ждать.

(Здесь как раз то место, на котором надо бы описать ожидание. Но описывать ожидание, если при этом не только ничего не делаешь, но даже ничего и не думаешь – это потруднее, чем описывать запах нерпичьего жира. Разве что написать сто раз подряд: ждали, ждали, ждали, ждали... нет, надоест писать, а уж читать – и подавно. Кроме того, помнится мне, кто-то из гигантов изящной словесности уже пробовал такой метод, не помню кто. Да если даже никто и не пробовал – всё равно, так не интересно. Ну ждали, слушали стук дождя по крыше, поддерживали огонь в печке, Паша попросил: «Сан Палч, расскажите что-нибудь», – и я, не уныв духом, стал рассказывать ему ительменские сказки – по-русски, натурально – Паша принимал их восторженно. Потом чёрт Пашу куда-то унёс вместе с ружьём – впрочем, скоро он вернулся, весь мокрый и с пустыми руками. Я же «большую часть лежал на кровати» (Н.В. Гоголь), точнее – на нарах, на своём кукуле, лежал вполне удобно, задрал ноги на верхние нары, и в этом положении ухитрился заснуть. Заснул и Паша, глядя на меня. Поспали мы часа два.)

Ситуация на 2130. Ничего у нас с тобой не получится, *ma chere montagne Elwelen*. Такое предчувствие у меня на завтра. Гадостное предчувствие, но лучшего в запасе нет. Сейчас спросил у Павла насчёт его предчувствий – и у него такие же. Погано-с. Как выражаются интели, бывает хуже, но редко.

Вечером дождь перестал, и даже начало было проясняться. Пошли с Пашей на речку – не всё же время в балке торчать. Были мы там недолго: сначала Паша проверил «заливчики» (большие и разветвлённые затоки стоячей воды) на предмет вожаемых крохалей (естественно, что никаких крохалей там и близко не было), а затем мы поставили сетку, чтобы было чем наутро накормить собак. Тучи висели над головой, но дождя за весь вечер не выпало ни капли. На западе возникли нежные розовые и золотые пятна; мы смотрели на них с радостью и надеждой, но они не разрослись, а напротив, съёжились, потускнели и исчезли в тёмном свинце. Делать нечего, руками их не растащишь и ногами не растолкаешь. *Elwelen*

даже начал было открываться – снизу – но и его вскоре опять заволокло. Ну, конечно, а вы чего же хотели?.. Поставили сетку – перегородили один из «заливчиков», как раз против нашей пристани, откуда ближе всего к балку. Я давно не держал сетки в руках, но, на удивление самому себе, заслужил от молодого человека комплимент: «Сан Палч, мы с вами нашли общий язык». Это правда, сетку я нигде не запутал (моя задача была – равномерно сбрасывать её в воду, что я и делал, пока Паша грёб к другому берегу). Паша пояснил, что даже «местные» бывают-де такие безрукие, что по два-три раза переставлять приходится, а вот тут всё сразу встало на свои места. (Ну а как же – высшее образование, хотя бы и гуманитарное – чего-нибудь-то оно стоит.)

Вернувшись к балку, развели костёр около него и стали варить «суп из пакета» (в сущности – страшная гадость, но в здешних условиях – пища, тем более что другой не было. Крохалей? – зачем его варить для одного меня, если завтра поедем назад?) Сидеть (даже стоять – ибо не сидеть же в грязи?) у костра, когда кругом ночь и тьма, а на костре закипает твой ужин, – дело само по себе прекрасное, но наше удовольствие было омрачено. Паша сказал: «Вот если бы у Эльвелика так сидеть...» Я не стал ему даже говорить, что, возможно, ещё и посидим, и даже завтра, – не потому, что суеверия разыгрались: просто уже не видел ничего такого. Погода ничего такого не предвещала. Мы уже приняли решение: утром, никуда не торопясь (куда торопиться?..) снимаем сетку, даём собакам пожрать и едем домой, в родную деревню. Эх!.. Решение, конечно, разумное, но чаще всего именно разумные решения – самые отвратительные.

Температура, да, температура у нас определённее выше нуля. Ну да, ведь я же полез сюда не вполне выздоровевши. Ах, какое теперь всё это имеет значение, если завтра в Кавран?..

Да! Вот вам некоторый этюд о штанах.

В аккурат вчера, перед выходом на речку, Паша начал предлагать мне надеть его «рыбацкие штаны» – совершенно жуткий, совершенно резиновый и совершенно рыжий мешок с ногами; разумеется, я посмотрел на него мельком и отказался. Он не настаивал, а надо было настаивать – тогда бы я их, вероятно, надел; но уж где ему настаивать, юному ительмену! А настоял бы – и не имел бы я мокрой казённой части вчера, и не имел бы температуры выше ординара сегодня. Поэтому сегодня я надел этот доспех с первого предложения и чувствовал себя в нём довольно глупо, тем более, что и надел неправильно – надо было поверх всего надевать, а я затолкал штанины в сапоги (что стоило немалых трудов), и главное – зачем? Ценою мокрых штанов я приобрёл вчера драгоценный опыт, я уже знал, как надо садиться в резиновую миску (именно не садиться, а становиться на колени), при болотных сапогах никакие другие

доспехи не нужны, остаёшься сухой; да и дождя не было ни капли. Вот так всегда – обжёгшись на молоке – дуешь водку (как выражался мистер Кук)*. Здесь разглагольствию о штанах – конец.

Медведя мы так и не увидели – зато видели орла. Очень близко видели, он сидел в ветельнике на сухом дереве абсолютно неподвижно, только иногда вертел головой. Мы смотрели на него с воды, и он нас, без сомнения, видел, но чихал он на нас со своей вышки. Настоящий царь птиц. Паша хотел его «стрелить» – «на чучело», – как сказал он, но я запротестовал, и мы оставили орла в покое. Он даже не шелохнулся.

Наш сегодняшний ужин был печален. Паша, явно для нашего общего утешения, начал строить новый план: вот пойдут дожди, река подымется, и сюда можно будет подскочить «на дюральке» (моторная лодка), это займёт час-полтора – а тогда уж и сбегает. Понятно, что я поддержал этот план и попросил у Кутха дождя, ещё дождя – коли так, дождь нам на руку. Надежда – родная дочь (или мать?) всякого ожидания. Надежда, как огонёк, должна присутствовать всегда и везде – это прописная истина, но когда сталкиваешься с этой истиной нос к носу – она всегда... не то чтобы потрясает, да нет, именно потрясает – так, слегка.

А вдруг завтра мы откроем глаза и увидим Elwelen во всей его красе? Вон куда огоньки-то, потрясения-то заводят. Это надежда ирреальная, судя по состоянию небес. Темно, как у негра, и звёзд не видать – ну разумеется, какие же там звёзды, у негра-то?

27.09.79. Четверг

Я на кочечке сижу,

Я на Elwelen гляжу.

Сочинено мною в 18.01 того же дня

Конечно, первое, что увидели глаза в окошечко балка, – серое небо. И, конечно, первое, чего глаза не увидели в то же окошечко, – это Эльвелика. Не было его, да и был ли он вообще? За плоским хребтом «высокого березника» – не горизонт ли? Наверно, он и есть. Так что же – чаявать? Ну, чаявать так чаявать, Паша, потом пойдём, сетку сымем, собак накормим и поедем себе. Вот так. А зачем вам, Сан Палч, идти, я и один сниму, там помощь не нужна. Да уж пойду, хоть посмотрю на тебя.

Пошли. Из облачного прорыва ударило солнце. Я даже не обрадовался – подумаешь, солнце, подарок на несколько минут, а потом что? Однако противоположная северо-восточная сторона очищалась, гора Ируни была видна вся, вплоть до макушки, и видно было, что за вчерашний день (или ночь?) на верхних её отрогах выпал снег и лежит серебряной сеткой по прожилкам горы. Паша, великолепно освещённый солнцем, начал сни-

мать сетку. Я остался на нашем берегу, на галечнике (было даже выброшенное мёртвое дерево – на чём сидеть не без удобства), стал от нечего делать разглядывать Пашу в бинокль. Отлично было видно, как он поднимает сетку на борт резиновой миски и как там, под водой, трепыхается рыба.

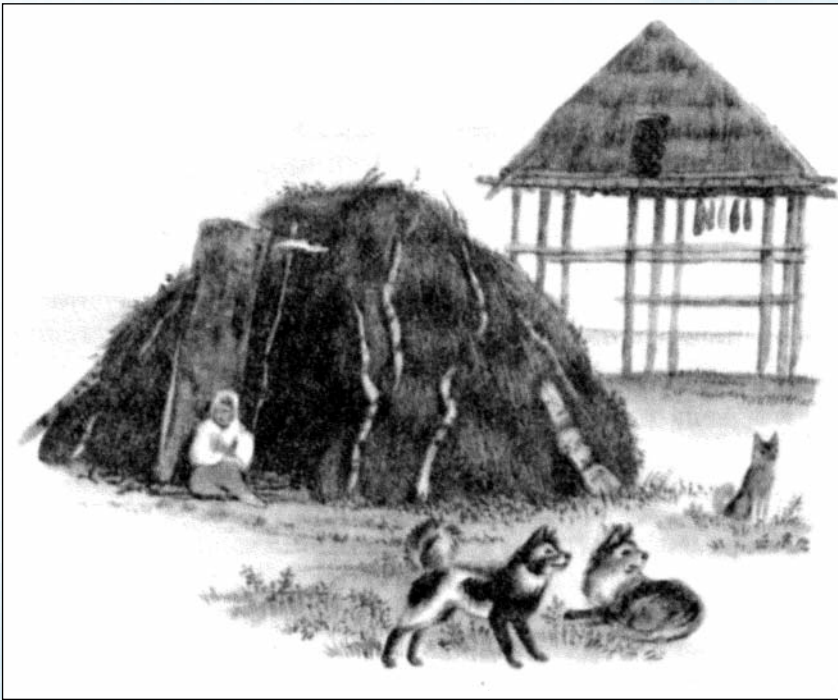
Первой, однако, в сетке оказалась не рыба – ондатра, которая запуталась в ячеях и была ужедохлая. Затем пошли крупные серебряные, в розовых крапинках, гольцы и здоровенные ярко-красные кижучи. Красный кижуч – это уже почти евалый кижуч, только собакам его и жрать; зато голец и микижа были превосходны. Ах, и они пойдут собакам, и вообще всё идёт к собакам (под хвост) – солнце сияет, голубизны на небе всё больше, а тут на тебе – надо ехать в Кавран! Но раз уж решили, значит, решили. Паша выбрал всю рыбу, затем, по моему совету, снял сетку – зачем ей тут торчать и привлекать внимание вертолётчиков рыбнадзора, когда мы всё равно едем в Кавран. Рыбин в сетке оказалось 33 штуки – из них пять-шесть кижучей, две-три микижи, остальное – голец, рослый, крупный, от кончиков пальцев до локтя моей руки и больше (мне можете верить, сам я не рыбак). Паша собрал рыбу в свой мешок, а трёх гольцов мы оставили на берегу, чтобы взять в деревню; Паша старательно прикрыл их перевёрнутой резиновой лодкой, чтобы не украли чайки. Надо было идти в балок покормить собак и собирать вещи, как решили. Ах, зачем мы так решили!.. И вот когда мы вылезли с галечника на тундру – мы увидели его. Он открывался, и с каждым нашим шагом всё больше. Было ясно, что сейчас он откроется весь, до самой вершины. Эх, зачем же мы собираемся в Кавран!..

– Сан Палч, может, рискнём? – прочёл мои мысли Паша, который шёл впереди и даже не смотрел на меня.

– Я только этого и хочу! – откликнулся я, и нам сразу стало очень некогда.

Было около половины двенадцатого. Надо было накормить собак, поесть на дорогу самим, собраться – ибо было ясно, что придётся брать кукули и палатку, а значит, и чайник, и котелок, и провизию, и т.п. Паша быстренько раскидал рыбу привязанным псам (они довольно, мерзко захрустели сырыми кижучиными головами) и побежал на речку за оставленными гольцами, а я бросился налаживать костёр. Гольцов мы решили взять с собой – другой еды, кроме хлеба, сахару и рису, у нас не было. А гольцы – это всё-таки почти форель, обкомовская пища, будет хоть что в котелок положить, не один же рис. Паша вернулся с двумя гольцами – третьего ухитрились-таки утащить (из-под лодки!) подлые чайки; но и эти два были ничего себе, они тянули килограмма на четыре. (Хорошо, не будем спорить – может быть, на три, но уж никак не меньше, я-то знаю, они в моём рюкзаке были.)

* персонаж романа В.Шишкова «Угрюм-река».

Летник – травяной шалаш и балаган для рыбы

Всё делалось в очень быстром темпе: заглotalи остатки пакетного супа, выхлебали по кружке чаю. Эльвелик открылся весь и величественно (именно величественно) темнел на окоёме. По голубизне перебегали быстрые ярко-белые облачка. Кое-где по краям неба стояли ха-арошие свинцовые тучи, но это уж было их дело – пусть стоят, пусть даже балуются (дождём), лишь бы не закрывали нашей горы. Закидали нужные вещи по рюкзакам. Всё? Всё. Фонарик? Есть фонарик, вот, в кармане. Топор? Да. Котелок? Пристёгивай сюда, чайник – к этому рюкзаку. Готово. Мешки – на спину. В последнюю минуту Паша решил взять собак.

Он спустил их с привязей, а цепи старательно сложил в рюкзак. Собак было четверо: белый – Баян, «старик», как сказал Паша, ему девять или даже десять лет; серый, тёмный – Цыган (семь лет) и двое молодых – Тузик, четыре года, и Бим – два года. Пока собаки сидели на привязи, они каждый раз при виде меня начинали довольно злобно гавкать, а сейчас, на свободе, они по очереди подбежали ко мне, обнюхали меня вполне дружелюбно и понеслись в тундру. «Старик» неторопливо потрусил той самой дорогой, которой мы пришли позавчера – «решил, что домой идём, – сказал Паша, – сейчас всех уведёт за собой», – и принялся звать его. Не без труда Баяна и ещё одного, увязавшегося за ним, удалось вызвать обратно. В 12.50 мы отошли от балка. Собаки бодро побежали впереди.

К Эльвелику можно было бы идти по прямой – но это, извините, сразу попадаешь в объятия мягкой тундры, и тянется она чёрт знает сколько, видно, что далеко. Паша сказал, что мы пойдём другим путём, минуя тундру, – и

мы двинулись на юго-восток, прямо от задней стенки балка, где тундра была, правда, тоже мягкая, но не топкая – altlax, а не filk'lax – это большое облегчение, уверяю вас, хотя и кочки. (На кочках – ягодник, голубица.) Elwelen был справа от нас, мы шли пока не на него, но и не от него.

Я терпеть не могу слова «турист». В нём, на моё восприятие, есть что-то одиозное, явственный пейоративный оттенок; возможно, потому, что в нашей семье профессионально занимаются обслуживанием туристов. Возможно, но всё-таки – всё-таки – мне кажется, что «возможно» лишь отчасти. Турист – дурак. Это установленный факт. Становясь туристом, человек глупеет как минимум вдвое. Он не способен воспринять самой элементарной информации. Страсть

туриста – задавать идиотские вопросы, притом одни и те же по нескольку раз. Кроме того, туриста (если он туризирует цивилизованную местность) интересует пуще всего одно: а где магазины? Это справедливо как для сов., так и для ин. туристов. Стадо туристов – наихудшая разновидность человеческого коллектива (пардон, от слова «коллектив» у меня отрыжка esce huze, говоря на чистом ительменском). Всё это, может быть, и прекрасно, т.е. соответствует истине, а не просто разлитие желчи, но кто же в таком случае я? Вот сейчас – кто я, если на турист?

Кто угодно, только не турист. Любознательный путешественник. Что? Слишком громко? Э, громких слов не надо бояться, читайте газеты. Можете сказать, что я – псих ненормальный, которому надо бы программу выполнять, а ему гору подавай. Последний эпитет мне даже более польстит, чем первый. Пусть я псих, и, наверно, так оно и есть, ибо умный (турист) в гору не пойдёт – то есть видел я здесь и таких – на Авачу бодро, а с Авачи силком стаскивают инструктора – вниз почему-то страшнее. (Вот уж вздор – хотя это визуально – мною – засвидетельствованный факт, сам видал таких на Аваче в августе, месяц назад.) Те, кто ходят в гору, достойны большего уважения, да, но всё равно – это стадо, у него есть поводырь, которого они изводят идиотскими вопросами (типа: а где у вас туалет?) и не менее идиотскими претензиями (типа: а почему нет горячей воды?); в общем, стадо – это туристы, а я – одинокий псих. У меня тоже есть поводырь? Да? Поводырь ли он, если он заявляет мне: «Сан Палч, а дороги я не знаю», – это как?

Дорога? Какая дорога, гражданин? Нету там никакой дороги, как говаривал юный сер-

жант милиции Ковалёв (читайте бр. Стругацких)*. В самом деле, какая дорога, если гора – вон она? Иди прямо на неё... т.е. мы уже не пошли прямо, мы сделали дугу, и наша гора скрылась за увалом, поросшим редкими кустами кедрача, и всё ещё сохраняли прежнее направление, и вдруг Паша спросил (меня!): «Сан Палч, не пора ли сворачивать направо?» – «Ещё не время», – ответил я с полной убеждённостью (это я!), и Паша продолжал идти прямо, но вскоре мы, как-то по взаимному соглашению, решили всё же свернуть. Путь наш пошёл вверх – не круто, но достаточно ощутимо. Наконец перед глазами встала далёкая синеватая макушка Эльвелика, и с каждым шагом он становился всё выше, и вот он показался весь, т.е., конечно, не весь – половина его была срезана хребтом с золотым березником – но мы вышли на гребень увала, и теперь путь наш пошёл потихоньку вниз. Пора было бы уже и присесть: мы протоптали целый час. Во всей нашей амуниции на солнце было даже жарко. На половине спуска мы скинули наши мешки и повалились на кочки, усыпанные роскошной спелой брусникой. Эльвелик был чёрный на фоне густо-свинцовых туч. Лезли они и с востока, бежали и с запада. Яркого-голубое солнечное окно над нашими головами неумолимо сужалось.

– Дождь сейчас пойдёт, – сказал Паша, глядя на восточный край.

– Не пойдёт, не должен, – сказал я, чтобы хоть что-то сказать.

Я не хотел, чтобы он пошёл, но одного моего нехотения было тут маловато. Теперь уж всё равно. Что будет, то и будет. Не отступим. А куда идём, куда придём, когда придём, какие придём – всё неизвестно. Неизвестность – это такая вещь, которую вряд ли кто любит. Однако и неизвестность бывает разная. Бывает неизвестность мучительная – когда ждёшь письма из дома и не можешь понять, отчего оно не приходит: из-за скверной работы почты или от более серьёзных причин. Бывает неизвестность гнусная – когда сомневаешься в результатах голосования по твоему делу в Учёном совете. Бывает неизвестность и просто оскорбительная – когда день за днём тащишься ни свет ни заря в аэропорт и тобою играют в орлянку: будет-не будет нужный тебе рейс. В нашем сегодняшнем случае неизвестность была возвышающая, дающая основания гордиться собой: иксов было много, но решение ребуса

Петропавловская гавань в 40-е годы XVIII века

зависело только от нас самих.

С того места, где мы сидели, было отлично видно очень многое, что важно было для дальнейшей дороги. Нам предстояло спуститься вниз, пересечь там неизбежную топкую тундру (на вид она так невинна и гладка, сволочь), к счастью, не очень большую, затем снова подняться между редкими кедрачами – за ними явная падушка, её отчётливо угадываешь, хотя и не видишь. Дальше у нас – справа березник и слева березник, а посередине – кедрач, но в нём прямые проплешины, точно просеки (хотя какие тут могут быть просеки!). «Подыдемся вон по тому, по левому проходу», – сказал Паша. – «Да, конечно, так будет ближе», – сказал я. – «А палатку поставим вон в том березнике», – сказал Паша неуверенно, на что я безапелляционно возразил: «Там? Это слишком рано». Ведь видно – и отлично видно – было, что оттуда до желанной горы ещё столько же и ещё полстолько (а на деле вышло даже ещё больше). Дальше этих просветов среди кедрача мы ничего не видели, скрывала растительность – но дальше нам пока и не требовалось. Выйдем туда, там увидим, как и куда идти дальше. И мы пошли. Солнце всё ещё светило нам, но его уже затягивало белёсой плевой. Спасибо, что хоть дождь (пока что) не пошёл.

Почти с самого начала пути Паша начал заниматься самокритикой: зачем-де я взял собак, они-де выгонят на нас медведя. (Оказалось, что все собаки уже хаживали на медведя, «старик» – белый Баян – «тыщу раз».) На это мне отвечать было нечего. «Ну и пусть выгонят, хоть посмотрим на него», – вот самое остроумное, что я мог сказать. Вообще в медведей я не верил, что и понятно: поверишь,

* «Понедельник начинается в субботу»

когда увидишь, но не раньше. Пока что, в тундре, псы подняли несколько куропаток. Паша зачертыхался (и только: он воспитанный мальчик и совершенно не матерится), даже побежал за ними (по мягкой тундре!) с ружьём наизготовку (и с рюкзаком за спиной, не забудьте), но всё было впустую. «С'ехс'ел»*, – машинально крикнул ему я; впрочем, он, хотя и не говорит, но многое по-ительменски понимает.

Мы прошлёпали тундру, поднялись вверх, зигзагом спустились в падушку и снова полезли наверх. Мы шли точно по намеченному маршруту. Справа от нас была сплошная стена кедрача, слева, подальше, – стена березника. Когда ходишь по Камчатке пешком, выбирать приходится между плохим и похуже. Идти по березнику – это почти что пробираться через джунгли: внизу, там, где идёшь ногами, – рябинник, трава, лапчатые листья так называемой пучки (шеломайника) на стеблях выше твоего роста; кроме того, на каждом шагу поваленные стволы: куда ставишь ногу – совершенно не видишь. Идти по кедрачу – это пробираться через джунгли уже без всякого «почти» – ныряешь под одни ветки, пригибаешь ногами другие, и каждая норovit ухватить тебя за одежду; поставить ногу на землю просто невозможно в этой путанице. А если не березник и не кедрач, то – извольте, тундра. Самая ровная и гладкая – это filk'lah, но, по мне, лучше уж кедрач, ей-Богу. Есть ещё тундра просто мягкая, но на ней, как я уже неоднократно упоминал, – кочки. Прыгать по ним сверху – немногим лучше топкой тундры. Идти между ними – приезжайте и попробуйте сами. И всё же мы двигались вперёд, и не так уж медленно. Паше-то всё было с полгоря, ведь он природный камчадал, он признавался мне, что самое трудное – ходить по асфальту: слишком твёрдо, не пружинит; но и я от Паши не отставал (если только не было мягкой тундры, тут я пас).

Поднявшись на очередной гребень, мы увидели, что наша желанная гора приблизилась, но ещё не настолько, чтобы можно было радоваться. Между нею и нами стоял хребет, поросший березником, – возможно, это слишком сильно сказано: хребет, высота его невелика, 100–150 м, как стоит на картах, но и называется он на тех же картах хребет Аслаухте, довольно неуклюжая адаптация ительменского Aslax uftal, высокий березник. Лезть к сопке напрямую через этот самый Аслаухта – дело явно бессмысленное: потеряем время, да и направление можно потерять в лесу. Надо по возможности держаться открытой местности. Мы присели отдохнуть (в чём я, признаться, весьма нуждался) и стали неторопливо обсуждать дальнейший маршрут. «Старики говорили, – сказал Паша, – что надо выйти на Лухлю». Лух-

ля – это ручей, берущий начало у подножия Эльвелика, по нему мы подобрёмся к самой горе. А где он может быть? Вон там, на востоке. Ага, всё ясно. Перед нами как раз открывался просвет среди редких кустов кедрача. Если мы пойдём туда, то березник останется по правую руку, мы обойдём его, а там же должен быть и ручей. Итак, вперёд, до падушки, а затем направо, по ручью, – и выходим на Эльвелик. Небо совсем затянулось, свинцовые тучи плотно висели по всему небесному фронту за Эльвеликом и далее к юго-востоку – как раз в той стороне, куда нам надо было идти. На нас не упало ещё ни капли, но видно было, что в верхне-хайрюзоюких хребтах вовсю лупит полновесный дождик. Мы двинулись, оставляя Эльвелик справа и уже удаляясь от него по касательной. Местность тут, наверху, была очень удобна для ходьбы, тем более, что нам попала под ноги тропинка, которой было с нами по дороге. Наконец показалась и широкая падушка, по дну которой протекал искомый ручей; мы начали спускаться, Эльвелик пропал из глаз, скрытый березником и складками местности. Всё небо засвинцовело, и тёплое – жёлтое, оранжевое, красное – многоцветье тундры на этом фоне стало холодным и монотонным, каким-то серовато-бурым. Но и в этом была своя прелесть, важно было видеть её; я, во всяком случае, испытывал удовольствие от одного пребывания в этом месте; и вдруг Паша, который шёл впереди, обернулся:

– Сан Палч, может, вернёмся? Ещё не поздно.

Было четыре часа дня – действительно, не поздно; но на часы я посмотрел потом, когда ответил:

– Что, не хочется на горку лезть?

– Не-ет, – сказал Паша с непередаваемой камчадалской интонацией. Поди разбери, что значит такое «не-ет»: да или нет – ни за что не разберёшь.

– Тогда пойдём вперёд, – сказал я, и мы пошли дальше.

В тот момент мне показалось, что его «не-ет» означает: «да, не хочется», что это я подталкиваю его идти на Эльвелик; пусть так, важно, что он шёл вперёд и не повторял больше своих предложений вернуться. Мы довольно долго лезли по падушке, среди высокой жёлтой травы, потом поднялись выше, вылезли на очередной гребень (а местность была гнусная на редкость – мокрая тундра даже наверху) – и тут мы увидели его во всей его красе, не срезанного наполовину высоким березником. Здесь он был могуч – до половины (до уровня окружающих хребтов) покрытый золотым березником и сизо-зелёным кедрачом, а выше – один тёмный голый камень. Даже топкая тундра на в силах была умалить моей радости от этого зрелища. Как бы уважая наше упорство, сквозь свинцовую завесу бледным пятном проглянула тень солнца. Оно стояло почти над самой вершиной конуса.

* зря, напрасно (ительм.)

Радоваться, конечно, было ещё рано – до Эльвелика оставалось никак не менее двух часов пути, да ещё и тундра, собака такая, не думала кончаться. Я уже изрядно выдохся и, словно на последнюю надежду в жизни, смотрел на торчащий на фоне неба кустик кедрача – там кончалась проклятая вода под ногами, там был ягодник и там был назначен привал. Уф! Наконец-то. Это сказать легко: наконец-то, а пройти последние сотни шагов по мягкой перине, когда уже и воздуху не хватает, и ноги как не свои, просто отвязываются, и в голове одна мысль: только бы не упасть (не забудьте про рюкзак на спине) – в общем, кажется, я возвращаюсь к этуду о запахах.

Но всё-таки – наконец-то. Хорошее слово. Наконец-то можно остановиться. Наконец-то можно сбросить рюкзак. Наконец-то можно сесть. Заморосил мелкий дождичек, но пока что это было несерьёзно, а в будущее заглядывать не хотелось. Оно было мрачным, если посмотреть на тучи, ползущие с востока. О Боже, так не смотрите на них. Да и зачем, в самом деле, смотреть на восток, когда наша гора на западе. Отсюда уже отлично было видно, где мы поставим лагерь: вон в том березнике у подножия – сначала пройдем прямо через редкий кедрач, а потом срежем по увалу направо, к Эльвелику, держась долины ручья. Тундра останется посередине, там, где извивается ручей. Вот и хорошо, обойдём её по периметру.

Однако тундра, голубушка, языком врезалась поперёк нашего пути – хошь не хошь, а пришлось её пересекать. Она оказалась какая-то нескончаемая. Идти было трудно, тем более что подлые собаки всё время лезли под ноги, – им непременно надо было почему-то идти по Пашиным следам, и они всё время лезли мне под ноги, толкались и сбивали меня с ритма. Один Баян, равнодушный ко всему происходящему, шёл потихонечку следом за мной. Тундра всё же сменилась высоченной травой (мы дважды переходили дико извивающийся ручей) – тоже не сахар, но по крайней мере нет под ногами воды и почва не ходит, как пружинный матрас. Мы поднялись на высокий увал. Пошёл кедрач, сначала редкий, потом всё гуще; пришлось продираться. Господи, всё-таки кедрач гораздо лучше этой убийственной тундры. Мы шли прямо к Эльвелику. В сущности, мы уже пришли к нему; где-то тут можно было ставить лагерь. Но Паша всё лез вперёд, и я следовал за ним молча, полагаясь на его камчадалство. Ему, конечно, виднее, где нам лучше всего остановиться, хотя, по мне, здесь любое место было хорошо. Вода была рядом: ручей – вот он, внизу. Наконец мы вышли из кедрача на чистое. Перед нами была неглубокая падушка, за ней местность повышалась и замыкалась березником, а за березником вздымался Elwelen. Мы вышли на него в упор. Паша сказал: «Сан Палч, вы посидите, а я пойду поищу место для лагеря». Посидеть? Это с огромным удовольствием. Я

уселся на кочку и закурил. Было шесть часов вечера, дождик моросил едва заметно, его можно было не брать в расчёт.

Я любовался горой, моей горой. То есть она была ещё не моя, она должна была стать моей завтра. Завтра предстояла ещё одна неизвестность – подъём. Тогда я не знал её точной высоты, и мне казалось, что она не меньше тысячи метров. Отсюда видно было, насколько моя гора огромна и притом удивительно пропорциональна, изящна, – она вся устремляется кверху, со всех сторон струится к вершине, которая даже отсюда кажется точкой. Местность была прекрасна – ещё бы не прекрасна, ведь это была завоёванная нами местность, мы шли сюда, не зная дороги, и мы пришли. Березник перед Эльвеликом (а по сути дела, это был уже сам Эльвелик, его подножие) тянулся вправо, переходя в хребет Аслаухте, а налево образовывал широкую проплешину и снова возвращался на увал, выше меня. За спиной был кедрач, из которого мы вышли. Если же посмотреть назад через правое плечо – отсюда хорошо видна была долина ручья, по которой мы пришли сюда, и далеко-далеко на горизонте – хребты с остроконечной горой Ируни. Небо было свинцовое, чуть голубоватое, и на всей земле царил блёклый жёлто-бурый тон с тёмно-зелёными пятнами кедрача.

Появился Паша и сообщил, что он нашёл хорошее место, ровное, дрова и вода рядом. Это было совсем недалеко. Паша был прав – место превосходное, открытое, на высоком и крутом берегу ручья, шагах в двухстах от опушки эльвеликского березника. Мы сбросили рюкзаки, и Паша предложил: а не подняться ли нам сегодня? – Пожалуй, это в нём заговорил его полудетский возраст. «Нет, – сказал я, – через два часа будет совсем темно, не успеем. Надо ставить лагерь. Подыдемся утром». Как и все ительмены (во всяком случае, те, с кем мне приходилось иметь дело), Паша не возражал и не упрямился. Тут же, взяв топор, он отправился рубить колья для палатки и для собак. Я пошёл с ним – собирать валежник. У нас был только один топор.

Привязать собак – это было самое первое дело. Для них было вбито четыре кола с таким расчётом, чтобы на своих привязях они не могли достать друг друга. Затем вытащили палатку. Палатка была одноместная, но Паша ещё в Кавране уверенно заявил, что двое в ней свободно поместятся. Я поверил ему на слово: в трёхместной палатке (в 1962 году на Зефе) мы помещались вшестером, значит, и в одноместке мы поместимся вдвоём – арифметика довольно простая. Однако когда мы расстелили нашу палатку на кочках, меня охватили сомнения. Какие двое, да поместится ли в ней один? Она казалась меньше обыкновенного одеяла. Ну брат перипатетик, заступать некуда. Натянули. В натянутом состоянии она оказалась немногим больше, а высота! Курам на

Строённые баты – паром. Река Ковран

смех – не более сапога (для справедливости добавим – болотного сапога в развёрнутом виде, по это всё равно курам на смех). Влезать в неё можно было, натурально, на карачках, а вылезать – на тех же карачках задним ходом. Развернуться в ней абсолютно невозможно. Затащить туда наши кукули, не свалив всего этого скудельного сооружения, оказалось почти цирковым номером. Я занялся этим сам, пока Паша налаживал костёр.

Котелок-то мы взяли, а крышку – нет. Это была ошибка. Вода в котелке без крышки долго не закипит, тем более что костёр наш поначалу горел не бойко. Поэтому решено было сначала почаяевать, хоть чего-то горячего влить внутрь, а потом уже похлевать супу. Сняли котелок, пристроили чайник. Темнело как-то очень быстро; впрочем, нам просто некогда было следить за этим. Дождь нам, слава Кутху, не грозил, но становилось заметно холоднее. Пашина монгольская куртка спасала меня от холода, но всё равно было знобко: ведь мы больше не двигались, и я начал остывать. Как-то даже страшно было подумать, что надо будет сесть на эту землю. Я утешался только мыслью о кукуле: уж он не выдаст, спать будет тепло.

Чайник вскипел. Мы тут же засыпали туда полпачки индийского и немедленно же водрузили на огонь котелок. Горячий чай при-

шёлся очень кстати. Проглотив кружку, Паша быстренько побежал вниз пласть гольцов, пока ещё не совсем стемнело. Скоро уже в котелке кипел рис, Паша чистил картошку (у нас их было три штуки, нашли в балке в последнюю минуту), а выпластанные и нарезанные на ломти гольцы ждали своей очереди. Паша объяснил, что их надо класть последними, они покипят минут пятнадцать – и готово. Доваривали суп уже при свете фонарика, так же и разливали по мискам. Еда получилась превыше всяких похвал. Не то что сесть, под конец ужина я просто разлёгся на кочках у костра, забыл во всяком холоде.

– Что ты имел в виду, Павлик, – спросил я, – когда предлагал мне повернуть назад? Тебе и впрямь расхотелось тогда?

– Да нет, Сан Палч, – сказал он, – просто я подумал: и куда же я вас тащу? Дороги я не знаю...

Вот она, знаменитая камчадальская сдержанность. Наконец-то объяснились. Оказывается, мальчик думал, что это он меня тащит, а я-то думал, что это я его тащу (или скорее подгоняю, ведь я шёл сзади). Кто же кого тащил? Посмеялись.

– Гляди, как вызвездило, – сказал я.

Чёрное небо было просто-таки полно звёзд. Все тучи куда-то разошлись. Погода на завтра обещала быть солнечной.

После супа мы снова чаевали – уходить от костра не хотелось. Мы согрелись супом и чаем, да и костёр грел, и всё было отлично, а между тем температура окружающего воздуха явно продолжала падать. Был уже двенадцатый час, когда мы решили, что пора пойти спать.

– Встанем часов в семь, – оптимистически подсчитывал я, – в восемь пойдём наверх; часов в одиннадцать уже вернёмся... поедим и пойдём. Успеем дойти до балка засветло.

Я полез в палатку первым. Куда девать сапоги? В палатке и для людей места нету, значит – оставить их снаружи; так, ну а если дождь? Несмотря на звёздное небо, возможность дождя всегда надо учитывать, находясь на Камчатке. Решение было просто, как всё гениальное: засунуть сапоги голенищами под кукуль, а головками выставить наружу – во всяком случае, внутрь не натечёт. Затем, залезши в палатку, надо было ещё залезть и в кукуль – тоже упражнение из нетривиальных. Однако обошлось, влез и палатку не порушил, угнездился, закутал голову. Паше было легче: во-первых, он несколько меньше меня в объёмах, во-вторых, у него кукуль с застёжкой, в него легче влезть. Закрыли все щели, как говорится, начали спать. И вдруг завывли собаки.

Завывли как-то дружно, сразу все. Паша заругался (с присущей ему сдержанностью выражений) и полез из кукуля. «Зачем ты?» – спросил я. «Дьяволовки, спать не дадут, – ответил он, – сейчас выстрелю в воздух». Ружьё гулко бабахнуло, и собачьи голоса тут же смолкли, словно их отрезало этим акустическим ударом. Паша влез обратно. «Почуяли кого-то, – сказал он, – может, медведь в березнике ходит». Может быть, и медведь. Сквозь наплывающий сон я смутно слышал ещё собачий лай и подвывание; Паша вылезал снова, но выстрелов больше не было.

28.09.79. Пятница

Рыцарь, что ты искал среди причудливых скал?

С Божьей кровью скудельный сосуд?

«Парсифаль» – Камчатка 1962

Было около шести, когда меня разбудил частый перестук над моей головой. Сомневаться в его природе не приходилось. Дождь. Я даже не огорчился. Паша крепко спал рядом со мной, и я без усилий снова заснул. Дождь так дождь.

Когда я проснулся вторично, было восемь часов. Ничто по палатке не стучало. Я потянул «молнию» у себя над головой и в открывшееся окошечко увидел ярко-голубое небо.

– Паша! Голубое небо! – крикнул я.

Он проснулся мгновенно. Ещё не вылезая из кукулей, мы откинули полы выхода и увидели – и я понял: не дождь стучал по палатке. Снег.

Точнее, не вполне ещё снег, а снежная крупа, но всё равно – перед нами всё было бело, жёстко, травинки одеты в панцирь инея. Мы натащили сапоги и вылезли из палатки.

Голубого неба был небольшой кусочек, но как мне повезло, что именно он попал в поле моего зрения через отдушину палатки: если бы не это, мы, скорее всего, повалились бы ещё, а делать этого не следовало. Ветер был западный, он волочил из-за Эльвелика и Высокого березника новые прозрачно-белые снеговые тучи, но он же сдвигал плотную свинцовую облачную завесу, закрывающую солнце. Несмотря на эти белые тучи, день обещал быть светлым, голубизны становилось всё больше.

– Налаживай костёр, – сказал я, – надо спешить. Сейчас выйдет солнце.

И оно вышло около девяти утра, хорошо вышло, надолго, и холодный белый мир сразу засверкал. Собственно, он не

Домашние работы ительменов

был особенно белым. Иней лежал на земле не толстым слоем, и дальние тундры и березники как были, так и остались жёлтыми; но вблизи, вокруг себя, мы эту белизну хорошо видели, а тем паче ощущали, стоя в настывших за ночь резиновых сапогах. Было холодно; это и немудрено: со сна, да не завтракавши – но я знал, что скоро нам будет жарко, уж мне-то наверняка, ведь нам предстояло не просто идти, а идти вверх, да ещё и довольно круто вверх. Чаевали наскоро, стоя; так же наскоро похлебали и чуть разогретой ухи. В 9.35, отвязав собак, тронулись в путь на вершину.

Ещё вчера, пока не стемнело, мы обсуждали варианты маршрута. Паша высказывался за то, чтобы идти правее, падушкой, на дне которой бежит наш ручей; падушка как раз отделяет Эльвелик от Высокого березника. «Пройдём падушкой, а там увидим». Я склонен был идти напрямик через березник: заблудиться невозможно, дорога сама поведёт нас вверх; однако в принципе я не имел ничего и против Пашиного варианта. Сегодня, тронувшись в путь, мы как-то сразу пошли напрямик. Я сказал: «Пойдём так, тут короче», и Паша последовал за мной не рассуждая и ни на чём не настаивая. Собаки бодро понеслись впереди нас. Я диву давался: как они угадывают направление нашего пути? Впрочем, ни черта они не угадывают, они просто бегут с'ехс'el манке, куда глаза глядят – а потом корректируют свой путь в соответствии с нашим.

Странное впечатление на европейца производит камчатский березник. Если смотреть вверх – настоящий, взрослый берёзовый лес, разве что стволы чересчур изогнутые, но и то не всегда; между берёзовых стволов краснеют гроздь рябины на тонких кусках (Паша ел их прямо ртом, не прибегая к помощи рук); но если опустить глаза, то не понимаешь – куда ты попал? Высоченная трава, бледно-зелёные, с поперечными перепонками, столбики хвоща, очень похожие на миниатюрный бамбук; стволы (пожалуй, именно стволы, а не стебли) пучек с огромными лапчатыми листьями; всё это растёт так густо, что живой земли совершенно не видно. Я взял с собой палку из свежей берёзы, для облегчения подъёма – так вот, иногда просто приходилось пускать её в ход, чтобы проложить дорогу через частокл пучек. Но, так или иначе, это всё-таки был лес, настоящий лес с высокими деревьями, а не какой-то там нерусский кедрач. Я люблю лес, и даже такой радовал меня, как старый друг. Впрочем, сейчас меня радовало всё: мы шли вверх. Подъём был ощутимый, но ещё пологий – мы шли по предгорью, так сказать, по пятке Эльвелика, и я не без волнения ждал, когда же среди стволов появится его спина (или грудь?), когда идти придётся круто. И вот он замелькал между деревьями, он занимал теперь полнеба и вздымался, как отвесная стена. Он внушал почти благоговейный трепет.

Это чувство вполне понятно, если вспомнить, какой ценой он нам дался. Теперь осталось одно – попасть наверх, на макушку. И вот тут-то ударил снежный заряд.

Всё небо заволокло белесым облаком, и мёрзлая крупа, бешено крутясь, посыпалась сверху. Это было ещё ничего – мы находились на закрытой местности, нас защищали деревья. Выше будет хуже. «Эх, снег пошёл», – сказал Паша. «Сейчас пройдёт», – ответил я, – это ненадолго». И точно: минут через десять облако прошло, солнце выглянуло снова, и весь мир вокруг нас мокро засверкал. Я почему-то думал, что березник кончится до крутизны, мы выйдем на опушку и вплотную увидим стену. Чёрт знает, какие основания у меня были так думать – да никаких. Просто мне так казалось. Я даже не сразу понял, что мы ведь уже лезем на самую гору, лезем круто – потому что березник тоже лез на гору. Наконец он перешёл в кедрач. Эге! это гораздо хуже. Началась обезьянья работёнка: сплошные ветви, хватайся, наступай на эту, пролезай под той и забудь о том, что ты ходил когда-то по земле. Собаки ныряли среди веток довольно ловко, только молодые Бим и Тузик, которым Паша оставил их цепи, намотав на шею, постоянно запутывались в них, почему-то задними лапами, и Паше приходилось их отцеплять. Случайно кинув взгляд назад, я поразился: мы незаметно для себя поднялись выше окружающих сопок – а прошли ещё менее полпути. Пора было передохнуть, мы шли уже целый час. Облюбовали себе две очень удобных берёзы, на которых было хорошо сидеть, Паша тут же залез на свою (уточняя: залез на дерево) и закричал: «Кедрач скоро кончается, я вижу!» Я видел это и без него: в десяти или двадцати шагах выше (тут не скажешь «впереди») защитно-зелёный цвет кедрача обрывался и начинался тёмный – неизвестно даже какой: серый, бурый, охряный, чёрный – вулканический цвет обнажённого камня. Даже сейчас, когда мы поднялись выше окружающих сопок, Эльвелик нависал над нами – уже не отвесно, а даже как бы падая нам на головы. «Ну, последний рывок», – сказал я, – полезем на стену».

Мы выбрались из кедрачей и ступили на камни. Так вот он какой. Даже странно, почему он не развалится. Это не скала, а насыпанная гряда черепков. Камни, плоские, величиной в ладонь, книжного формата и больше, хрустят и едут под ногами. Подняться на эту кучу кажется совершенно невозможным, и всё-таки поднимаешься, идёшь вверх и не сыплешься с грохотом вниз в потоке этой вулканической черепицы. Склон местами настолько крут, что невольно хочется помочь себе руками. Мы лезем на карачках и кое-где скользим вниз. Конца стены не видно. Назад (не вниз, а именно назад) лучше не смотреть: делается пустовато в желудке. И тут нас накрывает новый снежный заряд. Здесь-то нам уже деться некуда, здесь ветер хлещет нас как хочет.

Однако мы лезем вверх. (Не скрою, в этот момент у меня мелькнула малодушная мысль: а сможем ли мы в таких условиях добраться до вершины? Это было всё, заверяю вас; слов «повернём назад» я не произнёс даже мысленно.) Паша бодро двигался выше меня – никакой заряд был ему нипочём. Донёсся его восторженный вопль: «Сан Палч, вижу море!» Я удивился: так рано? – поднял лицо против текущих струй снега и тоже увидел синее-синее море – справа, за горами плоских сопков – оно ярко сверкало, всё освещённое солнцем, и над ним было голубое небо. Я и без того полагал, что заряд скоро пройдёт – такие шквалы обычно кратковременны – но вид сверкающего моря придал мне бодрости. Склон был уже не такой крутой, можно было идти по-человечески. Высота приятно будоражила всё моё существо. Края стены – то есть вершины – всё ещё не было видно, но зато там, где она должна была быть, блеснула голубизна. Заряд прошёл, скоро снова брызнуло солнце, и Паша опять отчаянно завопил: «Сан Палч, вышка!» На вершине Эльвелика стоит небольшая вышка, метров пяти-шести; она похожа на телевизионную антенну, но истинное её назначение неизвестно никому, даже абorigенам, даже местным властям. Вчера, на подходе к Эльвелику, мы отлично видели её в бинокль. Сердце у меня самым натуральным образом дрогнуло: Пашин вопль означал, что мы дошли. Через минуту увидел её и я. Ещё несколько десятков шагов – и вот она, вершина. В лицо ударил бешеный, дикий, зверский ветер – но его-то я и ждал. На вершинах всегда ветер.

Это была вершина, да, вне всякого сомнения. Выше идти было просто некуда. Нас приветствовало ничем не замутнённое солнце. Было 11.30 утра.

Отсюда, как на ладони, видны были и Кавран, и Усть-Хайрюзово, и долина Кавранской реки с её высоким правым берегом, и Амбон (могучая плоская гора в устье реки Хайрюзовой), и синее море, и остров Птичий далеко в море; Паша уверял, что он разглядел в бинокль даже красный флаг над кавранским сельсоветом. Честно признаюсь, что я его не разглядел. Слабый у Красноярова бинокль. Вершина представляла собой ровную площадку длиной шагов в двести-триста, а ширину я померил точно: двадцать пять шагов. На такую площадку вполне свободно может сесть вертолёт. Грани площадки совершенно отчётливые – ну просто рукой можно пощупать то место, где кончается плоскость и начинается склон – потому-то и удалось измерить её ширину с такой несомненной точностью. Противоположный, восточный край камчатской земли был плотно занавешен тяжёлыми, синими на этой высоте, облаками; Срединного хребта видно не было, хоть плачь. Над тундрой, внизу, почти по самой земле, летел маленький вертолёт. Он казался мухой. Мы посмеялись: не нас ли ищут. Нет,

конечно, – вертолёт явно искал табун, летел к корякам в гости.

Вам надо о чувствах?.. Их нет у меня. О чувствах превосходно (так и хочется сказать: почувствованно) пишет, например, Виктор Гюго (французский писатель) – вот у него и читайте. Это ж придумать надо – писать о чувствах!

Сказал – и тут же нарушил своё слово. Что делать. Уж такие мы непоследовательные. Если, скажем, верить величайшим гениям проклятого прошлого, так мы должны своей непоследовательностью гордиться. Значит, будем гордиться. Это машина последовательна, а я человек, я непоследователен, именно это и хорошо во мне.

Ибо, сказав, «придумать надо» – поговорю-таки о чувствах.

Ну что, старый дурак? Получил свою гору? Получил. Испытал чувство глубокого удовлетворения? Да как сказать... Хорошо, ладно – да, испытал. Возраст мой – не для сильных чувств, да и характер, вероятно, тоже; но почему-то мне этого очень хотелось, и вот я этого добился. Я стоял на этой вершине, хотя делать мне на ней было абсолютно нечего. (Как раз это-то главное и есть.) Как это говорил Амундсен, достигнув южного полюса: «Ну вот мы и дошли». Ну вот и мы тоже дошли. У Амундсена впереди была хотя бы слава – как же, национальное мероприятие – «и старый король прижимал его к своим колючим звёздам» (Ильф и Петров), ну а мы? Нас никто не будет прижимать к своим колючим звёздам, да и не нужно это нам. Не за этим лезли мы сюда. Нам нужно было дойти. И мы дошли. Вот и всё. (И нечего было-таки городить этот чувственный огород.) Я всё время верил, что мы дойдём. То-то Паша сказал мне сегодня утром: «А вы счастливы, Сан Палч». Он сказал это, когда вышло солнце, он имел в виду погоду. Ну что ж. Возможно, и впрямь счастливый.

– Пойдём вниз, Павлуша, – сказал я, – пока нас не накрыл заряд. Вон он, несётся прямо на нас.

Мы не кричали «ура», не стреляли в воздух и не подкидывали шапок. (Последнее было бы просто неразумно при таком яростном ветре.) Мы вообще не занимались никакой так называемой «символической деятельностью»: например, можно было бы написать на деревянных балках вышки что-нибудь вроде «Здесь был Вася» – или хотя бы расписаться. Я принципиальный противник подобной практики. Пусть таким образом пытается увековечить себя тот, кто ни на что лучшее не рассчитывает. Паша тоже не стал ставить на вышке своего автографа, хотя я прямо предлагал ему карандаш. Нет, на вершине мы не теряли времени даром. Я внимательно осмотрел западный край неба – ветер был западный – и нашёл, что нам оттуда ничего особенного не грозит. (Не следует забывать, что нам предстояло ещё вернуться в балок, а это четыре часа пути как минимум, и дождь по дороге, даже

если домой – нежелателен.) Затем мы вдвоём внимательно осмотрели восточный скат Эльвелика и наместили маршрут спуска. Разумеется, идти вниз тем же путём, каким мы лезли вверх, было незачем, особенно теперь, когда мы получили желаемое. Гораздо лучше было взять левее, ближе к северному скату, к падушке, по которой течёт наш ручей. Это выйдет немного дальше по расстоянию, но удобнее, мы минуем дебри кедрачей (ибо хотя кедрач и предпочтительнее топкой тундры, но когда есть выбор между кедрачом и березником, то предпочтительнее, конечно, березник). И склон к северу не такой крутой, как восточный, но которому мы лезли на штурм. Надо было идти, чтобы шквал не застал нас на вершине: простым глазом было видно, как туча, заряженная снежной крупой, наезжает на наши головы. Мы пробыли на вершине полчаса. В 12.00 мы начали путь вниз. Однако я всё же сделал один, очевидно, символический жест – я взял небольшой камешек и положил его в карман. Он и сейчас лежит передо мной. Вещественное доказательство: камешек с вершины Эльвелика. Глупо? Возможно. Пусть это глупо, но всё же, глядя на него из моего окна, всегда можно сказать ему: «Эй, великан! Я покорию тебя. Я был на твоей вершине и унёс оттуда частицу тебя – вот она, в моей руке».

Заряд навалился на вершину и на нас тоже – мы были ещё на голом месте, и нас секло; но теперь мы могли уже и посмеяться над ним.

Опоздал, дорогой, – мы уходим. Да и ты уже последний, на небесах больше ничего нет, мы сами видели. (Так оно и вышло, заряд скоро прошёл, и восторжествовало солнце. На всём обратном пути ни дождь, ни снег нас не донимали.)

В березнике мы поблуждали – недолго, с полчаса – и наконец вышли на свой лагерь. Костёр ещё дымился. Отлично. Быстро разогрели суп из гольца и чай, собрали барахло, поели-попили, всё это в скором темпе. (Есть мне не хотелось, но я заставлял себя, тем более что не пропадать же добру.) Было без малого три часа дня, когда мы покинули место нашей стоянки.

Описывать путь назад столь же подробно, как путь вперёд – это значит разматывать фильм с конца. Мы-то вынуждены были это сделать, а зачем же читателю? Скажу только, что путь назад был веселее по настроению – ибо мы шли домой и с чувством сделанного дела; что он был короче по времени – мы упирались за четыре часа, ибо уже знали дорогу, нам не приходилось гадать – куда; он был и труднее по чисто мускульной нагрузке, ибо туда мы шли свежими ногами, а теперь у нас «в активе» было четыре часа восхождения – вверх и вниз. Привалы мы делали в тех же местах, что и вчера. Каждый раз, взяв бинокль, Паша разглядывал Эльвелик и произносил одну и ту же фразу: «И подумать только, что мы там были». При его камчадальской сдержан-

Жилище камчатского ительмена

Вулканы Авачинской группы

ности это было проявлением крайней степени восхищения собой. Но меня во время обратного пути восхищало больше другое Пашино свойство: идти точно тем же путём, которым мы шли вчера. Похоже было, что он ступает прямо по нашим вчерашним следам. В этом сказывался его несомненный опыт камчадала, жителя этой страны: отличная ориентировка на местности. Если бы я был один, я бы, конечно, тоже не заблудился вконец, но в двух-трёх местах непременно заплутал бы и потерял время. Определённо могу сказать даже, в каких именно местах: когда мне казалось, что Паша забыл свернуть налево (я бы непременно свернул), а он всё шёл прямо и выходил точнёхонько на ту самую тропинку, которой было с нами по дороге; и ещё раз, когда я поторопился бы свернуть направо и врехался бы в березник, а Паша вывел меня в аккурат на падушку, и мы так же, как и вчера, зигзагом, пересекли её. Самый конец пути был для меня мучителен. Подламывались ноги. Балка всё не было видно; странно даже, куда он делся на этой открытой местности, а когда Паша сказал: «Вон он», — я не увидел его, пока не подошёл к нему почти в упор. При этом никак нельзя сказать, что было темно — мы пришли в семь часов, солнце ещё не село, правда, оно было закрыто облаками.

Покорённый Эльвелик вздымал свою вершину, как всегда, с южной стороны, из-за Высокого березника. Он был виден весь.

Дорога вымотала не только меня. Паша тоже заявил, что устал. Когда мы наконец сняли свои резиновые сапоги, штаны наши до колен как в воде побывали, а носки можно было прямо выжимать. Ещё бы — мы 13 часов не снимали этих чёртовых резинок, более того — почти все эти 13 часов мы в них двигались. На по-

следней топкой тундре у меня было упорное впечатление, что правый потёк, хотя я и знал, что это неправда, не с чего ему было потечь. И не потёк, это уж ноги сами потекли.

В балке, на нарах, у натопленной печки, было роскошно, как в гранд-отеле, да нет — много лучше. Главное — было тепло. Это вам не эльвеликская палаточка. Тепло, кружка горячего чая и кукуль под боком — что может быть лучше?

Я скажу вам, что. Сознание того, что поход (успешно) завершён. Именно потому и завершён, что успешно. Я ведь по рождению, воспитанию и образу жизни — горожанин. Я если что и вижу во сне, так это город. Не существующий реально (наяву не видал), а именно Город, какой-то мой город. По-моему, это один и тот же

город. Уютные улицы, тесно застроенные домами, по-старинному, щёка к щёке; арка, затем вверх — я уже знаю, что там будет прекрасная улочка, которую я очень люблю (к сведению бывавших в Таллине — это отнюдь не Люхике ялг); я неторопливо подымаюсь туда и каждый раз восхищаюсь ею по-новому. Если пойти по ней направо — выйдешь на широкий проспект и затем на площадь с огромными зданиями, не слишком современной архитектуры — так, что-то вроде стиля модерн начала XX века; если же пойти налево — тоже выходишь на широкую торговую улицу с огромными зданиями; а за нею будет другая площадь, с парком, отделённым от асфальтовых полей узорной решёткой... и так далее. Людей в этих снах я почти не помню, хотя они, конечно, есть: мой город не безлюден, это большой современный город, но это именно Город. Я вижу во сне Город. К чему это я?.. В тундрах Камчатки мне было хорошо, мне было просто замечательно, я наслаждался одним своим пребыванием среди этих мест — я говорю истинную правду. И всё же — хорошенького по чуть-чуть. Хватит с нас этой рюкзачно-кукульной романтики, «под солнцем и тундрой, ёб твою мать», — как выражался мой (увы, покойный) друг Сергей Кузьмич Поляков, русский советский землепроходимец. Завтра едем в Кавран, программу выполнять, информантов улавливать. Бросьте свои сети, говорил Иисус Христос, — я сделаю вас ловцами информантов. Пять часов в миске Св. Феофила — а если дождь?..

А чёрта ли, если и дождь. Ведь домой едем.

Вы вправе спросить — а как же мои недуги? Представьте себе, прошли. Начисто прошли, я и забыл о них. Прошли и ничем не заявляли о себе ни вчера, ни сегодня. Вот что значит на горку-то подняться.

29.09.79. Суббота

Дождь. Ну подумаешь, дождь, ерунда собачья, надо ехать. Собрались, вшили, помахали собакам (они дружно взвыли на прощанье) и зашагали к реке. Дождь сеялся мелкими капельками – хорошо, что Глухова дала нам для кукуля громадный пластиковый мешок. В него мы сложили всё, что надо было взять с собой в Кавран.

Позавчера вечером у подножия Эльвелика, медленно остывая (пока не разгорелся костёр), я не без зависти смотрел на собак. Они спокойнѣхонько лежали себе на земле, вот уж кому не было холодно. Это и понятно: если они как ни в чём не бывало спят на снегу, при суровом морозе, то уж сейчас-то им сам чёрт не брат. В таких условиях невольно начинаешь завидовать животным: если бы им, скажем, надо было подняться на Эльвелик, то дождь им не был бы помехой. Собак здесь, помимо ительменского *qsxaj* называют ещё очень симпатичным словом *morge*, что не имеет ничего общего с русским «мокрый», кроме случайного сходства. Буквально *morge* значит «мохнатка», «мохнатый». Пашины псы тоже были в высокой степени *morge'n** – было такое впечатление, что на них надето не менее чем по три шкуры. В таких шубах им, разумеется, никакой мороз не страшен. Ей-Кутху, на материке я никогда не видел таких густошёрстных, мохнатых собак. Поэтому излишне было сочувствовать им, петняскам (это тоже по-ительменски), которых мы бросали тут под дождём. Они-то не замёрзнут.

Я рассчитывал, что мы положим пластиковый мешок в корму и я по-человечески сяду на него; но пока мы шли до реки, дождь окропил его вполне достаточно для того, чтобы на него не садиться. Поэтому положили его в середине и поехали стоя на коленях.

Лучше идти ногами, чем ехать на коленях. Да? Выбирайте сами, но имейте в виду, что ногами – это, конечно, звучит гордо, но это ещё не всё. Ногами – это ещё по жидкой тундре. Что до меня, то я досыта нагулялся по ней.

Диалектика in action**. Едешь – не тратишь сил. Это хорошо. Но едешь – не двигаешься, значит, мёрзнешь. Вода снизу, вода сверху. Это уже нехорошо. И это ещё не всё. Не забудьте о позе. Ноги затекают, мурашки по ним бегают и т.п., а пошевелиться, переменить позу – никак (опять ительменское слово) – чего же тут хорошего?

Начало и конец пути я зафиксировал. Отплыли мы в 8.40 – ровно через четверо суток после начала нашего похода (это вышло случайно, сроков мы не подгоняли, для чего это нам?) Прибыли в 13.20. Без малого пять часов, примерно столько же, если вы помните, занял наш путь пешком. Это опять к вопросу о

диалектике. Что выигрываете, я вас спрашиваю?

А вот что: новые пейзажи. Всегда (это мне) интереснее возвращаться другой дорогой. Да и дождь не всё время лил. Он переставал, иногда и надолго, потом снова начинался и снова переставал. Elwelen сегодня был закрыт на все заслонки, как было в среду, третьего дня, и утром в четверг. Видимо, я и впрямь счастливый. Он открылся на каких-то тридцать шесть часов – ровно столько времени, чтобы нам дойти до него (не зная дороги), взойти на него и вернуться на базу. Большого мы не просили. Обратный путь в Кавран в наш молчаливый договор с Кутхом не входил. Здесь уж нам было предоставлено устраиваться самим, и ничего, устроились, доплыли, даже не очень замёрзли. Мы, собственно, даже не плыли, нас несло течением. Паша лишь изредка огребался своей лопатой, направляя лодку туда, где поглубже.

Глубина – смехотворная. Пару раз приходилось вылезать и перетаскивать лодку через отмели. Частенько надо было садиться на носки сапог, упираясь руками в мокрые валики бортов – чтобы камни не молотили по коленям. Наглые жирные чайки, определённо зная, что в них стрелять не будут, прохаживались по отмелям и даже не думали улетать, ещё и разглядывали нас. Евалой рыбы великое множество валялось на отмелях, и даже на каждой торчащей из воды коряге, как тряпка, висела дохлая горбуша, а то и две. Все путешественники старых времён единодушно отмечали: Камчатка провоняла тухлой рыбой. Отметав икру, лосось выбрасывается на берег и подыхает. Всех лососей не переловишь. Я полагал, что эти времена прошли, т.к. ловцов стало больше, чем лосося. Оказывается, нет. Рыба в этом году шла очень хорошо, поэтому и евалой много. Поэтому и я имел возможность обонять этот весьма неароматический запах (мёртвый белок!) и радоваться тому, что и я теперь знаю, как пахла Камчатка в старопрежние времена. Значит, пахивает иногда и теперь. Если же вы этого запаха не вкушали, то, уверяю вас, потеряли немного.

Чайки высокомерно не жрали евалу – предпочитали нырять за живыми гольцами.

Рассказывать, как нас встретила славная женщина К.Н. Глухова, мать моего друга Паши, как она нас кормила и поила – это значило бы начинать уже другую историю. Хорошо кормила, и водочки выставила (это мне). Во время обеда Паша наконец-то открыто признался, что он давно мечтал взойти на Эльвелик. Глядя на него все эти дни, я бы этого никак не сказал. Но если мечтал – тем лучше: значит, не я один достиг своей цели, он – тоже.

КАВРАН,
отель «Под красным флагом»
Сентябрь–октябрь 1979

* Ительменская форма множ. числа

** В действии (англ.)

ПЛАТА ЗА СНИМОК

Евгений ОВСЯНКИН

В апреле 1930 года перед судом тройки ОГПУ Северного края предстали архангельские фотографы Борис Фёдорович Отлие (фамилия в документах следствия значится с одной буквой **Т**, в других с двумя – **Отлие**), Анастасия Родионовна Павлова и вдова священника Елизавета Валериановна Синцова. Все трое обвинялись в агитации против советской власти, распространении слухов о гонениях в СССР на религию.

...Суть дела была предельно проста. Известный в городе фотограф Борис Отлие получил от Архангельского краеведческого музея задание: сделать снимки внутреннего вида Троицкого кафедрального собора, предназначенного к «разборке», а проще говоря – к уничтожению.

Мастер ревностно выполнил заказ, сделав более сорока отличных снимков, которые и сейчас хранятся в фондах Архангельского краеведческого музея. Но опытный профессионал, хорошо понимая значение события, явно «перестарался»: он запечатлел не только внутреннее

убранство храма, но и процесс его крушения.

С помощью своей громоздкой, неуклюжей камеры с тяжёлым треножником он сумел зафиксировать для потомков поразительную картину: один из куполов, оторвавшись от основания, как бы застыл в воздухе перед своим падением на землю... Снимок впечатляет и сейчас.

Можно лишь вообразить, какие чувства испытывали архангелогородцы, наблюдавшие разрушение великолепных по красоте куполов старинного собора и превращение их в груды искорёженного железа, битого кирпича и поломанных досок.

...Кафедральный собор являлся гордостью Архангельска, говоря современным языком, его брэндом. Он был заложен в 1709 году на месте, на которое, по преданию, указал Пётр I. Размеры собора – 22 сажени в длину и около 12 – в ширину; высота его от основания до вершины креста на средней главе – 24 сажени, т.е. почти 50 метров.

Верхний храм с пятиярусным иконостасом, стеной росписью и богатой ризни-

цей церковных облачений являлся в то время, по отзыву специалистов, чуть ли не единственным в СССР, «сохранившим ансамбль конца XVIII столетия в полной неприкосновенности».

В соборе вверху на правой стороне около иконостаса под особым балдахином хранился шестиярусный деревянный крест, собственноручно сделанный Петром I в память спасения от гибели во время бури возле Унских берегов и в 1805 году перенесённый сюда из Пертоминского монастыря; на кресте голландская надпись: «Dat Kruus maken karpten Piter van a Chr. 1694».

Коллеги Бориса Фёдоровича по достоинству оценили редкую удачу фотографа. Владелица небольшой фотомастерской Анастасия Павлова упростила Отлие дать ей десять негативов для печатания снимков, часть из которых она продала за небольшую плату населению. И вскоре фотоснимки, изображавшие уничтожение собора, пошли гулять по городу и, конечно, не могли миновать всевидящее око ГПУ.

Быстро возникло «дело». В обвинительном заключении, не блещущем своей грамотностью, говорилось: «Фотограф Отлие Б.Ф. получил задание от Архангельского музея произвести снимки предназначенного к разборке кафедрального собора города Архангельска в момент разборки с внутренней и внешней стороны. Засняв таким образом разбираемый собор в 40 видах, Отлие в целях агитации против советской власти на гонения её против религии распространял снимки разбираемого собора как среди населения, так и иностранных подданных...

тации на гонение против религии в СССР, прося, однако, об этом никому не говорить.

Гражданка Синцова Е.В., раздобыв снимки... ходила с ними по городу, высказывая своё возмущение с целью агитации среди населения на издевательство советской власти над религией...» Во время обыска у 63-летней вдовы священника Елизаветы Синцовой

скому подданному И.И. Гротгофу, который, по словам фотографа, «особенно интересовался снимком падения купола». Фотограф чисто-сердечно поведал следовательно о том, что он продал Гротгофу несколько подобных снимков. Обе женщины в

Фотограф Павлова А.Р., достав негативы разбираемого собора, размножила их и распространяла среди своих клиентов с той же целью агитации на гонение против религии в СССР, прося, однако, об этом никому не говорить.

было изъято несколько снимков разрушенной церкви.

Вину Б.Ф. Отлие усугубило его признание в том, что он передал несколько снимков с разбираемого собора норвеж-

своих показаниях засвидетельствовали, что они никому снимков собора не дарили и не продавали. Однако суд был неумолим.

Дорого обошлась архангельскому фотомастеру попытка запечатлеть городское событие для истории. На основании специальной директивы ОГПУ от 15 октября 1929 года он получил пятилетний срок пребывания в исправительно-трудовых лагерях «за клевету на Советскую власть». А проходившие по этому же «делу» А.Павлова и Е.Синцова – по три года.

г. АРХАНГЕЛЬСК

На снимке: Троицкий собор и его разрушение. Из архива автора

НЕТ ПОКОЯ В РОДНОМ ПРОСТОРЕ

*Я перепутал все пути,
Я заблудился в непогоде.
Стихи меня должны найти,
Они всегда меня находят.*

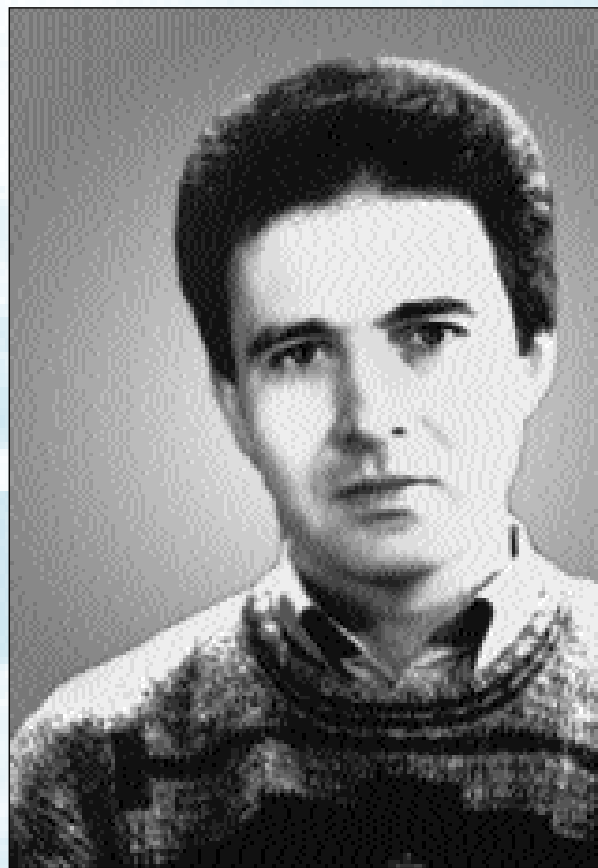
*Найдут в кружении дорог,
На перевалах, у обочин,
Им ведом каждый уголок
Моих идей и одиночеств.*

*Найдут в снегу или в грязи,
С души привычно снимут камень.
Вставай, поэт! Живи в связи
С нашедшими тебя стихами.*

*И я встаю. Скрипит кровать –
Как будто требует порядка.
Стихи! Давайте вместе спать
И целоваться
Крепко.
Сладко.*

Возвожу очи мои к горам
Пс. 120,1

*Я горький ропот свой не прячу,
В словах печали груб и прям.
Иду Твоей долиной плача,
Лишь очи возвожу к горам.
А за очами жизни муку
И душу к небу подниму –*

Андрей ПОПОВ

*Искать по-детски Твою руку
И верить смыслу Твоему.*

*Мои укоры и обиды
Войдут со мною в горный храм.
Но знаю, что Ты слёзы видишь –
И внемлешь Ты моим слезам.*

*Облако, редая, исчезает...
Так и отошедший в мир иной
Медленно пройдет по неба краю –
Не вернётся никогда домой.*

*И уже не будет знать округа,
Что он мыслил про небесный свод,
И его печальная подруга
Слёзы сокрушения сотрёт.*

*Только я ищу слова и силы,
Чтобы изменить свою беду...
Помолюсь о воскресенье сына
И по краю неба побреду.*

*Вот сына убили... И что мне?!
Искать, в чем пред Небом вина?
Покаюсь я... в жизни никчёмной,
И в том, что она не нужна.*

*Зачем её острое мщенье,
Зачем её тёмное дно?
Так это любовь и прощенье?!
Мне, значит, прощенье дано.*

Прощён за дорогу к покою,
За к воле крутой поворот.
Зачем мне прощенье такое –
Со скорбью, что жить не даёт?

Придёт Христос и в наши души,
И в наши дальние края –
И скажет: Это Я, не бойтесь.
Не сомневайтесь, это Я.

Придёт Христос и постучится
К отчаявшимся и седым,
Не избавляя от страданий,
Но отнимая страх по ним.

И разольёт усталым душам
Своё небесное вино.
Блаженны плачущие, ибо...
Им утешение дано.

Всё сбудется, Марина,
И нет вернее строк:
И ты родишь мне сына.
Нас не оставил Бог.

Наш первый сын в могиле
Уснул до лучших дней,
Мы горя не забыли,
Но мы его сильней.

А возраст?! Да неведом
Душе его надлом –
И я в роддом приеду
С цветами и вином.

И я скажу негромко,
Но каждый слог ценя:
– Послушай, медсестрёнка,
Жена здесь у меня.

Ёе зовут Марина,
Сегодня вышел срок –
И родила мне сына.
Нас не оставил Бог.

Владимиру Цивунину

Может, хватит. Может, и не хватит.
Это неизвестно никому.
Потому испросим благодати
Родине, и сердцу, и уму.

Если снизойдёт она на руны
И на струны, и на зимний сон,
Родины лирический рисунок,
Может, будет утром завершён.

Может, неприкаянный писатель
Не поверит горю своему.
Хватит жить. А может, и не хватит.
Это неизвестно никому.

Знаем всё о последней войне,
О душе и бессмертии спора –
Почему в самой светлой стране
Умирают от чёрного горя.

Но с бедой своей наедине
Самому себе и не ответить,
Почему в самой светлой стране
Умирают деревни и дети?

Нет покоя в родном просторе! –
Грянет гром, упадёт звезда...
Не из праха выходит горе,
Не из почвы растёт беда –

Веришь в Бога, теряешь близких,
Понимаешь, что человек
На страданье рождён, как искры
Рождены устремляться вверх.

Привык к кокаину –
Безумья хотел.
И видел в окне он и слоге,
Как входят в душевные линии тел
Хмельные античные боги.

И пел он с богами о битвах племён,
Любви и сердечной работе –
И с ним говорил, говорил Аполлон,
Пока не кончался наркотик.

А умер он с кашлем –
Один на один,
В стихах, что оставил в наследие,
И не разберёшься, где лишь кокаин,
А где и судьба, и трагедия.

Я умел не только целоваться,
Знал про гонорею и сонет,
Брил усы. Мне было восемнадцать –
Восемнадцать с половиной лет.

Пил портвейн в подъезде. И в угае
Говорил: все бабы мне дадут,
И мой сборник скоро в Сыктывкаре
С лучшими стихами издадут.

А в стихах моих так много солнца
И немного грусти и вина.
И она прочтёт их – и вернётся.
Прочитала б только их она.
1983

Я помню, что это случится когда-то:
Бессилен окажется реаниматор,
И даже бессильно участие
Заведующего хозяйством.
Жене моей врач объяснит, что я тих,
Что всё хорошо, но надежд никаких.
И больше не скажет ни слова,

*Смотря на портрет Пирогова.
А я в это время подумаю о том,
Что жизнь свою прожил дурак дураком –
Какая-то скучная проза
Соплей и авитаминоза!
А был бы спортсмен, оптимист, семьянин,
То мне бы мгновенно помог аспирин,
Любое любезное слово,
Да просто портрет Пирогова.
1983*

*Как жизнь догорает – я вижу –
И мрак подступает – и смерть,
И пламень всё ниже и ниже –
И жаль, никого не согреть.*

*Горит... И не ради итога
Стремительно прожитых лет.
Лишь верит, в ней пламень от Бога,
От Бога – колеблемый свет.*

*Когда ты о нас вспоминаешь,
Глядишь на тревожный закат,
То знаешь, конечно, ты знаешь,
Зачем наши судьбы сгорают.*

*Сгорят не для точных ответов –
Мы только, как дети, поймём,
Что строгое таинство света
Дополним неровным огнём.*

*Запутавшись в снах и порядках
И в чаяньях ночи и дня,
Мы просто сгорим без остатка
Неровного ради огня.*

*У колючего снега тепла не проси,
наступает зима на зырянской Руси,*

*наступает декабрь, приготовься, душа,
говорить о любви, долгим мраком дыша,*

*и принять приготовься студёные дни,
и кто знает, пройдут ли когда-то они,*

*и кто знает, к чему эта скучная тьма,
на зырянской Руси наступает зима,*

*приготовься, душа, – чем себя ни согрей,
жизнь короче, короче, а ночи – длинней.*

*На Севере жил я –
Не ведая горя,
Роптал, что простыла душа от морозов,
Мечтал, что уеду на Чёрное море,
Мечтал, что спасательным стану
матросом.*

*Кричать буду в рупор, жарой вдохновляем,
Чтоб в зону купанья вернулись мужчины,
Детей буду плавать учить баттерфляем
И женищин красивых спасать из пучины.*

Татьяна Васильева. Миг

*Оправиться им помогая от шока,
Шептать, что уже волноваться не надо,
Легко утонуть в этом месте глубоком,
Но им повезло – оказался я рядом.*

*И верить, что женичины, вспомнив про лето,
Расскажут с восторгом подругам и боссам
О том, как смотрели на море с поэтам,
Который работал на пляже матросом.*

*И чёрен хлеб мой, да не пресен.
Неприбыльное ремесло –
А всё-таки от тёмных песен
Кому-то станет и светло.*

*И во дворце или в лачуге,
На севере или на юге
Мудрец иль юный баламут
И обо мне, как лучшим друге,
Помыслит несколько минут.*

*Его в сюжете стихотворном
Заденет странная строка,
Туманной грустью, хлебом чёрным
Душе покажется близка.*

*Жаль, что слова перебирая
И поправляя тёмный слог,
Об этом даже не узнаю
И так же буду одинок.*

г. СЫКТЫВКАР

Александр ЛАТКИН

ПУТЬ МЕЖДУ СЕВЕРОМ И ЗАПАДОМ

1

БАЛЖАН-ХАТАН

...Я начаевался, разомлел. Однако же делать нечего. Отец приказал: «Съезди, Мэргэн, напои коней. Поди, выстоялись уже... Да привяжи после короче!»

Надо ехать. Сажусь снова на Рыжка, Гнедуха и Каурка в поводу. И на Аргунь! Другие кони подняли морды от травы, замерли, и-и потянулись за нами. У реки скатились по склону к воде в другом, не в моём месте. Оно дальше. А здесь «бальзиновская переправа» – и я побаиваюсь; иногда в лунную ночь появляется Балжан-хатан. Вдруг утащит в Степь?! Отец пугает: мол, пока жив народ её – принцесса не умрёт, оберегает, следит за родными людьми...

Кони забрели далеко, по самые паха, где чище и прохладнее вода, и пьют много, долго...

Я сижу в седле, ногами в воде, и вода тёплая, ласковая-ласковая. Полноводная Аргунь плывёт широко и тихо. На той, на мунгальской стороне, под самое небо многоглавые чёрные горы, а над горами лунница! ...От неё на воде длинный размытый столб. Текучий плёс промелькивает в огромном золотом следе, тоже как будто ускользящем.

На том берегу темнеют тальники, там тихо и пусто. И мне так хорошо почему-то. Не холодно. И сна как не бывало. Сидел бы вот так долго-долго и всё глядел бы, слушал. Аргунь всё плывёт и плывёт, вся светлая, мерцающая.

Совсем недавно, берега помнят, здесь вслушивалась в тишину монгольская принцесса Балжан... Тишина! Разве рыба всплеснёт или ком земли от яра отвалится и плюхнется в воду...

Кони напились, зашалили: наберут в рот воды, а и выпустят назад в реку, и струйки с их губ бегут совсем золотые. Мой конь стар, умный. Набрал полон рот воды и, не проглотив её, уставился на луну, уши торчком наставил, слушает. Вот громко проглотил воду и снова слушает, смотрит. И мне кажется, что он как и я всё видит, всё понимает. И что горы на той стороне чёрные, жутковатые, что луна поднимается над миром, что тишина, что Аргунь «горит». И что старому коню

сейчас так же хорошо, как и мне...

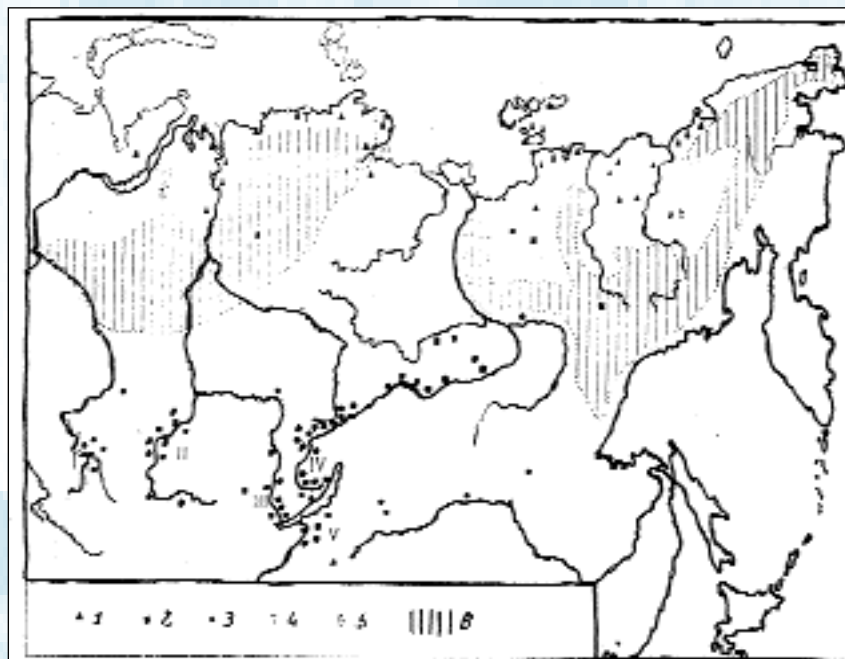
Тысячи лет назад, там мальчик бурят Мэргэн в начале прошлого века поил лошадей, степь Илэ слышала гул орды и монгольскую речь, рёв верблюдов и мычание скота. И скотоводы-пришельцы надолго стали на том берегу Аргуни. Издавна ту сторону Илэ называли «мунгальской стороной». Не случайно! Однако колонизация территорий Илэ началась монгольскими племенами только в этот миг верности, а позади лежал тяжелейший переход от Индии через Тибет и Степью до Аргуни. Путь великий, видимо, был известен древним монголам и назывался «Путь между севером и западом». И пролегает не с севера на запад, а между: запад слева, а север – справа. Вероятно, им пользовались и другие племенные союзы. Пожалуй, именно здесь некогда возвращались на породные земли народы Саха. И при очередном Шествии народа приаргунская тишина надолго нарушалась. От Аргуни до Яблонового хребта сплошные поля битв.

Прав Мэргэн. Совсем недавно на берегах Аргуни побывала прекрасная монгольская принцесса Балжан.

Балжан-хатан – дочь 21 малого хана Лэгдэна (Лигдэна), последнего от власти Чингисхана. Ханом произведён в 1604 году.

Лэгдэн выдал юную Балжан-хатан за дворянина Дай-Хун-тайджи, сына солонгутского – маньчжурского феодального князя Бубэй-бэйлэ.

Бесспорно, состоявшийся брак имел исключительное значение собственно для бурятской истории позднего периода. Более ранний период относится к монгольскому этносу, нахлынувшему «Путём между севером и западом» тысячелетия назад. Они называли себя буриатами. В последствии в буриатский племенной союз вли-

Распространение древних ископаемых животных и палеонтологических местонахождений. 1 – южная граница с южной тайгой, 2 – южная граница с южной тайгой, 3 – южная граница с южной тайгой, 4 – южная граница с южной тайгой, 5 – южная граница с южной тайгой, 6 – южная граница с южной тайгой.

лись монголы Балжан-хатан. Судьба её выделила из монгольской среды особую группу «Одиннадцать родов хоринских». Они отданы за Балжан-хатан в качестве «инжи» – приданым. Решающее значение оказала женщина эта и на мой род чилчагиров, и в конечном счёте на меня тоже.

Впервые с упоминанием названия «Путь между севером и западом» мы сталкиваемся в фрагменте летописи, когда Балжан-хатан везли в резиденцию мужа от реки Керулен, из последней монгольской столицы чингисхановской эпохи – Барас-хото. Через приближённых Балжан-хатан пристально интересовалась направлением до Байкала и далее. Предполагала, что ей придётся воспользоваться одной из дорог «Пути...»? Как представительницу скотоводческого народа её вряд ли привлекала занятая буриатами и мурченами (конными эвенками) территория бывшей страны (своеобразного государства) Баргуджин-токум (Баргузинская долина и прилегающие к ней горно-таёжные местности).

Принцесса твёрдо знала: в случае беды обратный путь заказан.

По имеющимся скудным знакам из толщи времени можно догадаться, что муж Балжан-хатан – Дай-Хун-тайджи – человек безвольный. А его жена в правлении княжеством – важная фигура. Умная, властная, счастливая, не представляющая себе другой жизни.

«Когда Бубэй-бэйлэ составил, – сообщает Тугулдер Тобын в летописи «Прошлая история хоринских и агинских бурят», – его жена, мать Дай-Хуна скончалась». Старик взял в результате большой политической игры молодую жену из сильной и богатой семьи. Молодая, за спиной коей огромная и алчная сила, оказалась как будто не в ладах с Балжан-хатан. Летописи рассказывают: «При каком-то случае взаимного несогласия невестка Балжан-хатан, приложив все старания, угодить всё же не смогла». Окружению принцессы стало ясно: она «проиграла». В любом случае обстановка для неё и жизни её людей ухудшалась стремительно. Поэтому, как я думаю, принцесса и её муж Дай-Хун решились на очень опасный шаг, впоследствии оказавшийся историческим. Они «взяли свои одиннадцать

родов хоринских и перекочевали побегом в направлении «между севером и западом». Летописные материалы называют: беглецы достигли Аргуни, переправились, где мой собеседник старик Мэргэн в детстве поил коней при луне. Величественная тишина Аргуни нарушилась на три года. Кочевье остановилось у полуразрушенного города из камней и кирпича. Город, как поведал летописец, возведён в неведомое время. Местность называется Хуандай. К истории какого народа принадлежат развалины каменного города – мы можем догадываться... Название произошло от китайского Хуан-до, то есть император, императорский. Где-то здесь, у стен, стояла большая юрта Балжан-хатан и Дай-Хуна.

Мэргэн признался, что если прислушиваться в Степи, то можно услышать их голоса, смех. Но не понять, не понять, о чём они...

А в какое-то время, хоринцы начали растекаться по степи – скот надо пасти, народ пришлось вновь собирать: обнаружилась погоня.

Беглецы устремились до реки Ага. Там недолгая стоянка из-за необходимости подкормить скот на агинских травах.

Решили сойти с опасного пути, контролируемого Бубэем до Ингоды, и вернуться стороной к Онону. Основной костяк кочевья расположился по берегам. Во всех летописях: они (кочевье Балжан-хатан и Дай-Хуна) жили три года на южном и северном берегах Онона, в трёх-четырёх днях пути от главной дороги. Так что «Путь между севером и западом» проходил где-то в районе нынешней железнодорожной станции Оловянная.

Погоня, её лично возглавляла молодая жена Бубэя, столкнулась с воинами Илэ. Вынуждены обороняться, неся значительные потери. Предводительница использовала воинские неудачи против Балжан-хатан.

Ононские Илэ (в данном случае мурчену – конные тунгусы) кочевали по ононским степям, по Аргуни, по Ингоде, по Силкари (Шилке). Летопись называет род «улятским», а переводчик летописи Н.Поппе и комментаторы Ш.Б. Чимитдоржиев и П.П. Ванчикова указывают: улятский род тунгусов (эвенков) им неизвестен.

Уляты жили близ Онона, и там-то и произошло столкновение с хоринцами, ведь они не «прошли», а остановились с многочисленным скотом и людьми на их территории. Пока пришельцы-монголы находились там, гласит летопись, «они жили в страхе перед убийствами, кражами, грабежами и тому подобным со стороны находившихся издревле в той местности людей тунгусского улятского рода».

В летописях много материалов о сосуществовании двух народов, о военных столкновениях, интригах и политических межродовых «играх».

Но кто же такие Уляты? Речь об Угулетах (Улятах); они делились на фратрии Улэгир, Улэн, Улэсин, Улэт. Со временем часть улят вытеснили монголы, породнившиеся с тунгусами-скотоводами (мурченской частью улятского рода). Уляты ушли в верховья Приамурья, на реки Олекма, Тунгир; часть из них «скатилась» вниз по Тунгиру и обозначилась позже на реке Зея. Большая часть укочевала на Витим и объявилась на родине моих предков жуеганов (киндыгиров и чилчагиров) – на реках Нюрба, Жуя, впадающих в Вилюй. Началось противостояние. Киндыгиры были сильны в военном отношении, однако неудобства от улят подтолкнули киндыгиров начать исполнять план захвата Верхней Ангары, впадающей в Ламу (бабушку Байкал). Архаичное Ламу переводится как «вода за болотом, очень много воды за болотом». Ла – болото. Му – вода. Илэ, пришедшие в последнее тысячелетие пытались по требованию чтимых стариков-этэрганов пробить-

ся на прибайкальские земли доисторических предков. Но впереди идущие (дюлэдвун) сталкивались с враждебными аборигенами – тунгусоязычными предками маугиров в предгорьях. А по долине не могли преодолеть болотистые места. А болото – вся долина Верхней Ангары из-за двух сползших в долину ледников Анамакит и Иномакиткан. Морену ледника Анамакит проезжающие по БАМу могут видеть перед Новым Уояном, если ехать с запада. С гор Ангарского хребта киндыгиры-разведчики видели огромное море.

Теперь же грянул срок. Собирались суглан, и фратрия распалась: киндыгиры ушли, чилчагиры остались. Через десять лет чилчагиры вошли в конфликт с улятами из-за любви главы чилчагиров к ойратке Бараксан. Чилчагиры захватили девушку во время сбора голубицы и увезли к сагдыгу Нган-макте... Свадьба после согласия Бараксан проводилась во время аргиша по неотвратимо исчезающему следу киндыгиров.

Вот так уляты и повлияли на судьбу моего рода, постепенно ставшего ойратским и обретшим родину предков – Верхнеангарье. Да, если бы не случилось Шествия Балжан-хатан и хоринцы не строили народы Илэ с Онона, Аргуни и Ингоды, то не было бы и меня.

А тогда погоня, возглавляемая молодой женой Бубэя, столкнулась с улятами, и те на них напали, поскольку перед ними предстало не кочевье, а воинский отряд. Летописец сообщает: «Вследствие донесений молодой жены Бубэя... он разгневался и послал целое войско, чтобы вернуть сына и хоринцев, а Балжан-хатан умертвить...».

Балжан посоветовала хоринцам пойти «в объятия Степи...», то есть бежать в разные стороны; многим старейшинам и знатным грозила расправа.

Мужу своему – Дай-Хуну же положено: со своим окруже-

нием вернуться в княжество на милость отца. Напоследок переговорив с самыми близкими и верными, она оделась в одежду женщины хоринского рода и выехала навстречу войску...

Убитую Балжан-хатан бросили на холме у озера. С тех пор оно называлось «Балжино озеро», но в последнее время искажилось и сейчас называется Бальзино. Находится оно на севере Дульдургинского района Забайкальского края, в 45 километрах на север от села Дульдурга.

2 ИЛЭЛ

Близкие к Балжан-хатан семьи хоринцев по древнему пути двинули скотоводческим кочевьем к Аге. Основные же рода растеклись в степях и в лесах. Агу удалось перейти сходу. Достигли реки Ингода и потянулись вверх, пока не достигли брода недалеко от кривуна, где река резко уходит на юг. Далее путь лежал предгорьями Яблонового хребта. Отсюда, говорят предания, далеко-далеко угадывается долина реки Селенга.

От Ингоды путь контролировался враждебными Илэ. Они появлялись на возвышенностях с лицами, раскрашенными татуировками. Молча следили за караваном. Хоринцы с ужасом опасались нападения и шли скорым ходом до реки Хилок – крупного притока Селенги.

Вечером в юрте тайши как из-под земли появился высокий Илэ. Он сказал на отличном монгольском языке о битве за спиной хоринцев. Какой-то монгольский войсковой отряд «бежал» за караваном. Илэ потребовал мужчин вернуться и похоронить воинов по обычаю своего народа.

Тщетно ожидала молодая жена Бубэя возвращения лучших бойцов.

Из-за похорон произошла задержка.

Перешли Хилок, а через два дня реку Уда.

Бурятская семья (конец XIX века)

Тайша рассказывал, что Балжан-хатан говорила о договоре монголов с Илэ: они пропускают «между севером и западом» скотоводов, но не военные отряды, и чтобы обмениваться женщинами. Соглашение заключено с монголами, пришедшими сюда, на земли Илэ, тысячу лет назад, как указывают летописи. Живут они вокруг Байкала и за Байкалом в Ерте (Усть-Орде) и называют себя буриатами. С тех пор Илэ в целом соблюдают договор, но иногда отбирают часть скота на мясо. Иногда налетят, увидят, что скота мало, и быстро исчезнут. Илэ, говорил Тайша, уважал сам Чингис-хан. Когда начались его первые короткие походы на восток, перед войной с тангутами Си Ся, против несогласных ханов, однажды он с двумя тысячами отборных воинов углубился в лес. И вдруг он резко вскинул руку, и команда мгновенно передалась отряду... Всадники неподвижны в напряжении, и лишь слышно дыхание коней. Увидели на увале сопки трёх Илэ в боевых одеяниях. Чингис-хан понял: Илэ их ждали! И он приказал из всех сил и прыти уходить назад. В то время в тылу отряда выскочили из земли закопанные воины Илэ и поджигали рулоны

бересты углями из глиняных чеплашек, искусно запрятанных».

Более половины воинов спасли от вала огня Чингисовы знания воинского искусства других народов. Иначе огонь лесного пожара, пущенного со всех сторон, уничтожил бы всех их, и, может быть, история мира пошла бы совсем другим путём.

Мне неизвестно, остались ли хоринцы, направленные Балжан-хатан, в Кударинских степях и на Селенге или же двинулись дальше, скорее всего так, в Баргузинскую долину и в верховья Лены. Летописи отмечают, что там остановилась вторая волна хоринцев, вытесненных гораздо позже и при других обстоятельствах Илэ-улятами-скотоводами.

Эвенки (Эвэнкэ)? Якуты переводят как «пешие тунгусы». «Тунгусы» – их слово, и у них его в своё время заимствовали ненцы (хасова), те, которые в Красноярском крае. Они также называли эвенков пешими тунгусами. Вообще название «тунгус» для нас важно потому, что мы можем взглянуть глазами Саха на истинные территории эвенков в прошлом. Название рек Тунгусками – территориальные

названия мест вечного проживания эвенков. Было также важно для древнего времени: реки-Тунгуски признавались и табуировались тюркскими и монгольскими племенами верховьев Елюене (Лены) и, пожалуй, среднего течения – от устья Витима ниже.

Дедушка мой говорил, что реку называли ВЭТЭНЭ: ВЭ – водоворот, а суффикс – ТЭНЭ выражает усиление значений корня, то есть «очень водоворотистая». Это же значение в диалектных ВИТЭН, ВИТЭМ...

Другие места, где жили эвенки, якуты за ними не признавали совсем. Там могли все кочевать. А некоторые, как с Вилюя, даже вынуждены были искать новую родину.

Эвенки и правда пешие, но только не тунгусы, а ИЛЭ; были также мурчены – конные ИЛЭ и совсем недавно ороченны, но их уже называли оленными тунгусами. Название «эвенки» исходит от притаёжных групп ИЛЭ, от значения ЭВ-МИ – спускаться с горы, спускающиеся с горы, с гор...

Спафарий их видел и писал, что они спускались с гор, и всё имущество было увязано у них на плечах... Они ведь встречались всюду, по всей Сибири. Сибирь. В эвенкийском языке мягкого знака не было, поэтому правильно надо огрублять: СИБИРР. СИ – означает «ТЫ». Так Илэ обращались и к Месту, например к горе, к реке, болоту и прочее. -БИР – от «бира» (река). Нынешнее словообразование произошло от «СИБИРА» – то есть от «ТЫ – РЕКА». Во множественном числе, с помощью суффикса множественного числа – Р, получаем: СИБИРАР. По законам словообразования в эвенкийском языке в таких случаях последняя буква корня опускается, то есть здесь «А», и получается «СИБИРР». В современном языке принцип ещё сохранился, например орон (олень), во множественном числе получается ороор – олени; отпало «Н». Таким образом, СИБИРР переводится как

«ТЫ-РЕКИ» или «МЕСТО РЕК», а Место, если оно было вдали, означалось как страна. В итоге мы получаем «СИБИРЬ – СТРАНА РЕК».

ИЛЭ? Самый древний сибирский первобытный народ. И все другие народы признавали первость названия мест и рек именно народа ИЛЭ. Их язык был языком общения долгое-долгое время... Ни один народ не претендовал на эти древние названия. Они были рождены как бы самими Местами. И по названиям ИЛЭ можно было судить и о месте, и тамошнем образе жизни, потому что ИЛЭ были там тысячелетиями. Это уже ныне большинство названий исказили до неузнаваемости.

Те реки, названные Тунгусками, дают нам знание, что те территории исконно принадлежат ИЛЭ. Но сами-то ИЛЭ эти реки называли Катангами; правильно: КЭТЭН-ГИ. КЭ – означает на архаичном языке ИЛЭ – поселение в жилищах, во многих жилищах. КЭТЭРЭ – временные жилища, и их тоже много – на сезонной рыбной ловле и так далее. Про происхождение названия Ангара я уже рассказал прежде. Итак, задумаюсь в названии КЭТЭНГИ. Они прямо говорят, что на берегах всех Тунгусок, в верховьях Лены были поселения. Когда? Какие? И древние ИЛЭ оставили нам многозначительный знак – документ, что они были жителями каменного века, то есть охотниками за мамонтами; их жилые места сейчас называют палеолитическими стоянками древних людей. Речь об орнаменте ХЭЛИ ИЕН, на современном языке – СЭЛИ ЭН. Переводится как «клык мамонта» или «зуб мамонта». Конечно, он, орнамент-знак молчит и не сразу раскрывает свою тайну. Смотрите рисунок №2. ХЭЛИ ИЕН – ключевой знак ИЛЭ. Многие исторические материалы подтверждают наши сказания и значения слов, выражений, фразеологизмов. Например, устройств жилищ

на Мальте и Бурете. Применение в строительстве костей, особенно мамонта и носорога, а также рогов оленя о многом нам говорят. Палеолитические люди ИЛЭ использовали продукцию своей охоты на мамонта. Интересно, что основы крыш этих жилищ делали сцеплением оленьих рогов. А ведь основа жилищ ИЛЭ также называется дюкия, то есть основа сцеплением, в данном случае жердей.

Знак СЭЛИ означает не только мамонта, но и оберег (защита) от врагов, вырезанный данный орнамент на рукояти ножа, на луке седла и так далее. В этом «охранном» ряду и сэли – временное ночное укрепление из нарт, которые укладывали, подчёркиваю, сцеплением вокруг стоянки, чтобы избежать неожиданного нападения. И наконец, в этой же цепочке названий сэли (сэлли) – кольчуга, панцирь из нашитых на ровдугу металлических или костяных пластинок. Сэлли (сэллиэн) переводится как одетый в кольчугу. Кстати говоря, название реки Селенга переводят как «железистая», дескать, по ржавому цвету воды в половодье. На самом деле Селенга (Сэлэнгэ) переводится как «мамонтная».

Так почему все производные от слова СЭЛИ связаны с охранными, защищающими функциями предметов и действий? И что же всё-таки означает само изображение Хэли ИЕН, несущее в себе переводное значение «мамонтный клык»? После долгих размышлений о смысловой геометрической основе орнамента я пришёл к выводу, что копьевидные фигуры орнамента не были задуманы древними людьми ИЛЭ, а явились случайно, из-за изображения совсем других фигур, тёмных фигур мамонтов, а копьевидные фигуры всего лишь просветы между животными. Действительно, после изменения раскрасок проявляется изображение строя мамонтов среднего боевого возраста, наиболее

подвижных, по закону любого стада, охраняющих молодняк и самок от нападения крупных хищников (саблезубов и прочих). Именно такой круговой обороне и научились ИЛЭ (предки эвенков), и отсюда родилась охранная терминология. После такого открытия, подкреплённого вышеуказанными аргументами, в том числе и связи с глазковским временем, для меня становится ясным, что древние охотники на мамонтов Прибайкалья были древними ИЛЭ, предками глазковцев и современных нам эвенков. И палеотические селения на Селенге, Ангаре и Лене являлись ИЛЭНСКИМИ, то есть селениями предков тунгусов.

3 ХОСИН

...Думалось мне, девушка из монгольского племени илэ – эвенкийского происхождения. Имя её эвенкийское и переводится как «живая, искромётная, как молния». Вдруг дошло – впал в заблуждение. Я ведь пользуюсь в основном эвенкийскими источниками-улгурами. И монгольская родословная Хосин прослежена от времени гибели Балжан-хатан более ста лет назад. Вернее, со времени, когда вокруг девочки-принцессы Балжан начала образовываться свита. Хосин же получала сведения о пути «между севером и западом» от матери, а её мать от своей... и последняя памятная женщина их рода из окружения Балжан-хатан и следовала с ней от монгольской столицы Барас-хото.

Деяния девицы живут в преданиях монголов-бурят. И также о тех событиях, отражённых в улгурах местных эвенков, бегстве Шибшейки, случившееся как сто лет после гибели княжны Балжан. В рукописном отделе Бурятского института общественных наук среди многих летописей хранится анонимная летопись, написанная на старописменном монгольском языке под названием «История переко-

Буряты в национальных костюмах (конец XIX века)

чёвки в Баргузин в 1740 году баргузинских бурят с севера Байкала под предводительством Ондreja Шибшеева». Шибшеев не кто иной как князец Шибшэ, живший в урочище Амга (верховья Лены). Он-то и повёл свой род побегом в Баргузинскую долину по северному отрезку «Пути между севером и западом».

Някугиры в голодный период, когда в животном мире приплод и охотиться нельзя, наведывались к эхиритам и угоняли несколько голов скота на мясо. Скотоводы не могли противостоять воинам-някугирам.

Именно Хосин, сильно привлекавшая внимание всех мужчин верховьев Лены, знала путь на Баргузин. Она, как я уже упоминал, получила географические знания от матери. Девушка была «говорящей картой», со знанием фольклора великой дороги. Путь начинался (или заканчивался) от Баяндая (до недавнего времени Усть-Ордынского округа), то есть конечного пункта «Пути между севером и западом».

Буряты западные, нижнеудинские, пробился другим путём и кочевали им до недавнего времени. Те буряты хранят предание: их далёкие предки пришли из Монголии;

они находились в армии Чингисхана. Но бежали и обрели убежище в районе нынешнего Нижнеудинска. Эти сведения подтверждаются данными исследований серьёзного учёного Михайлова Тараса Максимовича. И у меня все основания утверждать, что западные монголы мигрировали из Монголии (и опять в Монголию) иной тропой, через Западно-Саянские хребты.

От Баяндая дорога к нынешнему населённому пункту Манзурка, а далее к Харбатово. Где-то здесь и «властвовал» Шибшэ. И они тайно двинулись вверх по Лене, когда пришёл срок выдавать Хосин замуж, а её требовали многие из сильных мира сего...

В горах слушались Хосин. Дорога там пролегает от реки вправо и напрямик приводит в самую вершину Лены. Но не переваливать Байкальский хребет там! Незнающих часто «заманивало», бывало, что и навсегда.

После отдыха, по указаниям Хосин, кочевье как бы вернулось, но уже по берегу Лены. Прошли около шести километров и потом уж спустились перевалом к Байкалу, на мыс Покойники («Гирамдай»). По берегу Байкала покочевали на восток до устья

речки Куркула и, переправившись через неё, поднялись от Байкала на север на 6,5 километра, свернув вправо, на восток, и через 5 километров вышли на приток Горемыки и по долине к Байкалу, к месту, где сейчас расположено село Байкальское и далее спешно двигались до Ангарского сора – мелководного залива, отделённого от Байкала песчаными косами и островом Ярки.

Обнаружилась погоня. Стоял, скорее всего, ноябрь, когда основательно замерзают мелководные заливы. Сам Байкал покрывается льдом полностью в конце декабря или в начале января. Однако зимой древний путь из-за очень глубокого снега в горах становится недоступным для кочевья скотоводов.

Буряты отступили от Ангарского сора, перешли на остров Ярки по льду, не без потерь. Один бык провалился, и его не смогли вытащить – надо «бежать» дальше. Ярки переводится с эвенкийского как «утоптанное место». Остров помнит тысячи и тысячи прошедших туда-сюда и канувших в Вечности. Ярки узкой полосой пересекает Ангарский сор почти до устья Верхней Ангары (10 километров), далее надо пройти по льду около километра до побережья Байкала. Как они преодолели сей опасный участок – нам неизвестно, однако они скоро добрались по берегу до залива Аяя, где произошло нечто ужасное: может быть, вычислив предательницу, буряты казнили молодую женщину, любившую някугира... От залива до устья реки Томпуда. По ней думали выйти к перевалу Дуван («острие вершины, как у пешни»), перевалить в речку Нюндя, впадающую в Улюгну, и уйти в Баргузинскую долину, куда някугирам путь смертельно опасен.

Эхиритов някугирская погоня преследовала до перевала Дуван. Воины не спешили нападая, избегая лишнего кровопролития, зная, что последний крутяк «Шишка» блокиро-

ван засадой. Известна такая деталь: молодые някугиры рассорились из-за того, кому поручат вести в поводу коня, на котором повезут Хосин.

Караван эхиритов свернул в ущелье. И к вечеру они оказались в тупике – в крутом полуцирке.

Воскобойников Михаил Георгиевич в книге «Эвенкийский фольклор», выпущенной в Ленинграде в 1960 году, переводит: «У монголов была семнадцатилетняя девушка, сильная была (наш перевод: «во всём была её сила»). Эта их девица прорубила рукой скалу, образовав дорогу. По этой дороге монголы убежали от тунгусов...» Из-за неправильного перевода реальная девушка стала сказочной девицей. Да и во время оно она воспринималась эвенками как волшебница, и, например, уоянские чилчагиры утверждали, что она пришла к Шибшэ со дна реки Елюене, чтобы вывести к Баргузину, иначе как же он смог уйти со скотом через скалы?

Конечно же, Хосин не «прорубала» рукой дорогу. Фраза «хоктоёт-ми» переводится как «проложить руками дорогу». В безысходной ситуации она не поддавалась всеобщей панике, взобралась на скалу и начала стаскивать камни. И произошёл обвал-кампнепад, заваливший полуцирк. Выложив по шевелящимся камням помост в «четыре лесины», рассказывает другое предание, шибшеевцы смогли вывести скот и уйти от погони тунгусов, у них род Шибшэ, по сути, находился в рабской зависимости. И девушка повела караван не вниз, а вверх по Улюгану, оставив путь в стороне и лишив някугиров последней надежды перехвата. Эхириты перевалили в речку Намама слева от озера Намама, дошли до места Кривун и ушли вправо, на юг, пологим перевалом в долину Баргузина. И род бурятов-эхиритов процветает до сих пор и, даст Всевышний, будет процветать.

Восьмидесятилетний старик Мэргэн, проживший всю зрелую жизнь в верховьях Лены и мечтавший совсем по-детски на миг вернуться на Аргунь послушать Вечность, рассказал, что Хосин полюбила одного весельчака, поэта и плясуна – сынка богатея, перестала улыбаться и собралась бежать с ним. Старик и Шибшэ (замечу, что Ондрей Шибшеев к тому времени уже умер; есть даже данные, что Шибшэ умер за несколько дней до побега и правил племенем его племянник – брат Зосин) сказали: «Удерживать мы тебя не будем. Но помни, он – другой мир. Если уйдёшь с плясуном и пьяницей – одна будешь. Ты сама эту тропу выбираешь. Нас послушаешь – мы будем вовеки... Охрану мы сняли. Так что прощай, если уходишь. Если остаёшься, здравствуй...» – Зосин даже не пошевельнулась, лежала, уткнувшись лицом в постель.

Распутный юноша, танцор и весельчак, никак не мог поверить в её решительный отказ и несколько раз приезжал в улус с разудалой компанией. В лёгком подпитии пытался с ней встретиться. И она была рядом, но уже недоступна, как звезда небесная. А вот ей подобрали крепкого парня из сильной бурятской семьи скотоводов. Их как бы случайно познакомили. Девушка сразу разгадала хитрость мужчин рода. И впервые за последнее время она засмеялась как прежде, и эхириты просияли. «Да ведь он совсем мальчик!» А эхириты в ответ улыбались: «Зато нет тебя краше на белом свете! Уж он-то тебя любит!» «А где мы будем жить?» Тайша определил: «Отдельной юртой, на высоком месте, чтобы народ видел вашу юрту издалека и слышал голоса ваших детей! И славил законы предков...»

Хосин вырастила двенадцать сыновей и трёх воспитанников (сирот). Правда, жалели, что у неё не родилась дочка, хотя бы одна. А так всё было у неё всегда хорошо».

Аят!

Андрей
ВЕТЕР

ПРАВО НА ЖИЗНЬ

*Индейская
тема
в русской
литературе*

Замечательный музыкант Дмитрий Сергеев сказал в интервью для моей телепередачи «Пророчества, которые сбываются», что весь мир делится на индейцев и белых. Причём среди белых людей есть индейцы и среди индейцев есть белые люди, и принадлежность к тому или иному миру определяется не расовыми признаками, а образом мыслей и образом жизни.

Я давно пытаюсь провести мысль, что слово «индеец» сегодня не может уже относиться только к американским аборигенам (по крайней мере, в русском языке). Ведь откуда взялось это слово? Ещё в пушкинские времена говорили «индеец», исходя из того, что это слово напрямую связано с Индией. Колумб плыл в Индию и естественным образом называл повстречавшихся ему дикарей индийцами – los indios. На английском они стали называться Indians, но чтобы отличать их от жителей Индии, стали говорить American Indians. Когда в русском языке слово «индейцы» превратилось в слово «индейцы», надобность в уточнении («американские») отпала, потому что индейцы не могут быть никакими другими (хотя многие до сих пор говорят «американские индейцы»).

Но индеец – не национальность. Так же как сибиряк или африканец – не национальности. Есть много племён, представители которых даже внешне отличаются друг от друга, не говоря уже о языке и культурных традициях. То есть, говоря «индеец», мы имеем в виду образ жизни. Индеец – это человек, который не живёт так, как живут белые люди, не возводит города, не прокладывает шоссе, не перекрывает реки, не выкачивает нефть. Индеец живёт в гармонии с Природой. Без надобности он не убьёт ни птицу, ни бизона. А на охоте не только попросит прощения у застреленной дичи, но и поблагодарит её. Мне

трудно представить, что работники фермы могут просить прощения у кур или коров за то, что убивают их. Они выращивают их, чтобы убивать! Индейцу такое в голову не пришло бы – выращивать специально для забоя!

Индеец – это образ мыслей. Свобода и независимость для него важнее материальных благ. Государство и политика не имеют никакого отношения к индейской жизни. Индеец – это человек вне государства. Государство командует, управляет, а индеец привык решать сам. Он – воин и охотник, но не солдат, исполняющий приказы. Вожди в индейском обществе не имеют ничего общего с нашими генералами и президентами, но белые люди этого не понимают и не понимали. Вождь говорит от имени своего народа, но не принимает никаких решений. У него нет такого права. Вождь не может никому ничего приказать. И никто никому не присягает на верность. Люди свободны. Когда военный отряд отправлялся на войну, не проводилось мобилизации, воины звали с собой надёжных друзей, но любой мог отказаться от участия в походе, не объясняя причины. Индейцы не были солдатами, они жили по зову сердца, по «нашёптываниям» своих снов, которые зачастую были главным руководством к действию.

К сожалению, мало кто из писателей и режиссёров понимает это. Поэтому в большинстве случаев в литературе и кино появляются образы не только не правдоподобные, но и вообще не имеющие никакого отношения к индейцам. Однако наделив их любовью к свободе, им удалось создать портреты краснокожих дикарей, которые потрясают воображение подростков, подкупают их. Фенимор Купер и Майн Рид сделали своё дело. Мальчишки влюблялись в индейцев и даже убежали от родителей в Америку.

Вспомним рассказ Чехова «Мальчишки». Подростки, на-

читавшись Майн Рида, мечтают сбежать в Америку, один из них называет себя Монтигомо Ястребиный Коготь. Почти как эхо чеховских «Мальчиков» звучит имя Монтигомо, которым подписывал свои письма капитан Татарин в книге Каверина «Два капитана». Вероятно, он стал полярным исследователем, в детстве заразившись индейской романтикой (отсюда имя Монтигомо, которым в шутку его наградила жена). В повести Серафимовича «Встреча» есть разговор, в котором молодой человек,

либо бабы тяпают на огородах. Так и я... И всё-таки ребяташки, которые бегут в Америку, драгоценные вещи для себя узнают. Вы знаете, я как-то произвёл анкету, там, в третьем классе: из тридцати четырёх учеников только пятеро в своей жизни видели восход солнца». Романтика обладает огромной магической силой, но влияет она не на всех.

Подростки склонны к романтике. Мир индейцев увлекает их. Взрослея, человек обычно становится более циничным, ему не до романтики. Он может убивать, насиловать, снимать скальпы, но вовсе не из-за своей страсти к приключениям и не из-за любви к книгам про «благородных краснокожих дикарей».

Но некоторые взрослые и не расстаются со своим увлечением, более того, оно превращается в нечто более серьёзное. Есть в нашей стране, например, так называемые индее-анисты, это большое неформальное движение. Они шьют индейскую одежду, летом живут в индейских палатках (типи), исполняют песни, танцуют. Из

их среды вышли специалисты, написавшие серьёзные исторические исследования, защитили диссертации. У каждого интерес к индейской культуре находит своё воплощение. Я пишу книги.

Обратите внимание, что в Советском Союзе книги об

индейцах издавались в основном как «детская литература» или «для младшего и среднего возраста». Хотя романы эти писались взрослыми людьми для взрослых людей. Сейчас ситуация с публикациями практически не изменилась. Едва произносишь слово «индейцы», издатели отмахиваются: «Мы детских книг не издаём» или «Кому это интересно!»... Они понятия не имеют о том, что такое индеец. Всё их знание исчерпывается образом Чингач-гука.

У меня постоянно спрашивают, где я беру материалы. Этот вопрос ставит меня в тупик. Такое ощущение, что люди понятия не имеют о библиотеках вообще и о библиотеках исторической и иностранной литературы в частности, где хранятся огромные объёмы этнографических материалов. И ещё часто спрашивают, бывал ли я в Америке, встречался ли с индейцами, и пытаются как-то увязать это с моими книгами. Ну бывал, встречался, общался. Только это не та Америка и не те индейцы, о которых я пишу. Того Дикого Запада давно не существует. Почему-то никому не приходит в голову мысль (например, после прочтения «Святого Грааля») спросить меня, бывал ли я в Англии или во Франции; у меня ведь там и Первый крестовый поход, и времена короля Артура. Был я там или не был, не имеет ни малейшего значения. У меня есть повести о дореволюционной Москве, но я же не видел ту Москву собственными глазами. (Этот вопрос возникает почему-то только про индейцев.)

Я пишу приключенческие книги, но они никак не пересекаются с романтикой Фенимора Купера и Майн Рида. Как ни странно, я никогда не был заражён ею. Мне удалось создать мой собственный мир в литературе. Писатель, если он художник, а не просто реконструктор, должен создавать свой мир, прорисо-

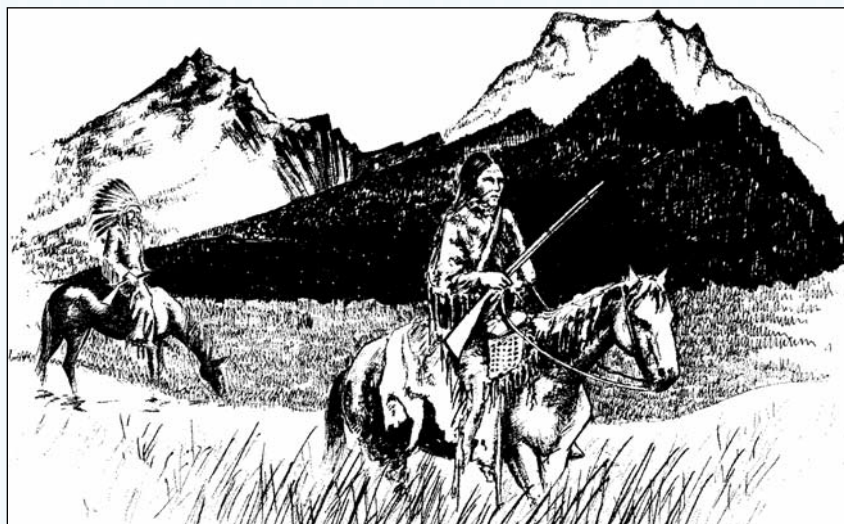
ушедший под влиянием романтических порывов добровольцем на фронт, говорит: «Ну вот, знаете, гимназисты в Америку прежде бегали. Выйдут за город и уж думают: тут и Америка, саванны, мустанги, индейцы. Но, оказывается, ни индейцев, ни мустангов, а просто мужчины везут сено на базар

вывать в нём необходимые ему детали, строить декорации, оживлять и населять их. Когда я пишу о Диком Западе, я опираюсь на реальные исторические и этнографические материалы, но предлагаю мой взгляд, мои ощущения, моё осмысление давно исчезнувшей жизни. И прежде всего я предлагаю идею. Наверное, этим мне близок Джек Лондон, который создал свой мир Севера, свой мир Клондайка, свой мир золотоискателей, и этот мир, хоть и выглядит настоящим, во многом сильно отличается от него. Джек Лондон прекрасно понимал, какое значение имеет идея, и активно мифологизировал реальную жизнь.

Любое событие можно трактовать по-разному. Историческое пространство, залитое кровью, даёт возможность не только для всевозможных интерпретаций, но и для полёта фантазий. Реальные исторические факты – семена, из которых произрастают неожиданные выводы, позволяющие строить здание самых разных художественных произведений.

В качестве примера приведу «Тропу». Формально это – книга об индейцах и о белых людях, проникающих на их землю. Это исторический роман, но его также называют и эзотерическим. Я не возражаю против такой оценки, потому что «Тропа» – это в первую очередь разговор о взаимоувязанности наших поступков, о причинах и следствиях, о предначертанности. Но это и вестерн. Кто хочет индейцев, получает индейцев. Кто хочет серьёзного разговора о смысле жизни, получает его. Меня никогда не притягивали строгие рамки конкретных жанров. Главная идея, высказанная в романе, могла быть вживлена в любой другой исторический фон, но меня интересовал рассказ об индейцах.

Книга очень понравилась издательству «Гелеос», но её хотели публиковать издательство «Терра». И «Гелеос» (что

случается крайне редко) готов был взять «Тропу» даже в случае, если она будет опубликована где-то ещё. И вот тут – самое главное: издательство хотело «Тропу», но боялось индейской темы. В результате на обложке «Тропы», изданной «Гелеосом», индеец изображён почти невидимым, а на передний план помещён бородатый байкер на мотоцикле, который никакого отношения к книге не имеет. Точно так издательство «Гелеос» удалило иллюстрации из книги «Белый Дух», потому что половина рисунков была посвящена индейцам (в книге о Древнем Риме из того же цикла картинки остались, а в книге, где присутствовали индейцы, рисунки были изъяты). Странная, нелепая, абсурдная ситуация: книгу про индейцев берут, но так, чтобы никто не знал, что книга рассказывает об индейцах...

Большинство читателей привыкло думать, что индеец – это персонаж Фенимора Купера, потому что у нас фактически не было других книг на эту тему. Купер, Рид, Эмар... Купер создал романтический образ индейца, Майн Рид создал романтический образ Дикого Запада.

В моих книгах образ индейца не романтичен. Я стараюсь максимально приблизить индейца к земле, постоянно употребляю применительно к нему слово «дикарь», потому что он голый, вымазан жиром и краской, снимает скальпы, отрезает всё, что можно отре-

зать и т.д. С точки зрения городского человека, который считает себя цивилизованным, это дикость, варварство, первобытность. С точки зрения городского жителя, привыкшего к соблюдению цивилизованных правил, такой индеец ужасен. Но на самом деле белый человек ведёт себя так же. Просто война для индейца – это неотъемлемая часть его быта, а для нас с вами она является чем-то посторонним, инородным, ненормальным. Дикарь раскрашивает лицо, потому что он дикарь, а мы накладываем макияж, потому что так рекомендует модный журнал. Дикарь падок на побрякушки, а цивилизованное общество разве не сделало из побрякушек культ? На самом деле всё одинаково, но белый человек называет индейца дикарём...

Почему?

Потому что индеец живёт свободно. Он отказывается подчиняться правилам, навязанным ему сверху. Он поступает так, как ему подсказывает сердце, как подсказывает увиденный сон. Он слышит голос земли, он разговаривает с животными, он общается с духами. Не случайно Нил Уолш называет индейцев представителями высокоразвитой цивилизации, несмотря на то, что они не изобрели ничего, даже колеса. Но эта цивилизация иного рода, она принципиально отличается от цивилизации белых людей, она опиралась на духовность.

Делая в моих книгах индейца максимально диким с точки зрения белого человека, я в то же время делаю его органичной частью Природы. Он живёт не за пределами Природы, а внутри неё. Он не эксплуатирует Природу, не насилует её, а живёт с ней в одном ритме. Он понимает язык птиц и зверей, он разговаривает с ними, как равный с равными, обращаясь к ним, он говорит «братья». Он слышит голоса невидимого мира духов. Любой индеец – шаман, потому что он сам живёт наполовину в мире духов. Мне кажется, что это родство с Природой и Богом для меня важнее любых достижений европейской цивилизации, поэтому «дикость» индейцев в моих книгах фактически оборачивается их превосходством над духовным миром белого человека.

Раньше я старался быть предельно точным, прописывал этнографические детали, но сегодня для меня не имеет никакого значения, к какому племени он принадлежит. Мне кажется, что в очередной книге о Диком Западе я буду создавать некое обобщение, а не детально прописанный портрет. Для меня индейцы превратились в символ. Их образ жизни – в идею, кото-

рую я воспеваю. Свобода от верховной власти и непрерывная связь с Богом.

Русская художественная литература никогда не занималась индейцами, («Юконский ворон» Маркова, «Воин из Киргуа» Кинжалова не в счёт). Германия дала миру Карла Майя, а потом Лизелотту Вилькопф-Генрих, в Польше был Сат-Ок, а у нас не было никого. Меня это всегда огорчало и даже угнетало, потому что создавалось ощущение изоляции. Фенимор Купер и Майн Рид – это крайне мало. Слава Богу, моё детство прошло в Индии, где можно было купить книги на английском языке, и я покупал вестерны Ламура и документальные книги об индейцах. Класе в шестом я прочитал «Маленького Большого Человека», который стал отправной точкой на моём писательском пути. Когда я понял, что накопившиеся во мне переживания удержать внутри невозможно, я взялся за первый мой роман «В поисках своего дома». Получился эпический вестерн, со всеми обязательными для этого жанра наполнителями. Рассказом об истории колонизации я насытился, почувствовал себя удовлетворённым, сбросил груз, так тяготивший меня, и начал пи-

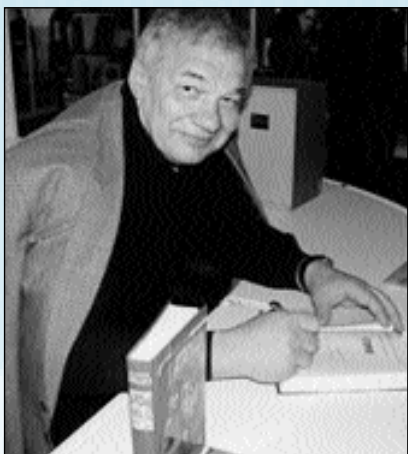
сать уже совсем другие произведения. Например, повести «Оленьи годы» и «Лесное лекарство» довольно много внимания уделяют сексуальной жизни индейцев. Среди поклонников классического образа индейцев это вызвало негодование. Кто-то сказал, что я не имею права заглядывать под набедренные повязки. Раньше индейцы были бесполоыми. Им разрешалось быть жестокими и кровожадными, разрешалось быть мудрыми, но они оставались бесполоыми. У нашего читателя сложился стереотип. Я против стереотипов.

Искусство должно служить не закабалению нашего сознания, а его раскрепощению. Не нужно бояться грязи, потому что грязь не означает нечистоплотность. Не нужно бояться раскованности (свободы), потому что это вовсе не распущенность. Суровость не означает жестокость. Сила необходима не для того, чтобы нападать, а для того, чтобы защищать.

Быть индейцем – значит (для меня) быть Человеком Природы, то есть быть естественным и прислушиваться к голосу Творца. Этой мыслью я наполняю мои книги.

Рисунки автора

Валерий ПОВОЛЯЕВ

Всем нам хорошо известно, что значило ещё недавно, в советскую пору, понятие «дружба народов». Г-господи, да значило абсолютно всё! «Хинди – руси бхай-бхай, и даже больше», как говорил один не очень образованный литературный герой. В литературе эта дружба проявлялась особенно наглядно, за ней даже следили ответственные товарищи из ЦК, и если какой-нибудь писатель проявлял недостаточно рвения в «деле укрепления дружбы народов», его могли запросто вытащить из издательских планов, обвинить во всех смертных грехах, вплоть до национализма, снять с работы – если он её имел, и лишить путёвки в Коктебель.

Существовал даже специальный журнал, который так и назывался – «Дружба народов». Иногда журнал сводничал: русских поэтов и прозаиков сводил с нерусскими, давая возможность и тем и другим заработать на хлеб. Иногда даже с маслом. И с колбасой.

Расул Гамзатов однажды справедливо заметил: «Ох, эти переводчики! Я ещё не успел стихотворение написать, его ещё нет в природе, а они его уже перевели». Журнала «Дружба народов» было мало, образовали целое издательство. Потом в Москве появился театр с таким же названием. Пусть, дескать, цветёт и здравствует, а главное, крепнет дружба народов! И она «цветёт и здравствует» В Абхазии, в На-

горном Карабахе, в Эстонии и в Латвии, в других не менее известных местах. Так ярко и так горячо расцветает, что порою даже невоготу становится.

Жареным пахнет.

Имеется у меня один давний приятель, Александр Андреевич Томилов. О нём я когда-то в журнале, упомянутом выше, опубликовал целую повесть. Более тридцати лет Томилов прожил на Камчатке, там вышел на пенсию и подался на Большую землю, сейчас он обитает в Калуге, возглавляет маленькое кооперативное предприятие и кормит калужан дальневосточной рыбой. На Камчатку он был направлен после службы на флоте. Демобилизовался в звании капитан-лейтенанта и попал работать инструктором в один из отдалённых камчатских райисполкомов.

Шли пятидесятые годы. Нового инструктора начальство бросило на «горячее дело»: проводилась паспортизация коренного населения полуострова – коряков, ительменов, камчадалов. Томилову выдали два мешка незаполненных паспортов, печать с гербом, определили милиционера для охраны, снарядили две собачьих упряжки и двух молчаливых каюров; новый инструктор привычно взял под козырёк, прощаясь с председателем райисполкома и отправился в долгую дорогу: ему надо было объехать несколько десятков стойбищ, разбросанных по всей Камчатке.

ОТКУДА У ЧУЖДЕЙ РУССКИЕ ФАМИЛИИ?

Теперь я понимаю, почему у коряков, якутов, ненцев, ительменов и других славных представителей малочисленных народов такие незатейливо-простые, совершенно русские, не имеющие ничего национального, фамилии – Семёнов, Иванов, Петров, изредка Данилов и Сидоров. Томилов открыл мне эту тайну, поскольку сам к ней был причастен. Всё оказалось очень просто и настолько обычно, что об этом даже догадаться было нельзя.

Приезжал, скажем, мой друг Андреич в отдалённое стойбище, собирал людей. Собственно, народ и не надо было собирать, он сам собирался без всякого на то понуждения: гостям в стойбищах всегда бывают рады, режут оленя, достают из потайных запасов «огненную воду», в чуме сажают на почётное место – разве что жену только не предлагают. Жён ради укрепления «дружбы народов» приезжим предлагают только в анекдотах.

– Значит, так, дорогие граждане, – начинал свою речь Томилов, – у советской власти все люди братья, все равны...

Коряки, набившиеся в чум, внимательно смотрели на гостя, покуривали коротенькие, до угольной черноты обожжённые трубочки и согласно кивали: да, это так, все мы равны, все мы братья, однако... Кивки слушателей воодушевляли оратора.

– Поэтому советская власть, которая привыкла заботиться

о вас, лишний раз демонстрируя, что все мы равны и все мы братья, решила выдать вам паспорта – главный документ гражданина. Как полными членам нашего общества...

– Паспорта – это харасо, это оценно харасо, – согласно кивал головой главный человек в стойбище, гололицый, суровый, закутанный в меха, – то ли бригадир, то ли шаман, – будем, как все гразданы...

– Паспорта я привёз с собой, – вдохновенно сообщил собравшимся Андреич, – сейчас же я их и выдам. Когда человек имеет паспорт, он и за границу может поехать, и по родной стране покататься. Хочешь – в Англию, не хочешь – в Хабаровск, города и страны на любой вкус, только выбери... И поезжай, куда нравится, – с прежним вдохновением и подъёмом лекторствовал Андреич. Особенно ему нравилось говорить про «заграницу», хотя сам он за границей никогда не был.

– Оценно харасо! – поддерживал пламенную речь Томилова старший.

Соплеменники дружно кивали головами.

– Оценно харасо, – со своим шаманом они жили душа в душу.

Начинать выдачу паспортов следовало, естественно, со старшего, с шамана, и поэтому Томилов, не теряя времени, подступил к нему.

– Сейчас я тебе выпишу паспорт, – сообщил он. – Как твоя фамилия?

Фамилия? Моя? – Шаман наморщил лоб. – Морж с обломанным клыком.

– Это фамилия? – неверяще спросил Томилов,

– Да, фамилия.

– Нет таких фамилий! – Андреич едва не застонал от досады. – Фамилия бывает Иванов,

Петров, Сидоров, но никак не Морж с обломанным клыком. Это не фамилия. Это кличка!

– Не знаю, – старший неопределённо приподнял плечи и запыхтел трубкой. – По-моему, это фамилия!

– А твоя как фамилия? – обратился Томилов к другому коряку, такому же, как и шаман, невозмутимому, с коротенькой обгорелой трубкой во рту.

– Однорогой олень.

– А твоя? – спросил Андреич у третьего.

– Собака, объевшаяся юколы.

– Это совсем плохо. – Томилов поморщился. – Человек никак не может быть собакой.

– Так меня назвали родители.

– Ладно! – Андреич ткнул пальцем в шамана. – Ты будешь Иванов. Хорошо?

– Харасо! Иванов – оценно харасая фамилия.

– А имя-отчество – Иван Иванович. Я так и запишу.

– Иван Иваныч – оценно харасо!

Томилов выдал старшему паспорт на имя Ивана Ивановича Иванова. Особой изобретательности Андреич, скажем прямо, не проявил. Ломать голову над фамилиями было некогда.

– Ты тоже будешь Иванов... Нет, Ивановых уже слишком

много. В четырёх стойбищах я уже выдал паспорта на фамилию Иванов. Ты будешь Сидоров, – сказал Андреич Однорогому оленю. – Иван Иваныч Сидоров.

– Оценно харасо, нацальника!

– Сколько лет тебе проставить в паспорте? Ты когда родился?

– Родился? Не помню, нацальника!

– Ну когда это было?

– Давно, Лиса тогда в стойбисе забезала, отец за ней на однорогом олене погнался и убил. В честь того оленя меня, нацальника, и назвали Однорогом оленем.

– Пятьдесят лет тебе есть?

– Есть, однако.

– Может, тридцать пять? – засомневался Томилов: в возрасте камчатских аборигенов он не умел разбираться.

– И тридцать пять узе есть! – обрадованно подтвердил коряк – ему очень хотелось услужить большому человеку, приехавшему в тундру под охраной милиционера. – И тридцать пять узе есть, однако! Старый я...

– Ладно, запишу тебе сорок... Сорок лет! – Томилов произвёл в уме нехитрое арифметическое действие, высчитал год рождения Однорогого... извините, Ивана Ивановича Сидорова и проставил в паспорт.

Собаке, объевшейся юколы, он дал фамилию Петров, возраст поставил сорок пять лет, то же самое сделал и с другими «полноправными гражданами» – всем выдал паспорта, выпил «огненной воды», переночевал в стойбище и утром двинулся дальше.

Через несколько лет Томилов, будучи уже председателем райисполкома, вёл приём посетителей. В основном это были коряки и ительмены, приехавшие на упряжках из тундры искать у начальства правды.

Лицо одного из посетителей показалось Томилову знакомым. Он посмотрел в журнал регистрации – Сидоров Иван Иванович. Где он встречал Си-

дорова, не помнил, понял только – наверное, из тех, кому когда-то выдавал новые паспорта. Потому Сидоров ему и знаком. Чуть позже в памяти всплыла и манера говорить, и колоритное слово «нацальница», и ещё что-то, совсем неуловимое.

Сидоров неожиданно с хряском опустил на стул тяжёлый меховой малахай.

– Это что за такое, нацальница, получается?

– Что? Что именно?

– Ты у нас в стойбисе был?

– Был.

– Паспорта выдавал?

– Выдавал.

– Возраст ставил?

– Ставил.

– И поцему же ты так возраст ставил, сто мой сын Собака, объевсяся ююколы, на пенсию узе высел, а я есё пять лет работать должен!

При замене старых паспортов на новые, уже много лет спустя, в тундру послали фотографа – делать паспортные снимки размером два на три сантиметра. Фотограф оказался человеком очень ленивым. Но не без чувства юмора. Прилетел он в одно стойбище, плёнки в аппарате оставалось мало, запасной не было, он оглядел собравшихся – лица у всех вроде бы одинаковые, и тогда фотограф решил свою профессиональную проблему довольно просто: посадил перед объективом одного человека, Иннокентия Иванова, сфотографировал его, а остальным сказал:

– У меня такая мощная аппаратура, что одного снимка на всех хватает. Японская аппаратура, шибко хорошая, всем снимки по одному кадру делает.

Коряки поверили ему: шибко хорошая аппаратура у шибко хорошего человека, однако! Всех обеспечит...

Через неделю фотограф снова прилетел в стойбище, раздал фотоснимки. Все были довольны, только один наиболее придирчивый клиент долго вертел фотокарточку перед глазами, а затем пожаловался приятелям:

– Ничего не пойму, однако... Рожа вроде бы моя, а рубашка Кешкина!

Коряки доверчивы, как дети, и обижать их – великий грех, и Бог грех этот, надо полагать, фотографу не простит никогда.

В пору предзимней охоты, когда бьют пролётную дичь – гусей и уток, добывают рыбу на корм собакам – а добыть дичи и рыбы надо много, на все долгие месяцы холода, – у коряков и ительменов вводится сухой закон: в стойбища не завозят ни грамма водки, ни единого пузырька спирта, поэтому достать «огненную воду» для любого охотника бывает огромной проблемой.

На берегу моря работала бригада охотников – заготавливала дичь на целый совхоз. Били уток и гусей, густыми стаями идущих вдоль морской кромки на юг. Сезон охоты здесь короткий – недели полторы-две, поэтому надо было успеть запастись птичьим мясом. Стрельба шла очень интенсивная.

Все были трезвые, как стёклышки, и оттого очень востроглазые и приметливые, но вот двое охотников постоянно находились в поддании. Где они брали выпивку – никто не знал. Перевернули вверх дном палатки, стараясь найти «боевой припас» – ничего не нашли. А двое охотников – лишь двое из всех – к вечеру снова ползали на четвереньках. Попробовали проследить за ними – может быть, они в тундре имеют заранее заготовленный склад бутылок? – из этого тоже ничего не получилось: никакого склада не было обнаружено, охотники же к вечеру вернулись в палатку, едва переставляя ноги. Снова вдребезги пьяные.

В общем, две недели длилась охота, и две недели наши герои пили так, как не пили в прочие дни. Никто не разгадал их секрета.

Когда закончилась охота, в бригаду приехал директор совхоза – человек любознательный, любивший раскрывать разные тайны и разгадывать загадки природы. Директор не замедлил пристать к нашим героям:

– Однако, охота прошла, сухой закон отменён, теперь можно рассказать, где вы добывали «огненную воду»... Где вы её брали, а? Ведь тундра гола, как стол, нигде никаких складов нет, даже одну бутылку спрятать негде, не говоря уже о ящике... Вертолёт в бригаду не приходил, водку не привозил, а вы всё-таки где-то добывали водку... Где?

Охотники дружно молчали – им не хотелось выдавать свой секрет.

– Расскажите хоть на будущее... Чтоб я знал, однако... А?

Охотники уважали директора, поэтому, помявшись ещё немного, решили расколоться.

Что же было? В первый день охоты наши приятели неожиданно нашли на берегу ржавую железную канистру, наполненную присыпанную песком, – канистра явно была смыта с проходящего теплохода, вол-

ной её прибило к берегу и накрыло песком. Охотники взболтнули канистру – плещется жидкость. Открутили крышку, понюхали – пахнет вкусно. Вроде бы спиртом. Один охотник посмотрел на другого:

- Ну что?
- Надо попробовать.
- Попробовали.
- Ну что?
- Однако, крепко.

Канистра действительно была наполнена спиртом. По самую пробку. Находку следовало спрятать, пока её не увидели и не отобрали. И спрятать тщательно, хитро, чтобы никто не сумел догадаться, где она находится. Приятели отвалили толстый кусок мха, под мхом, как под одеялом, чернела, проблёскивая острыми голубыми звёздами, вечная мерзлота. Иначе говоря, земля, спёкшаяся со льдом и сама ставшая от этого льдом. Нет, камнем она стала. Вечная мерзлота бывает даже твёрже камня – её можно сравнить только со сталью. Охотники

положили канистру на ледяную твердину, сверху прикрыли мхом.

Отошли в сторону проверить, заметно или нет? Вроде бы незаметно. Была канистра – и нет её!

Но часто посещать свой «склад» охотники не могли – знали, что за ними будут следить, поэтому они разработали следующую тактику.

Рано утром из палатки выползал один из героев и трясуцимися с похмелья руками поднимал ружьё, наводя ствол на утку. Уток было много, они, отжимаемые с севера холодом, шли частыми косяками. Нашупав мушкой птицу, наш герой некоторое время вёл её по небу, доводил до канистры и нажимал на спусковой крючок. Подсечённая дробью утка падала точно на канистру. Стрелок закидывал ружьё на плечо и трусцой бежал к добыче.

Второй охотник поступал точно так же – ловил на мушку вторую утку и укладывал её рядом с первой. Коряки, нанайцы, чукчи, ительмены – стрелки отменные, совершить подобное чудо либо сбить одной дробинной пельмень, подброшенный вверх, для них плёвое дело.

Сойдясь у канистры, охотники осматривались – не наблюдает ли кто – быстрёхонько опохмелялись, потом, понимая, что во второй раз подойти сюда они смогут нескоро и спиртом надо запастись на целый день, поступали следующим образом: брали убитую утку,

засовывали её голову в канистру и через анальный проход вдвухали внутрь спирт, наполняя птицу таким простейшим способом по самое горло, – утка от спирта раздувалась и превращалась в этакий маленький тугой бочонок. Вторую утку наполняли таким же первобытным образом. Дальше каждый из охотников вешал свой бочонок на пояс, лапами вниз, головой вверх, и, заметно повеселевший, с песней отправлялся продолжать охоту.

Когда горло пересыхало снова и опять начинали дрожать пальцы, охотник снимал утку с пояса, подносил ко рту мёртвую птичью голову и втягивал в себя содержимое. Спирт, смешанный с разными утиными «пряностями», оказывался в желудке охотника – выпивка и закуска разом, всё вместе. А если требовался напор, то стоило только нажать на утиное пузо пальцами, как спирт начинал бить из птицы струёй.

Причём охотники не испытывали при этом никакой брезгливости: уточка – птица чистая, питается только травкой, никакой падали в рот не берёт, в желудке у неё ничего, кроме растений, не бывает, а то, что уже переварилось, стало помётом, в рот питоку всё равно не попадает – остаётся по ту сторону утиного пупка, надёжно перекрытого замком-луковицей, и дороги назад этой закуске нет.

Такой способ могли изобрести только очень смекалистые люди, я искренне преклоняюсь перед ними.

Однажды на Камчатке произошёл крупный скандал, разбираться в котором приезжала представительная делегация из Москвы. На зиму кочующие по тундре оленеводы отдавали своих детей в интернат жить и учиться по-ленински, на лето забирали к себе. Так вот в одном из интернатов вспыхнул бунт местного значения. В результате разъярённые родители пожаловали на собачьих упряжках к начальству.

– Почему наших детей целых три месяца не кормят мя-

сом? – задали они возмущённый вопрос.

– Как не кормят?

– А так! Не кормят, и всё! – и бух петицию в Москву,

Из столицы на Камчатку срочно прибыла представительная комиссия – не дай Бог где-нибудь в ООН, в ЮНЕСКО или в американском парламенте узнают, что в Советском Союзе малые народы стараются умерить голодом.

Оказалось, детей мясом кормят. Говядиной очень хорошего качества. И нормально кормят, каждый день, порции полновесные, никакого воровства, блюда разнообразные – из мяса делают котлеты, биточки, гуляши, азу, мясом обильно заправляют макаронные супы, харчо и борщи, и если бы мясо полагалось класть в компот, его клали бы и в компот.

Собрали родителей.

– Зачем же вы клевете на директора интерната? – укорили члены комиссии авторов жалобы. – Мы его чуть под суд не отдали!

– Правильно. Его и надо отдать под суд! Он наших детей не кормит мясом!

– А это разве не мясо? – члены комиссии показали родителям склад, где хранилось несколько коровьих туш.

– Нет, это не мясо!

– Что же тогда мясо?

– Оленина!

Крыть членам комиссии было нечем.

Представители малых народов очень любят быть начальниками – и чем больше должность, тем, естественно, лучше, поэтому советская власть довольно охотно выдвигала их на разные ответственные посты. Коряк, ставший начальником, никогда не забывал, что он начальник.

Как-то Томилов вёз на вертолёте в одну из дальних бригад продукты.

Летать в тундре тяжело – ориентиров почти никаких, только мох да окошки воды, тысячи маленьких озёр, и всё – зацепиться глазу не за что. Поэтому лётчики в тундре часто плутают. Чтобы не плутать и

побыстрее, скажем, найти исковую бригаду оленеводов, связь с которой поддерживается только по радию, в тундре совершают вынужденные посадки – увидят где-нибудь оленьё стадо с людьми и подсаживаются к ним, чтобы пораспросить, сориентироваться, а потом летят дальше.

Вертолёт, на котором летел Томилов, заблудился, и командир сделал посадку на берегу речушки, где какой-то одинокий коряк ловил рыбу – вытягивал сетью из воды крупную кету, потрошил её, икру выбрасывал – надо заметить, красную икру малые народы Камчатки почти не едят, и, наверное, не только из-за цвета, – рыбы же тушки складывал в поленницу.

Увидев вертолёт, рыбак обернулся, а когда к нему подошёл командир, начал ругаться:

– Летают тут всякие, оленя пугают, рыбу пугают, собак пугают, однако... Тьфу!

Командир понял, что узнать про затерявшуюся бригаду ничего не удастся – слишком уж сердит хозяин, спрашивать ничего не стал и решил попросить у него штуки три-четыре кетин на уху: уж в чём в чём, а в этом хмурый коряк не должен отказать – рыбы навалено на берегу больше, чем дров в поленнице у иного рачительного хозяина.

– Не дам! – решительно заявил коряк.

– Ну хотя бы пару рыбин! Для ухи.

– Не дам! Летают тут всякие, а потом олени корм есть перестают...

– Ну ты и... Да у тебя же рыбы больше, чем навоза! Жалко что ли?

– Жалко!

– Если две жалко, дай хотя бы одну. Для ухи. Мне экипаж надо накормить.

– Летают тут всякие... У начальства спрашивай!

– А кто здесь начальник?

– Я-я, – с достоинством протянул коряк и выпрямился. Вид у него сделался необычайно важным.

– Слушай, товарищ начальник, отпусти пару рыбин для экипажа, мне надо людей накормить – время обеда подошло...

– Да бери хоть пять, жалко, что ли, – рыбак сделал милостивый жест, а потом очень охотно – раз «начальник разрешил» – и, главное, очень подробно объяснил, как пролететь в затерявшуюся бригаду, и проводил экипаж, как лучший – до гроба – друг.

Кто-то несправедливо заметил, что дружба народов – понятие неконкретное. Очень даже конкретное. И писать об этом можно по-разному: можно красивые сказки сказывать, наводить розовый флёр, столь приятный разным чиновникам – бывшим и настоящим, а можно говорить то, что есть.

В советское время западные журналисты очень часто удэгейскую сказительницу Валентину Кялундзюгу величали президентом Гвасюгов. Правда, кое у кого тут же возникали ассоциации с Ильфом и Петровым, которые в двадцатые годы прошлого века придумали Нью-Васюки. Не потому ли некоторые остряки иногда порывались провести параллели между потомственной охотницей из удэгейского рода Кимонко и великим комбинатором Остапом Бендером? Хотя эта ирония была совершенно напрасна. Кялундзюга действительно имела все права именовать себя хозяйкой хорской тайги.

Для справки. Село Гвасюги было основано в 1932 году близ слияния трёх рек: Гвасюгинки, Булинки и Хора. Советские комиссары рассчитывали в течение нескольких лет переселить в него всех охотников из двух кочевых удэгейских родов: Кимонко и Кялундзюга. Но в первый год они смогли уговорить перейти на оседлый образ жизни, кажется, всего лишь четыре семьи. Власть для первых добровольцев не пожалела ни сил, ни денег. Специально для кочевников приезжие строители возвели два деревянных дома. Плюс охотники перевезли с собой из тайги несколько юрт. Потом, как водится, было собрание, избравшее первым председателем туземного совета охотника Суби Кимонко. Тогда же в Гвасюгах появилась и своя промыслово-охотничья артель «Ударный охотник». Её, насколько я знаю, собиравшись возглавить выпускник Хабаровского педагогического техникума народов Севера Джанси Кимонко. Но чуть ли не в самый последний момент чекисты всё переиграли. По настоянию органов ГПУ Джанси Кимонко был направлен к соседям на Бикин железной рукой подавлять бунт староверов (советские историки это событие подавали как кулацкое восстание,

В селе
считается

Вячеслав ОГРЫЗКО

под-
держанное
остатками недобитых
белогвардейских банд).
Поэтому должность председателя артели досталась Сонги Кимонко.

Ну а Валентина Кялундзюга возглавила в Гвасюгах сельсовет уже в 1969 году (за год до этого вступив в компартию). В селе к тому времени жили уже почти четыреста человек.

Западные журналисты ошиблись в другом. Кялундзюга, став, по сути, президентом всех хорских удэгейцев, оказалась без реальных прав. Она по закону не могла ни охотничьи угодья распределять, ни обязать местную школу ввести хотя бы факультативное изучение удэгейского языка, ни тем более кому-то дать квартиру. Все эти вопросы решались даже не в районном центре Переяславка, а в основном в Хабаровске на уровне первого секретаря крайкома КПСС или председателя крайисполкома. Пост председателя сельсовета тогда имел в основном декоративный характер. Кялундзюга, как хозяйка хорской тайги, выписывала лишь одни справки да ещё шлёпала печати. Она, как я понимаю, от этого сильно страдала. Ведь потенциал у неё был ещё тот. Мало кто из районного и уж тем более краевого начальства знал, каким в своё время даром эту хрупкую женщину наделили последние удэгейские шаманы. Однако даже ей, человеку с шаманскими способностями, переломить ситуацию было не под силу.

Валентина Кялундзюга

Валентина Тунсяновна родилась 9 января 1936 года в стойбище Чукен, которое потом вошло в состав района имени Лазо Хабаровского края. Её отец – Тунсян Ченгесович (1898–1957) – происходил из древнего рода удэгейских охотников Кимонко. Он был убеждён, что в далёком прошлом удэгейцы жили на берегу моря. В горы, как считали охотники, его сорочичи ушли то ли после очередного сильного землетрясения, приведшего к береговому обвалу, то ли не выдержав натиска чужеземных племён. В подтверждение своей правоты Тунсян Ченгесович приводил вот это предание. Он рассказывал: «Раньше Кимонко жили на берегу моря, их было много. Как-то раз пришёл к ним один мальчик. Стали его использовать как работника, заставляли всё раздувать меха, а когда кова-

ли, издевались над ним и били. И вот как-то ковали и начали издеваться, а мальчик встал, побежал и прыгнул вниз с высокого обрыва. Перед тем как прыгнуть, сказал:

– Вы умрёте от того, что земля будет обваливаться, уйдёте на дно и погибнете!

Потом прыгнул и исчез; так его и потеряли. С тех пор стали погибать от того, что земля обваливалась в воду. Стали убегать от гибели. Убегали и обнаружили реку Хор, начали туда убегать и стали там жить. По ней стали приходить в эту местность. Этот мальчик пришёл в своё время сообщить удэгейцам, что земля станет обваливаться, пришёл спасти их от гибели. Раньше все жили на берегу моря. Островов не было. Когда земля стала обваливаться, везде возникла вода и образовались острова. [С тех пор] удэгейцы и стали жить на реке Хор».

В пользу версии старого охотника говорили даже детские игры. Этнографы в своё время заметили, что в удэгейском селе Гвасюги очень широко была распространена игра в пятнашки. Они думали, что эта игра пришла к удэгейцам от русских крестьян, переселившихся в хорскую тайгу откуда-нибудь из-под Костромы. Но оказалось, что удэгейцы знали эту игру и раньше, ещё до прихода на Амур первых русских землепроходцев. Когда этнографы более внимательно пригляделись к играм удэгейских детей, то заметили, как ребята старательно подражали чайкам. Но ведь чайки в тайге – это нонсенс. Значит, эту игру удэгейцы принесли с собой в хорские леса с морского побережья.

Кстати, если верить другим сказителям, род Кимонко издревле славился своими невестами. Главный специалист по тунгусо-маньчжурским народам Глафира Василевич подчёркивала: в пятом веке многие молодые тунгусы, дабы заполучить в жёны красивых представительниц другого племени, готовы были пре-

одолеть по безбрежной тайге не одну тысячу километров. Зачастую дорога к сватам занимала у них до двух лет. Но это ещё было не всё. Дальше гостю предлагали продемонстрировать силу и ловкость. Он должен был обязательно одержать победу в состязании с братом невесты. Не случайно сахалинские эвенки пели:

*Кимонин! Кимонин!
Богатырь-человек.
Куда же ты идёшь?
Пойдём поиграем!*

Сахалинским тунгусам вторили их родственники с Чумикана:

*...Кимо! Кимоко!
Сестричка Монгункон,
Посмотри-ка ты,
Кто это пришёл.*

Все эти песни прекрасно знал и Тунсян Кимонко. Кстати, мало кто знает, что когда другой его соплеменник – Джанси Кимонко в середине 1930-х годов взялся за перо и попробовал сочинить книгу о своём народе, то тот в своей работе во многом опирался прежде всего на сказания своего земляка. Говоря современным языком, Тунсян Кимонко стал информантом первого удэгейского писателя.

А сколько старинных удэгейских песен и легенд знала мать Валентины Тунсяновны – Япчи Кялундзюга (1912–1949)! Она, правда, родилась не на Хоре, а на Анюе. Но когда Япчи исполнилось пять лет, родные отдали её в семью будущего мужа.

Позже Валентина Тунсяновна попыталась разобраться, откуда произошла фамилия её матери. В путевых дневниках Арсеньева она нашла следуюшую запись о роде Камедига. Арсеньев писал: «Кусунские удэхейцы говорят, что род Камедига получил своё название от слова *Камеси*, т.е. столбы, поддерживающие сушила для вяленья рыбы. Издревле люди эти не имели

жилища и жили под юколой, подвешенной на стеллажи, сверху прикрытой берестой. Отсюда и получилось название Камедига. Удэхе с р. Анюя говорят иначе: жили два брата, которые не имели фамилий. Однажды, собирая сухую рыбу в кипы, по 100 штук, завёрнутых в бересту, которые называются *Камеси*, один из братьев говорит другому: «Я снесу две кипы». На это второй ему ответил: «Ты *Силяси*», т.е. ты соврал. Тот, к которому относились эти слова, схватил две пачки рыбы и сказал: «Ты будешь теперь Сюляндига, а я буду Камедига». Род Калондига получил своё прозвище от того, что родоначальник его всегда косил глазами (*кяломси*). Род этот тоже ведёт свою родословную с моря и впоследствии вышел в бассейны р. Уссури».

Впоследствии петербургский этнограф Марина Хасанова в своих комментариях к арсеньевским записям отметила, что есть и другие толкования этимологии антропонима Кялундзюга. К примеру, Юрий Сем склонялся к тому, что родовое название Кялундзюга связано с термином кялу (сырое). Другая точка зрения была у В.Ларькина. Он полагал, что истоки имени надо искать в верховьях реки Хор, где один из притоков истари носил название Кяули. Третье мнение было у В.Туголукова. Он увязывал происхождение фамилии Кялундзюга с рекой Кялуй.

В детстве Валентину Тунсяновну очень сильно потрясло известие о гибели близкого товарища её отца – Джанси Кимонко. По официальной версии, Джанси Кимонко 6 июня 1949 года задрал на охоте медведя. Но в Гвасюгах в эту гипотезу мало кто верил. Многие охотники были убеждены, что удэгейского писателя погубили злые духи. Все таёжники тогда страшно перепугались: как бы оборотень не напустил порчу на весь посёлок. Старики настояли на том, чтобы исполнить в Гвасюгах древний обряд ямкуй.

И, похоже, это как-то повлияло. Во всяком случае, сразу после обряда охотники, когда пошли в лес, тут же обнаружили погубившего Кимонко медведя уже мёртвым.

Затем были похороны. Как вспоминала Валентина Тунсяновна, «на тот свет дух Джанси Кимонко отправляла шаманка бабушка Гауня. Поговорила она с духом, а потом ко мне подошла, сказала, что Джанси попросил особый привет мне передать. Больше ни к кому шаманка не подошла. Тогда это очень меня удивило».

Помимо родителей огромное влияние на Валентину Тунсяновну в детстве оказал также великий удэгейский шаман Куфеса Кимонко. Но об этом удэгейская сказительница вплоть до начала 1990-х годов предпочитала молчать. Только в 2009 году

она хабаровской журналистке Галине Казачук рассказала, как любил Куфеса Кимонко, приходившийся, кстати, ей близким родственником, ходить босым по раскалённым углям. «В него из лука стреляли, – вспоминала Валентина Тунсяновна. – Он падал за мертво. Но стрелу из него вынимали, брызгали на лицо, рану окуривали отваром багульника, и Куфеса оживал. Очень сильный был у него дух».

В 1944 году родители отдали Валентину в Гвасюгах в сельскую школу. Окончив семь классов, она отправилась в Хабаровск на специально созданное для северян отделение. Но город быстро её утомил. Она заболела и через три года вынуждена была вернуться домой, где юную таёжницу взяли счетоводом в Джанговский сельский совет.

Вторую попытку получить высшее образование Валентина предприняла уже в 1957 году. Способную девушку без экзаменов зачислили сразу на первый курс историко-филологического факультета Хабаровского педагогического института. Увы, болезнь оказалась сильнее. К концу второго семестра Валентина поняла, что, пока не поздно, лучше уехать в тайгу.

К тому времени Валентина вышла замуж за молодого удэгейского охотника Диринку Кялундзюгу, которому она потом родила двух сыновей и двух дочерей.

В Гвасюгах Валентину поставили заведующей клубом. Но что она должна делать, никто не объяснил.

Село тем временем начало деградировать. Когда удэгейцы кочевали, все были при деле. Но после того как таёжники осели в Гвасюгах, половина посёлка осталась без работы. И люди постепенно стали спиваться.

Чтобы хоть как-то сохранить остатки национальной культуры, Валентина Кялундзюга попробовала создать в Гвасюгах ансамбль. Но здесь возникла проблема репертуара. Отталкиваясь от воспоминаний отца, Кялундзюга сочинила на родном языке пьесу «Восход солнца», обращённую к событиям гражданской войны на Дальнем Востоке. Но главная драма оказалась впереди – никто в Гвасюгах не знал, как правильно оформить удэгейский текст, по каким грамматическим законам печатать рукопись.

Позже власти прямо сказали таёжнице, что готовы опубликовать её только на русском языке. Кялундзюге деваться было некуда, и в 1974 году она согласилась выпустить в Хабаровском издательстве книгу своих сказок на плохом русском языке.

О, советская пропаганда выжала из первой книжки Кялундзюги всё, что только можно было. Особенно постарались правдисты. «Ей бы отвлечься от хлопот, – писал

в главной газете страны 5 августа 1987 года В.Хатунцев, – засесть за чистый лист бумаги и сочинять вволю... Да только где взять время? Ведь она, кроме всего прочего, – председатель сельсовета в таёжном удэгейском селении Гвасюги».

Но Хатунцев умолчал о другом. Зарплаты, которую Кялундзюга получала как председатель сельсовета, хватало лишь на хлеб. Именно поэтому все отпуска Валентина Тунсяновна вынуждена была проводить в тайге, собирать лекарственные травы, выслеживать изюбра, гоняться за соболями. У часток охотничье начальство дало ей в двухстах километрах от Гвасюгов в совершенно непроходимых местах. Вот парадоксы жизни. Рядом со стойбищем – богатейший промысловый район, но удэгейцам охотиться в нём в послевоенное время категорически запретили, лицензию давали исключительно временщикам из Бичевой (ирония судьбы – в том посёлке бичей было не сосчитать).

Чтоб добраться до своих участков вертолётном, об этом удэгейцы даже в лучшие времена не мечтали. Кялундзюга в таких случаях вспоминала свою мать, которая в 1938 году, когда её пригласили на какой-то слёт, встала на лыжи и чуть ли не за сутки совершила более чем двухсоткилометровый переход Гвасюги – Хабаровск.

Ни слова в своей «правдинской» статье Хатунцев не сказал и о другой проблеме сородичей Кялундзюги: о необ-

ходимости воссоздания удэгейской письменности. Первые учебники удэгейского языка были изданы в 1932 году. Но спустя пять лет власти обвинили их автора – этнографа Евгения Шнейдера в шпионаже в пользу Германии

ник. Потом к исследованиям подключились Игорь Кормушин, Альбина Гирфанова, Михаил Симонов, Елена Перехвальская и ряд других лингвистов.

Насколько я знаю, в 1960–1980-е годы в Москве, Ленинграде и Новосибирске больше десяти человек защитили кандидатские диссертации по очень узким проблемам удэгейского языка. Но при этом никто из лингвистов почему-то так и не брался за создание удэгейских учебников. Похоже, никто мнение властей оспаривать не решился.

Не согласна была одна лишь Кялундзюга. Она везде и всюду продолжала утверждать, что язык удэгейцев ещё не умер. Я помню, как эмоционально Валентина Тунсяновна выступала в октябре 1984 года на выездном совете по литературам народов Севера в Хабаровске.

Весь совет был потрясён бюрократическими играми чиновников, ставивших Кялундзюге различные препятствия. Руководство Хабаровского крайкома КПСС тогда согласилось с прозвучавшей критикой и пообещало в течение года издать на местной полиграфической базе написанную Валентиной Тунсяновной на удэгейском языке книгу «Путешествие в букварь».

Но время шло, а рукопись «Путешествия...» так никто и не думал выпускать. Чиновники быстро всю вину переложили на учёных: мол, они никак не могут договориться о принципах составления удэгейской азбуки.

и расстреляли. После этого в Гвасюги нагрянули чекисты из райцентра Переяславка. Они заставили председателя сельсовета Джанси Кимонко обойти все избы, изъять все удэгейские учебники и устроить потом из книг Шнейдера ночной костёр. После этого столичные чиновники объявили, что у удэгейского языка больше никаких перспектив нет.

К научному изучению удэгейского языка учёные вернулись только через четверть века. Кое-что в этом плане в 1960-е годы сделал Орест Су-

Надежды на перемены у Кялундзюги появились лишь в 1985 году. И в этом огромная заслуга принадлежала бурятскому учёному Александру Соктоеву. Это ему первому в голову пришла фантастическая идея составить 60-томную библиотеку «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока». Только вот Соктоев долго не знал, кому поручить подготовку удэгейского сборника. Почти все специалисты по удэгейцам тогда работали в основном в Ленинграде, но они сомневались в реалистичности соктоевских планов. Поверил в Соктоева один лишь Михаил Симонов.

Симонов происходил из коренных сибиряков. Он вырос в семье профессионального художника. Но самому ему всегда были ближе игры не красками, а словами. Молодому филологу повезло: в Новосибирском университете его заметил выдающийся лингвист Валентин Аврорин. Он предложил способному студенту заняться эвенкийским языком. К сожалению, власти вскоре учёного из Новосибирска выдавили: ему не простили масштабные социологические исследования языковых процессов в Сибири и на Дальнем Востоке, которые выявили серьёзные ошибки в национальной политике правящей партии. Аврорин вынужден был вернуться в Ленинград. После этого «в ссылку» угодил и Симонов: его распределили в Улан-Удэ. Тем не менее молодой исследователь с намеченного пути не свернул. Он блестяще в 28 лет защитил кандидатскую диссертацию и потом всё-таки сумел вернуться в Новосибирск, где сосредоточился на изучении языка, фольклора и быта сымских эвенков.

Сменив в 1985 году научные приоритеты, Симонов понял, что ему придётся начинать практически с чистого листа. Если по эвенкам литература к 1980-м годам насчитывала сотни работ, то по языку удэгейцев, по сути, ничего не бы-

ло (не считая двух книг Евгения Шнейдера, изданных в середине 1930-х годов). На кого опираться, никто не знал.

Михаил Симонов начал с экспедиции на Хор. Тогда-то он впервые и познакомился с Валентиной Кялундзюгой. Председатель сельсовета в Гвасюгах стала его первой учительницей удэгейского языка. Позже учёный помог Кялундзюге доработать удэгейский алфавит и прописать правила орфографии. В январе 1989 года Хабаровский крайисполком придал их проектам статус официальных документов. Но решение хабаровских властей сразу вызвало волну протеста у ленинградских учёных.

Я знаю, что в своё время в эту проблему пытался детально вникнуть писатель Николай Дункай. Он хотя происходил из уссурийских нанайцев, но практически всю жизнь прожил среди бикинских удэгейцев и очень переживал за судьбу удэгейской письменности. Летом 1989 года Дункай связался с ведущей сотрудницей ленинградского отделения Института языкознания Альбиной Гирфановой и попросил её прокомментировать сложившуюся ситуацию. Гирфанова в своём ответе подчеркнула: «Лингвисты прежде всего научные работники. И первоочередной задачей для нас является научная работа (задача). Написание учебника – дело не такое уж сложное, от нас зависит в наименьшей степени. Мы всегда рады помочь и считаем это своим долгом. Народ должен сам проявить заинтересованность и желание. Немного о степени владения языком. Для науки, для решения научных проблем важно не «болтать» на языке, а знать его (язык) с другой стороны, то есть структуру, как он устроен, чем он отличается от других близкородственных тунгусо-маньчжурских языков, в чём сходство, какие есть заимствования в языке. Это

проливает свет на многие неясности в истории народа. Диссертация – не самоцель, это определение квалификации исследователя. Для науки самым важным было всегда – поиск истины, новые знания. Каждому народу интересно узнать, где его истоки, с какими народами контактировали предки, как изменился язык на протяжении своего развития».

Гирфанова очень сожалела, что ей не удалось побывать на заседании Хабаровского крайисполкома 5–6 января 1989 года, где обсуждался вопрос об удэгейской письменности. В письме Дункаю она сообщала: «По сей день я не имею точной информации о ходе заседания. Знаю лишь то, что утвердили не алфавит, разработанный в нашем отделе, а алфавит Михаила Дмитриевича Симонова, кандидата филологических наук. Я не имею ничего против него. Вызывает уважение его заинтересованное отношение к делу. Но игнорировать достижения нашего (по сей день единственного) центра изучения и исследования тунгусо-маньчжурских языков мне представляется неблагоприятным. Всё же в нашем отделе, где исследуются все языки, накоплен очень большой опыт, в частности, в составлении письменности для языков народов СССР. У Симонова такого опыта вообще нет. Он впервые сталкивается с такой проблемой. Моя главная претензия к этому алфавиту – его очень большая сложность и перенасыщенность. Занимаясь такими серьёзными вопросами, как утверждение алфавита, прежде всего, с моей точки зрения, не надо забывать, что пользоваться им в первую очередь будут малыши – ученики 1–3-х классов. И не надо их дезориентировать. Это может отбить у них всякое желание изучать удэгейский язык. Приведу конкретный пример. Первокласснику объясняют, что слово «няня» пи-

шется так: «няня». Так почему же в удэгейском языке должен быть специальный знак для мягкого Н (как предлагает Симонов НЬ). Зачем это? Что это даёт для развития ребёнка? А таких букв, как – я, ю, е, ё – нет вовсе. Смотрите сами. По-удэгейски слово «тёплый», «тепло» – нямый, а Симонов предлагает его записывать, как НЬАМИЙ. И ещё над «а» надо поставить что-то. Как вы думаете, к чему такие сложности? Надо ведь посмотреть, а как поступили с другими языками, например с тюркскими, где до революции был арабский алфавит, потом латинский до 30-х годов, а потом на русской основе. Поступили, по-моему, правильно. Использовали русский алфавит плюс несколько знаков для специальных звуков. Так думали мы поступить с удэгейским алфавитом. Но здесь возобладали, к моему пригорюнию, не здравый смысл, а, как говорят, межведомственные интересы. Судя по всему, наш проект там даже не рассматривали. Что вы думаете по этому поводу?».

Я не специалист в области удэгейского языка, и поэтому не мне делать окончательные выводы. Я выскажу только одно соображение. Понятно,

что к 1980-м годам у удэгейцев в силу многих причин так и не сложился единый литературный язык. Но почему в условиях диалектных различий нельзя было на первое время создать учебники для отдельных этнических групп? Вообще кто, в конце концов, формирует язык: народ или теоретики?

Да, Кялундзюга – не профессиональный лингвист. И, наверное, она изучила не все законы лингвистики. Но у неё оказался другой дар – дар писателя. И почему надо писателям отказывать в праве участвовать в формировании письменности своего народа?

Я уверен: все – и наука, и школы, и сами удэгейцы – только бы выиграли, если бы в 1989 году в районе имени Лазо началось хотя бы факультативное преподавание по алфавиту и пособиям Кялундзюги и Симонова, а в Приморье ввели бы экспериментальные уроки удэгейского языка по материалам, скажем, Перехвальской. Жизнь бы показала, кто более прав. И лет через пять все пособия можно было бы переписать, сделав их пригодными уже для всех удэгейцев: и хорских, и бикинских, и последних носителей самаргинского диалекта.

Но учёные согласия меж собой так и не достигли. В 1998 году Сибирское отделение Российской академии наук издало академический том «Фольклор удэгейцев» с материалами в основном Кялундзюги и Симонова, дав все тексты на хорском диалекте и в русском переводе. Тогда же поляки издали у себя три тома «Словаря удэгейского языка», составленного также Кялундзюгой и Симоновым. Как заметил петербургский исследователь Н.Сухачёв, словарь Кялундзюги – Симонова «ориентирован по преимуществу на контекстуальные значения слов, бытующих в хорском диалекте и фольклорных жанрах».

По другому пути пошла Гирфанова. В свой вариант словаря удэгейского языка, изданный в Санкт-Петербурге в 2001 году, она постаралась вобрать лексику всех этнических групп удэгейского народа.

Выпустив фольклорный сборник и три тома словаря, Кялундзюга и Симонов планировали взяться за грамматику удэгейского языка. Но удар пришёл оттуда, откуда его совсем не ждали. Симонова подвело здоровье. Судьба отмерила ему всего пятьдесят три года.

Второго подвижника, готового полностью посвятить себя служению удэгейской культуре, Кялундзюга больше не встретила.

Что ещё? Вот уже сто лет род Валентины Тунсяновны не расстаётся с камнем, упавшим однажды с неба во время грозы. Он для неё как талисман. Раньше этот камень принадлежал деду удэгейской подвижницы – Ченгесу. Кялундзюга поясняет: «Как дед рассказывал, камень застрял между деревьев. Цвет у него, как у метеорита. Точно такой же я видела в канадском городе Ванкувере. Камень всегда обладал чудодейственной силой. Я это проверила на себе. Когда я устаю, я прикладываю к камню руки, и у меня сразу словно второе дыхание открывается».

По словам хабаровской журналистки Галины Казачук, Валентина Тунсяновна продолжает жить в чудесной гармонии с природой. «Она подолгу бывает в лесу, наблюдает за деревьями, птицами. Как-то осенью услышала рёв изюбров. И подсмотрела, как самцы бьются из-за изюбрихи. А потом придумала танец, который назвала «Борьба изюбров». Этот танец она показала внучке Олесе. Ей Валентина Тунсяновна передаёт знания, доставшиеся от предков».

**Рисунки художника
Сергея Чешкина**

У ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕРТЫ

Александр
Канчуга

Я познакомилась с **Александром Александровичем Канчуга** более двадцати лет назад во время моей первой поездки в Красный Яр¹. Тогда, после первых экспедиций к удэгейцам в 1984 и 1985 годах, я стала писать по-

левой дневник. Дальний Восток, Бикин, удэгейцы произвели на меня столь большое впечатление, что он получился огромным – почти четыреста машинописных страниц, которые однако не предполагались для печати.

В этом дневнике отразились первые впечатления от волшебного удэгейского мира. Мне сейчас трудно было бы написать что-то подобное. Поэтому в первую очередь я обращаюсь к выдержкам из полевого дневника 1984 – 1985 годов. Тогда я ещё не знала, что «Сан Саныч» – Александр Александрович Канчуга станет удэгейским писателем, причём пишущим по-удэгейски! Но когда я прочла строки, посвященные ему, я поняла, что это было совершенно закономерно.

Из полевого дневника 1985 года:

«Сан Саныч – один из тех, кто понимает всё совершенно адекватно. Мне кажется, он самый интеллигентный человек на Яру², а может быть, и вообще среди удэгейцев.

Однако начну по порядку. Сан Саныча мы³ запомнили сразу. На следующий день по приезду мы пришли в поссовет, где нужно было отметить наши командировочные удостоверения. Там помимо поссоветовских работниц мы увидели очень запоминающегося, значительного человека – крупный мужчина с большой головой и умным, даже каким-то задумчивым лицом. Ему было на вид немного за сорок. Он спросил нас о цели нашего приезда, мы что-то пробормотали в смущении. Когда он ушёл, нам сказали, что это Александр Александрович Канчуга, директор школы.

Школа на Яру – центр культуры, по местным масштабам никак не меньший, чем университет в Ленинграде.

Именно Сан Саныч навёл меня на мысль, что первое, что нужно сделать для спасения удэгейского языка, это

¹ Работа выполнена при поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН (ОИФН); проект «Традиционный нарратив и способы его документации».

² Я пишу «на Яру», а не «в Красном Яре», потому что так говорят местные жители, те, для кого этот посёлок – родной.

³ Я и Фатима Абисаловна Елоева, ныне профессор кафедры общего языкознания Санкт-Петербургского университета.

написать пособие по языку для школы. Такое пособие было совершенно необходимо, для того чтобы дети знали что-то о своём языке. С Сан Санычем мы и начали впоследствии работать.

Но скажу о нём несколько слов. Сначала он держался с нами сухо, немного отстранённо. Но по прошествии некоторого времени стал простым и дружелюбным.

Пожалуй, на Яру это тот человек, с которым можно говорить обо всём без всякой «адаптации» мыслей и слов к иному культурному стереотипу. Он прекрасно понимал всю сложность проблемы, которая стояла перед ним, перед его селом, перед всем удэгейским народом и перед всем миром в целом. Как быть с малочисленными коренными народами? Что делать с теми, кто ведёт «традиционный образ жизни»? Бросить их как нерентабельных – пусть ассимилируют? Или попытаться сохранить их? А если сохранять, то как именно?

Сама жизнь Сан Саныча – отражение этого запутанного и, возможно, неразрешимого вопроса. Он рассказывал нам, как его отец в молодости встречался с Арсенье-

вым⁴, когда тот останавливался тут, на Олоне⁵. Сан Саныч происходит из большого удэгейского рода Канчуга⁶. В детстве он говорил только по-удэгейски, это его родной язык. Сейчас ему проще изъясняться по-русски. В детстве он лучил с отцом рыбу⁷, затем получил высшее образование, закончил педагогический институт, стал учителем русского языка и литературы. Удэгейским владеет только как разговорным языком. Сан Саныч сам понимает, что это не здорово, но что поделать? С одной стороны, не надо ассимилировать, надо быть удэгейцем, с другой стороны, его любимая жена – Фаина Николаевна – русская, дети уже полукровки, о внуках и говорить не приходится, они русские.

Вот мы сидим у почтовского спуска⁸ на досках у его ло-

⁴ В.К. Арсеньев – ученый, писатель, исследователь Уссурийского края, автор книг «Дерсу Узала», «Сквозь тайгу» и других.

⁵ Олон – удэгейский посёлок на противоположной от Красного Яра стороне Бикина.

⁶ Названия удэгейских родов (Канчуга, Суляндига, Саунка, Пионка, Геонка и т.д.) после паспортизации удэгейцев стали фамилиями.

⁷ лучить рыбу – колоть рыбу острой ночью при свете факела.

⁸ почтовский спуск – спуск к Бикину, к которому до постройки моста приставала лодка, перевозившая почту.

дочного сарая. Мы шли на реку, а Сан Саныч вместе с женой и сыном только что приехал откуда-то на моторке. Теперь Сан Саныч уже не внушает мне страха, и это вовсе не значит, что пропало к нему уважение, как раз наоборот. После бесед с ним создаётся впечатление, что он один из самых умных, интеллигентных людей, которые встречались мне не только на Яру и не только среди удэгейцев, а вообще в жизни. Он понимает сложность бытия, понимает жизнь, как сплетение неоднозначных факторов, где не всё просто решается и где чаще всего нет «наших» и «ваших», «белого» и «чёрного». Он учитывает разные точки зрения, и хотя знает и понимает, как было лучше, но никогда не навязывает насильно это понимание другим. Он прежде всего осмысливает самого себя. Самое удивительное в Сан Саныче – это то, что он, директор школы, один из трёх самых важных людей в селе – наряду с председателем поссовета и директором госпромхоза – не важничает, не набивает себе цену. Вот что он рассказал нам о себе:

– Знаете, меня учиться послали, говорили, я способный. Но я сначала, когда начал учиться, ничего не понимал, не давалось мне учение, и всё тут. Я уж думал, не будет из меня толку, а потом, далеко не сразу, я вдруг всё понял. И это как-то вдруг произошло, внезапно, как будто озарение нашло. И тогда я стал книги читать, а до этого слова читаю – смысла не вижу.

Поразительно, что в Сан Саныче нет никакого желания выглядеть лучше, выдать желаемое за действительное. Многие ли люди могут рассказать так о себе? Обычно люди боятся признаться, что чего-то не читали, не знают. Есть и другие, кто говорит с вызовом: «Мы ваших университетов не кончали». В словах Сан Саныча нет и намёка на вызов. Он говорит просто, без ри-

совки – это объективная констатация факта.

В глазах Сан Саныча застыла какая-то печаль. Возможно, это свойственно всем умным людям. Но на его месте трудно не быть печальным. У него на руках школа, и я практически уверена, что это лучшая школа у удэгейцев. Он делает для школы всё, что возможно и что невозможно.

– Ругают нас в районе, – печально и спокойно говорит он. – Ругают нас всё время, что мы, мол, ничего не производим, что просто сидим у района на шее. А что нам делать, куда нам отсюда деваться? Что, сняться с места и уйти?

Почему народ должен сниматься места, где жил испокон веков? И куда уйдёшь, когда на дворе конец двадцатого века? Теперь уходить некуда. Это раньше можно было собрать нехитрый скарб и на батах⁹ и толкачом¹⁰ пойти вверх по реке, остановиться на косе, поставить палатку. Так было во времена его детства.

– Помню, я ещё мальчишкой был, – рассказывает Сан Саныч. – Бывало на ночь пристанем на косу, мужчины сразу начинают траву высокую рубить для ночлега, ставят палатки, балаганы¹¹. Женщины еду готовят. Потом, когда всё закончат, мужчины начинают бороться, была такая традиционная борьба, я даже сейчас помню некоторые захваты. Интересно было.

Ещё Сан Саныч рассказывает нам про деда Маяку – о нём когда-то даже сняли документальный фильм.

– Не хотел тот дед в доме оседло жить, так один и кочевал по тайге в оморочке¹². Его спрашивают, не скучно ли так жить одному, а он отвеча-

ет: «А что скучно? Плыву, потом мало-мало рыбу ловлю, рыбу сварю, потом у реки сижу, мало-мало думаю». «О чём же вы думаете, дедушка?» – его спрашивают. «А вот куда дальше поеду». Такой вот дед. – Сан Саныч замолкает. А потом говорит с удивлением:

– Вот как интересно «мало-мало сиди, думай», любопытный старик.

Всё идёт по спирали, как нас учили из диалектики. И если дед Маяка – это первый виток, то Сан Саныч – это уже третий. Те, кто ещё только-только оторвались от деда Маяки, недавно шагнули из традиционного уклада и узнали, что «там, за рекой» – совсем другая жизнь, стремятся оторваться от «старого», уйти в эту новую жизнь. Новый мир как могущественный великан, куда от него денешься. Он несёт много нового, интересного и притягательного. Сначала это ружья и порох, недостающие продукты, одежда, а потом кино, музыка, книги, но и водка. Маленькая традиционная культура не может соперничать с этим великаном, она уходит, прячется в непроходимых лесах, кочует по таёжным речкам с дедом Маякой – прочь от влияния. Но дети деда – уже люди второго витка – они хотят отбросить все старинное традиционное, перенять обычаи и язык у большой культуры, они меняют одежду, манеры, стараясь превратиться в других. Это, однако, полностью удаётся далеко не всем, потому что традиционное, воспринятое в детстве так просто не изменишь.

И вот наступает третий виток. Пробуждается самосознание. Человек понимает, что он не такой, как другие, и ему совсем не хочется раствориться в океане той большой и сильной, доминирующей культуры. Он хочет вновь стать самим собой, а не копировать чужие образцы. Конечно, никто не зовёт обратно в балаганы из корья, никто

не требует переодеться в халаты из рыбьей кожи. Дело не в одежде и не в типе постройки. Главное сохранить своё своеобразие, свой язык, свою культуру. Главное понять, что никакая культуры не выше другой, каждая самоценна, и утрата любой из культур – это утрата опыта, накопленного какой-то частицей человечества. И эта утрата невосполнима вовек. Понимание этого – вот третий виток.

Кажется, в Красном Яре один только Сан Саныч в полной мере разделяет такую точку зрения. Удэгейцы должны существовать, а как иначе.

– Один только Красный Яр держится, – говорит нам Сан Саныч, – в других местах всё гораздо хуже. В «Островном» (бывшее удэгейское село Санчихеза) осталось только три семьи. Про Анюй¹³ говорят, что пьют там очень много. Не знаю, как они там не выродились ещё...

Таков удэгейский мир.

– Вот хорошо бы свезти всех в одно село, – говорит Сан Саныч. – А то получается, несколько семей живут тут, несколько – там. И, конечно, язык теряется. Может быть, если бы все жили вместе, и удалось бы что-нибудь сохранить? А с другой стороны – как же людей с места снимать? Вот нам скажите сейчас, уезжайте с этого места, там лучше будет, мы не захотим... А получается, что и не общаемся с удэгейцами из других мест.

Действительно, доехать из Красного Яра до Гвасюгов¹⁴ – это по времени приблизительно столько же, как приехать из Москвы. Из Москвы 8 часов самолёт и несколько часов автобус, а из Красного Яра путь может занять гораздо больше времени – автобусом до Лучегорска, там на проходящем поезде до Кругликово – на «подкидыше» по железной дороге до Сидимы,

⁹ бат – удэгейская долблёная лодка.

¹⁰ толкачом – способ передвижения на мелких местах, при котором движение осуществляется путём отталкивания о дно реки длинным шестом.

¹¹ балаган – местное название удэгейского традиционного жилища из коры.

¹² оморочка – маленькая одноместная долблёная лодка, использовавшаяся главным образом для охоты.

¹³ Анюй – приток Амура, место проживания анюйских удэгейцев (см. ниже).

¹⁴ Гвасюги – удэгейский посёлок на р. Хор (см. ниже).

а от неё ещё 60 километров. Раньше удэгейцы перекочёвывали на реку Хор по рекам и речушкам, ведь верховья Бикина и Хора совсем рядом. Путь занимал не больше времени, чем сегодня с современным транспортом.

В тот год, через два дня после нашего отъезда, школа – это детище Сан Саныча – горела. Она не сгорела дотла, потому что «её тушили весь Яр», как мне написала в письме школьница Наташа Суанка. Школу восстановили, сначала интернат, а потом и классы. Могу себе представить, как шипели в районе – мало того, что на шее сидят, ещё школа у них сгорела. Опять удэгейцы виноваты?

Вот отрывок из полевого дневника, посвящённый Александру Александровичу Канчуга. Набирая сейчас на компьютере свои заметки, я поняла, что совершенно не случайно, что именно Александр Александрович стал писать на удэгейском языке. Это путь если не к спасению языка, то к сохранению его для потомков. Он сохранил для удэгейцев и для всех нас большой кусок удэгейской истории и культуры.

Неудивительно и то, что новый удэгейский писатель появился именно в Красном Яре на реке Бикин. Я побывала во всех местах, где раньше жили удэгейцы, – как говорят этнографы, у удэгейцев разных территориальных групп.

Уже к началу 1960-х годов практически исчезли две территориальные группы из существовавших когда-то восьми: приморская и кур-урмийская.

Приморские удэгейцы, жившие по мелким рекам, впадавшим в Японское море от залива Ольги до рек Коппи и Нельма, когда-то были довольно многочисленны, хотя на каждой отдельной реке жили только по две-три семьи. С морского побережья, особенно на юге Приморья, удэгейцы оказались вытеснены раньше, чем с других тер-

риторий. Ещё в конце XIX века здесь селились китайцы, занимавшиеся ловлей трепанга и сбором морской капусты. Затем сюда же прибыли переселенцы из европейской части России, а на самом юге Приморья скоро выросли большие портовые города Владивосток и Находка. Понятно, что рядом с ними удэгейцы уже не могли вести своё традиционное хозяйство. Некоторые семьи переселялись в другие области, уходили на Самаргу, Бикин, Иман. От приморских удэгейцев ведёт своё происхождение род Пеонка (названный по реке река Пея), а, возможно, также роды Куинка и Аян-ка. На самом севере приморские удэгейцы живут бок о бок с орочами, язык и культура которых очень близки к удэгейским. Удэгейцы, жившие на Коппи и Нельме, во время паспортизации были записаны орочами. Окончательно приморские удэгейцы исчезли в 1960-е годы, хотя рассказывают, что в посёлке Терней до 1980-х годов жила старушка, последняя представительница местных приморских удэгейцев.

В отличие от приморской группы, которая была относительно многочисленной, **кур-урмийская**, как и хунгарийская, и в прежнее время была небольшой.

По рекам Кур и Урми удэгейцы жили в тесном соседстве с нанайцами и эвенками. С 1930-х годов этот район стал местом ссылки китайцев южного Приморья, а позднее и представителей других народов: немцев, голландцев, греков, украинцев, русских, цыган и других. В обследованном нами посёлке Кукан живут потомки этих вынужденных переселенцев, дети от самых удивительных смешанных браков. Здесь есть дети грека и китайки, голландца и украинки и т.п. Удэгейцы, которые и прежде были малочисленными, растворились в образовавшемся здесь многонациональном конгломерате. Сейчас в по-

сёлке Кукан проживают братья, два последних представителя кур-урмийских удэгейцев, отчасти владеющих разговорным удэгейским языком. Оба в паспорте записаны эвенками.

Под угрозой оказались также достаточно малочисленная хунгарийская и две в прошлом большие территориальные группы удэгейцев – анюйская и иманская. Их упадок – в полной мере заслуга местного начальства и политики укрупнения в целом. Можно сказать, что именно преобразования 1960-х – 1970-х годов – укрупнение деревень и «освоения (читай – «разграбление») природных богатств» – определили дальнейшую судьбу различных территориальных групп удэгейцев. В этот период в каждой из них сложилась своя уникальная ситуация.

Хунгарийские удэгейцы жили в посёлке Кун на реке Хунгари (ныне река Гур) в Комсомольском районе Хабаровского края. В порядке укрупнения сёл они были сселены в расположенный в нескольких километрах пос. Снежный. Сюда же попала часть хунгарийских орочей. Вместе удэгейцы и орочи – лишь незначительная часть населения посёлка. Они полностью лишены возможности заниматься традиционным трудом и составляют беднейшую и наиболее неблагополучную часть.

Анюйские удэгейцы в 30-х годах были сселены в посёлок Бира, расположенный в среднем течении Анюя. В 1972 году под предлогом того, что он находится слишком далеко и туда очень неохотно направляются учителя и медицинские работники, посёлок был ликвидирован; 120 удэгейцев были переселены в новый посёлок, расположенный значительно ниже по течению рядом с посёлком Арсеньев, населённым в основном украинцами. Этот новый посёлок получил название Рассвет. Однако новое место оказалось очень неудачным –

ежегодно, а то и дважды в год во время разлива реки его заливают: дома гниют, огороды смывает. Это место непригодно для жизни.

Сразу после переселения в Рассвет удэгейцы стали массово гибнуть. Резко возросло пьянство и соответственно увеличилось количество несчастных случаев, убийств и самоубийств. К концу 80-х годов на Анюе осталось не более 50 человек, при этом почти треть из них – приехавшие из Гвасюгов хорские удэгейцы. Таким образом, собственно анюйских удэгейцев оставалось чуть больше 30 человек. Это из 120 прибывших сюда всего двадцать лет назад! Численность анюйских удэгейцев за 20 лет сократилась в 4 раза! Спасибо районному начальству. Именно оно сорвало удэгейцев с привычного места и поселило в непригодном для жизни людей болоте. В этом посёлке, как будто по злой иронии названном Рассвет, удэгейцы оказались лишёнными основы существования – традиционного труда. Из живущих на Анюе удэгейцев сейчас ни один не является охотником – все работают на лесоповале неквалифицированными рабочими. Только старики помнят родной язык. Когда мы

были на Анюе в 1990 году, из всех живущих в Рассвете стариков собственно анюйской удэгейкой была лишь одна старушка Ваянка Амулинка, все остальные были приезжими с Хора.

Удэгейцы живут в обветшавших домах, большинство из которых привезено ещё с Биры. Жители посёлка Арсеньево вспоминают, что в первые годы после переселения удэгейцев в их посёлке всё было иначе: «Там было так хорошо, чисто. Ходили старушечки в национальных халатах, действительно, это был Рассвет. Мы, дети, любили туда бегать. А теперь просто страшно войти, что там делается», – рассказывает председатель сельсовета посёлка Арсеньево, бывшая школьницей в начале 70-х годов.

В результате из Рассвета уехали все способные удэгейцы, переехав в Арсеньево, в Троицкое (районный центр) или в Хабаровск. Рассчитывать на какое-либо возрождение этой территориальной группы, к сожалению, надеяться трудно.

По-другому сложилась судьба очень большой группы **иманских удэгейцев**, живших на реке Иман (в связи с русско-китайским конфликтом 1971 г. переимено-

ванной в Большую Уссурку). Их село Санчихеза (Островное) процветало, пока опять же не попало в разряд перспективных. В результате местные власти сначала прекратили строить новые дома, затем один за другим закрыли школу, клуб, больницу, магазин. Село медленно умирало, жители начали уезжать – многие переселились в Красный Яр на Бикин, другие разъехались по району. Сейчас иманские удэгейцы (более 100 человек) отдельными семьями живут по разным посёлкам Красноармейского района (Дальний Кут, Мельничное (Сидатун), Рошино, Новопокровка, Вострецово (Картун) и другие). После страшного наводнения 1989 года Санчихеза практически прекратила своё существование.

Уже в 1990-е годы делалась попытка возродить Санчихезу. Одна удэгейская семья организовала там фермерское хозяйство, надеясь, что удастся снова собрать удэгейцев в Санчихезе. Это была непростая задача, потому что к этому времени когда-то большое село превратилось в пустошь. Кое-где из-за высокой травы виднеются прохудившиеся крыши покосившихся домов. Жить в них нельзя. Поэтому строительство посёлка пришлось начинать заново. Пока дальнейшая судьба Санчихезы представляется весьма туманной, а ведь единственный способ для иманских удэгейцев избежать полной ассимиляции – это собраться в одном селе, как это было раньше. Иманские удэгейцы попросту исчезнут, если будут по-прежнему рассеяны среди русского населения.

Только три территориальные группы удэгейцев живут компактно, а потому имеют будущее: **самаргинские** (пос. Агзу – 120 удэгейцев, составляющих 57% населения посёлка); **хорские** (пос. Гвасюги – 150 человек, 65% населения посёлка) и **бикинские** (пос. Красный Яр и

Олон – 350 человек, 55% населения посёлков). Тут, конечно, также не всё произошло совершенно гладко. Основной проблемой удэгейских посёлках стала безработица.

Село Агзу Тернейского района Приморского края, где живут **самаргинские** удэгейцы – самое труднодоступное из всех удэгейских посёлков. Сюда можно добраться только на вертолёте при благоприятной погоде или в летнее время на лодке по Самарге. Спуск по этой бурной горной реке занимает несколько часов, подъём – значительно больше времени. При этом управление лодкой требует большого навыка и хорошего знания реки. Зимой по замерзшей реке прокладывают зимник, и по нему идут машины, доставляющие сюда грузы.

В Агзу до сих пор нет ретранслятора, и жители не могут смотреть телевизор, разве что по спутниковой антенне, правда, в последнее десятилетие здесь распространились видеоманитофоны. Электричество вырабатывается местной динамо-машиной, которая работает на солярке. Включают электричество только на несколько часов днём. Так что покупать, например, холодильник в Агзу не имеет смысла.

Однако несмотря на такую труднодоступность и «статистическое» благополучие (официально в селе 57% населения – удэгейцы), степень сохранности языка и традиционной культуры в Агзу ниже, чем у удэгейцев других территориальных групп. Это особенно бросается в глаза, когда сравниваешь местных самаргинских удэгейцев с хорскими, которых здесь тоже очень много. Можно сказать, что носителей собственно самаргинского диалекта уже можно пересчитать по пальцам. Материальная культура также во многом утрачена: в Агзу мы не видели ни кожаных, ни удэгейских люлек, ни долблённых оморочек,

ни лыж, подбитых камусом. А ведь удэгейцы на других реках до сих пор не только пользуются этими предметами, но и изготавливают новые.

Такая быстрая утрата собственно самаргинского диалекта, как мне кажется, объясняется тем, что они значительно раньше, чем другие, столкнулись с русскими. Поскольку эти приморские области были пограничной зоной, здесь уже с 1930-х годов появились военные части. В результате на Самарге раньше, чем на других реках, начался процесс метизации. Интересно, что сейчас лучший знаток традиционной культуры, охотник, следопыт, шаман Анатолий Камандига по прозвищу Тарзан – удэгеец только наполовину. Однако он был воспитан матерью-удэгейкой и обладает в полной мере удэгейским самосознанием.

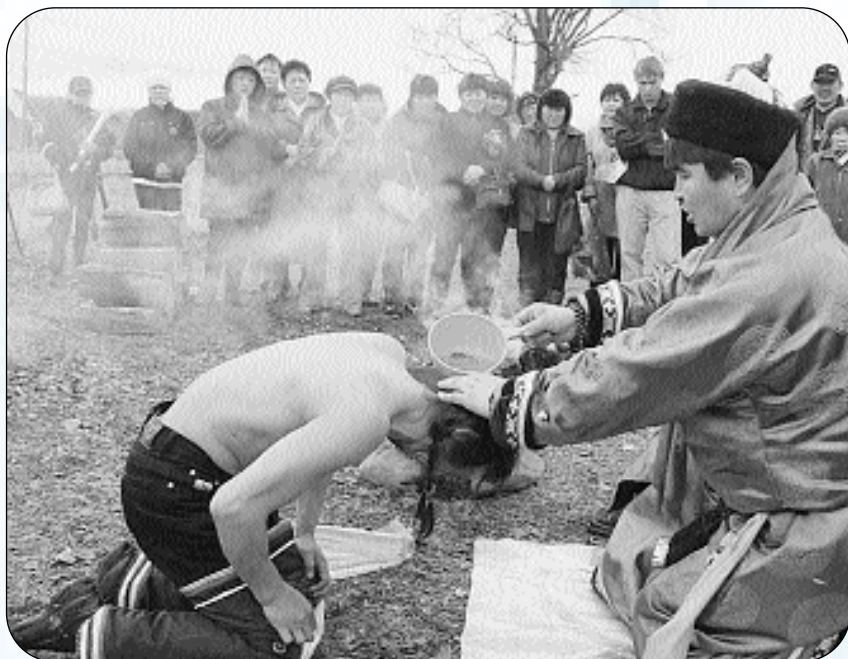
При ближайшем рассмотрении почти половина самаргинских удэгейцев оказывается удэгейцами только по одному из родителей, а некоторые, особенно дети, удэгейцы лишь на четверть и на одну восьмую. Тем не менее по документам они считаются удэгейцами, что объясняется, к сожалению, не нали-

чием удэгейского самосознания, как у Анатолия Камандига, а просто желанием получить льготы, положенные представителям коренного населения (льготы при поступлении в вузы, права на охоту и лов некоторых пород рыб).

Современные самаргинские удэгейцы, за исключением буквально двух-трёх, плохо владеют родным языком, слабо знакомы с фольклором, практически утратили народные промыслы, не говоря уже о эзотерических шаманских знаниях.

В то же время в Агзу уже много лет существуют и активно работают самодеятельные детские ансамбли – в детском саду и в школе. Они знакомят детей с элементами удэгейской культуры. Конечно, обе руководительницы ансамблей – русские учительницы, которые сами ни удэгейским языком, ни удэгейской песенной культурой не владеют. Тем не менее такие ансамбли всё-таки дают представление о национальном костюме, о некоторых традициях, а главное – воспитывают в детях уважение к своему народу. Можно только надеяться, что эта работа не прекратится.

Бикинские удэгейцы сейчас – численно самая большая территориальная группа, даже если учитывать, что из 350 удэгейцев, проживающих в Красном Яре и приписанном к его сельсовету Олон, существенную часть составляют удэгейцы, приехавшие с Имана из разорённой Санчихезы. Бикинские удэгейцы живут не только в Красном Яре, но и по всему Пожарскому району Приморского края, их много в соседних посёлках Ясеновый и Соболиный, в Верхнем Перевале и в районном центре – поселке Лучегорск.

Положение бикинских удэгейцев во многих отношениях лучше, чем удэгейцев других территориальных групп. В распоряжении Госпромхоза, который расположен в самом селе, – огромная таёжная территория, куда входит весь бассейн среднего и верхнего Бикина. Многие мужчины являются кадровыми охотниками, другие – охотниками-любителями. Начиная с конца весны и по осень всё население села активно включается в сбор дикоросов, собирает папоротник, черемшу, голубику, плоды шиповника, листья элутерококка и подорожника, лимонник, кедровый и маньчжурский орехи.

Как видно из этого обзора, положение бикинских удэгейцев определяется во многом и экономикой – у них своя этническая территория, они по-прежнему имеют возможность заниматься традиционными занятиями. Всё это почва, на которой вырос Александр Александрович Канчуга.

В Красном Яре сохраняется не только материальная культура: это место, где до сих пор жива и духовная культура удэгейцев. В 2000 году умерла, возможно, последняя удэгейская большая шаманка – Надежда Либоуцановна Канчуга, по последнему мужу Мартынова, прозванная потому Гулино Канчуга был великий шаман, которого до сих пор вспоминают в селе. Мартыниха училась камлать (шаманить) на Амуре, поэтому во время камлания ей приходилось вызывать духов-помощников издалека – откуда-то с Амура, что с возрастом становилось непросто. Тем не менее она справлялась с этим до самой своей смерти. Умерла она в возрасте 93 лет, причём последние лет тридцать она была совершенно слепой.

Снова выдержка из полевого дневника 1984 года.

«В назначенный день народ в маленьком домишке Мар-

тынихи по улице Арсеньева уже едва помещался. Сидели её квартиранты: Катя, её двое малышей и муж, улыбчивый симпатичный охотник Вася. Сама Мартыниха уже надела свой шикарный наряд – халат и штаны из небесно-голубой парчи, расшитый разноцветными шелковыми нитками. Пришли и старики – живущие по соседству Нина Зунговна и Дзакпани, издалека с Олона приехала Боучаниха. Здесь же сидел гостивший на Бикине отец Кати с Имана из Санчихезы. Был, наконец, чей-то родственник Петя, лет 30 в ботинках на высоких скошенных каблуках. Были, наконец, мы с магнитофоном.

Все, кто мог уместиться, сели за маленький столик у Мартынихи в закутке. Разлили водку в отбитые эмалированные кружки, в миски положили картошки с мясом, стали есть. Вася, Катин муж, побрызгал водкой по сторонам.

– Это зачем? – спросила я и на всякий случай тоже побрызгала.

– Это для Пудзя¹⁵, – объяснил Вася. – У охотников так принято: если кто-нибудь ест или пьёт, надо немного дать и Пудзя. Тогда будет удача на охоте.

Вася говорил и улыбался, и было совершенно непонятно, верит ли он в это сам или делает просто так, по традиции.

Мы уделили Пудзя по крошке хлеба и начали трапезу. Скоро торжественный обед был закончен (удэгейцы вообще мало внимания уделяют столу) и началось действо.

Мартыниха вынула пояс с лязгающими железными подвесками, шаманскую нагрудную повязку. В дом внесли ведро с горящими угольями – камлать полагается у костра, во всяком случае, у огня. В ведро бросили сухие кожистые стебельки багульника болотного, и сразу же узкое низкое помещение наполнилось

¹⁵ Пудзя – дух огня.

дурманящим сладковатым дымом. Скоро он рассеялся, и головокружение прошло.

Бубен уже заранее нагнали во дворе над очагом. И вот началось. По традиции все старики шаманили по очереди. Мы тогда ещё не знали, что начинается слабый, а заканчивается самый сильный.

Первым взялся Катин отец, дед Андрей Кя, седовласый старичок с добрыми смеющимися глазами. Он надел шаманскую повязку, пояс с подвесками, взял в руки бубен и обшитую мехом колотушку, и начал камлать. Он бил в бубен, громко выкрикивая какие-то горловые звуки, и одновременно подпрыгивал на месте, так что железо лязгало в такт ударам бубна. За дедом Андреем последовала бабушка Дзакпани. Было странно видеть, как эта маленькая старушка, которая, казалось, с трудом передвигается, вдруг запрыгала на месте.

Свет выключили. Зрители напряжённо следили за каждым движением выступавших. У каждого был свой стиль, свой ритмический рисунок, своя манера. Боучаниха, великая актриса с Олона, «давала истерику»: она приходила в исступление, выхватывала из огня обгоревшие листья багульника и, нервными движениями разболтав их в кружке с водой, выпивала как бы в припадке экстаза. Дзакпани и дед Андрей камлали грамотно, но долго сохранять необходимый ритм им было не под силу.

Наконец вышла Мартыниха. Она надела шаманский нагрудник, взяла бубен и колотушку и начала – трудно подобрать слово – петь, призывать кого-то или что-то... Она то кричала, то переходила на шёпот. Сначала мерно звучал бубен, потом включалось железное лязганье погремусек, и вдруг всё затихало, и слышны были только странные нездешние призывы. Мы забыли обо всём. Все сидели, как оцепеневшие. И не было никакого дома и ведра с углями. Казалось, вокруг

тёмная тайга, горит костёр, и рядом мелькает, мечется, страдает, выражает себя человек в прекрасном ярком костюме. И было совершенно незаметно, что это старуха.

Она камлала долго, то замедляя, то убыстряя темп, то принималась прыгать, заставляя железные подвески отчаянно лязгать, то вдруг останавливалась, и мы слышали тревожный звук бубна. Мы давно уже забыли про магнитофон. К счастью, удэгеец Петя отобрал у нас микрофон и не забывал поворачивать его вслед за передвижениями Мартынихи.

Это была музыка. Непривычная, космическая, идущая из глубин мироздания, из прошлого и будущего одновременно. Тяжёлый железный лязг сменяется сухим громом, он всё убыстряется, доходит до высшей точки и затихает. И тут всё разрывает человеческий голос, такой же нездешний, потусторонний, как эти лязг и гул; он похож то на плач, то на крик раненого зверя, то на лесное эхо, он становится всё тише, превращаясь в причитания и шёпот, который уже почти не слышен за мерным бум-бум-бум обитой камусом колотушки по нагретой коже бубна. И снова железо, а потом вдруг прорываются знакомые по песенным вставкам в сказках удэгейские мелодии, которые тут же искажаются, превращаясь в крик, в боль, в плач, в призыв.

И это здесь – в совершенно неподходящей обстановке, где низкая комната вместо косы на реке, и собрались не охотники после трудного дня, а лишь старухи да мы, пришлые наблюдатели. Но всё равно, несмотря даже на Петю с магнитофоном, мы в полном оцепенении смотрим и слушаем бабу Мартыниху.

Это длилось без малого часа два – записали кассету с обеих сторон. Когда всё закончилось, мы стали прощаться. Старушки обнимали нас и спрашивали, когда мы при-

едем снова. Мы наобум сказали, что через год, и выполнили своё обещание. А через год Мартынихи в доме не оказалось – она была в больнице. В больнице её тоже не оказалось, и куда она делась, никто сказать не мог. – Наверное, она предупредила врача, – пожалала плечами полная медлительная медсестра-нанайка.

– Верна дом Пимка пошёл его, сё ремь там сиди, – возмущённо сказала бабушка Дзакпани, когда мы ей рассказали, что не нашли Мартыниху ни дома, ни в больнице. – Сё ремь шатайся его.

Как бы там ни было, но повидать бабу Мартыниху в тот год нам так и не удалось».

Гулино Канчуга, муж Мартынихи, был дядей Сан Саныча, так же как и знаменитый Пакула, герой рассказов Николая Дункая, другого замечательного бикинского писателя. По удэгейскому закону Мартыниха приходится Сан Санычу тёткой. Конечно, учитель русского языка и литературы, в прошлом директор школы, не может стать шаманом и взять в руки бубен и колотушку. Но он может взять ручку и лист бумаги. И стать писателем.

Елена ПЕРЕХВАЛЬСКАЯ

г. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Елена Всеволодовна Перехвальская родилась в 1954 году. Окончила в 1976 году испанское отделение филфака Ленинградского университета. Ещё студенткой увлеклась проблемами индоевропейского языкознания. Первый раз побывала у бикинских удэгейцев в Красном Яру в 1984 году. В 1987 году защитила кандидатскую диссертацию, посвящённую влиянию кельтского субстрата на формирование некоторых черт синтаксиса современных романских языков. В 2006 году стала доктором наук. Тема докторской работы: «Сибирский пиджин. Дальневосточный вариант: Формирование». В 1990-е годы занялась всесторонним описанием удэгейского языка. С 2004 по 2009 год преподавала удэгейский язык в Российском педуниверситете им. А.И. Герцена. В настоящее время заведует лабораторией полевой лингвистики в Санкт-Петербургском университете. Помимо научной работы активно занимается также переводами на русский язык европейских писателей. Живёт в Санкт-Петербурге.